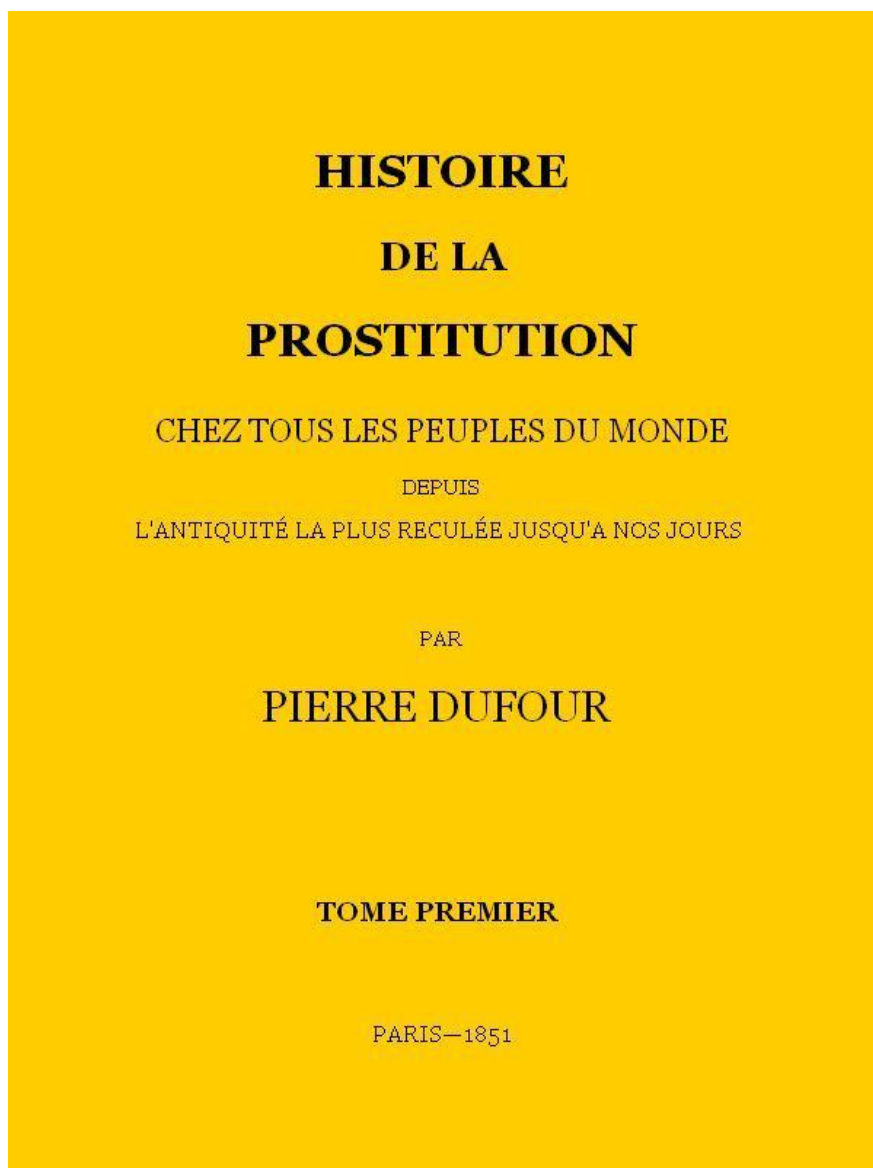

История проституции у всех народов мира с самой отдаленной древности до наших дней, том 1/6

П. Л. Жакоб

The Project Gutenberg eBook of Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde depuis l'antiquité la plus reculée jusqu'à nos jours, tome 1/6

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde depuis l'antiquité la plus reculée jusqu'à nos jours, tome 1/6

Автор: П. Л. Жакоб

Дата выхода: 9 февраля 2012 [eBook #38797]

Язык: Французский

Аккредитация: Подготовлено Лораном Вогелем, Хансом Питерсом, Ги де Монпелье и группой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, являющихся общественным достоянием, из проекта Google Print проекта Google Print).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTOIRE DE LA PROSTITUTION CHEZ TOUS LES PEUPLES DU MONDE DEPUIS L'ANTIQUITÉ LA PLUS RECUÉE JUSQU'À NOS JOURS, TOME 1/6 ***

Примечание к транскрипции:

Ошибки, явно допущенные типографом, исправлены.

В данном тексте встречаются некоторые слова и выражения на греческом языке, например, μέτα ἑταίρων. Если они отображаются неправильно, проверьте, пожалуйста, набор символов, используемый вашим веб-браузером. Кроме того, проведите мышью по тексту, и на экране появится транслитерация в латинские символы.

Оглавление можно найти [здесь](#).

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ.

ТИПОГРАФИЯ PLON FRÈRES,
RUE DE VAUGIRARD, 36, A PARIS.

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ

СРЕДИ ВСЕХ НАРОДОВ МИРА ОТ САМОЙ ОТДАЛЕННОЙ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ,
АВТОР: ПЬЕР ДЮФУР,

Член нескольких французских и иностранных академий и научных обществ.

ТОМЕ ПРЕМЬЕР.

ПАРИЖ-1851

SERÉ, ÉDITEUR, 5, RUE DU PONT-DE-LODI, ET P. MARTINON, RUE DU COQ-SAINT-HONORÉ, 4.

ВВЕДЕНИЕ.

Если трудно дать определение слову "*проституция*", то еще труднее охарактеризовать ее историю в древние и современные времена! Это слово "*проституция*", которое, как раскаленное железо, бичует одну из самых печальных бед человечества, употребляется не столько буквально, сколько фигурально, и часто вновь появляется в устной или письменной речи, не приобретая своего истинного значения. Серьезные авторы "Словаря Академии наук" (последнее издание 1835 года) не нашли для этого слова лучшего определения, чем следующее: "Предательство блуда". До них Ришелье довольствовался еще более расплывчатым определением: "Déréglement de vie"; но, не удовлетворившись этим объяснением, неадекватность которого обвиняет его скромность, он завершил смысл менее амфиболичным предложением: "C'est un abandonnement illégitime que fait une fille ou femme de son corps à une personne, afin que cette personne prend avec elle des plaisirs défendus." Это предложение, из которого авторы Словаря Академии наук взяли свое определение, не говорит даже обо всем, что содержится в слове "*Проституция*", поскольку *отказ от нее* при определенных обстоятельствах распространяется на лиц обоих полов, а удовольствия, запрещенные религией или моралью, часто разрешаются или допускаются законом. Поэтому мы считаем, что слово "*проституция*" должно быть возвращено к своей этимологии (*Prostitum*) и пониматься как любой вид непристойной торговли человеческим телом.

Эта чувственная торговля, которую осуждает мораль, существовала во все века и у всех народов; но она принимала самые разнообразные и странные формы, видоизменялась в соответствии с обычаями и идеями; обычно она находила защиту у законодателя; она входила в политические кодексы и даже иногда в религиозные церемонии; Оно почти всегда и почти везде завоевывало, так сказать, право города и до сих пор, под влиянием философского усовершенствования обществ, является обязательным помощником городской полиции, безнравственным блюстителем общественной морали, печальным и неперенным данником жестоких страстей человека.

Это, надо признать, один из самых позорных бичей человечества; но этот бич, старый, как сам мир, маскировался то во мраке гостеприимного дома, то в тайнах храмов язычества, то под благопристойными завесами юридической терпимости; Эта позорная чума, которая в большей или меньшей степени грызет общественное тело, нашла в античной философии и христианской религии мощное паллиативное, если не абсолютное средство, и по мере того, как люди просвещаются и совершенствуются, неизбежное зло Проституция уменьшается в интенсивности и ограничивает, так сказать, свои опустошения. Мы не можем надеяться, что она исчезнет совсем, так как порочные инстинкты, которым она отвечает, к сожалению, врождены в человеческом роде; но мы можем с уверенностью предвидеть, что в один прекрасный день она скроется в недрах общественных дозоров и не будет больше поражать взоры честных людей.

Уже сейчас со всех сторон, как во Франции, так и во всех странах, подчиненных регулярному правительству, проституция видит, как число ее агентов постепенно уменьшается вместе с

числом ее жертв; она отступает, как бы доступная чувству скромности, перед развитием нравственного разума; она не отрекается, но знает, что свергнута, и кутается в складки своего куртизанского платья, уже не думая вновь завоевывать свое нескромное царство. Не за горами то время, когда она будет краснеть за себя, когда она навсегда покинет святилище морали, когда она постепенно погрузится в безвестность и забвение. С этими болезнями человеческого сердца дело обстоит так же, как и с физическими заболеваниями, которые под влиянием образа жизни в конце концов изживают себя и теряют свой заразный или эпидемический характер. Проказа больше не известна нам только по имени, и если то тут, то там мы встречаем редкие остатки этой ужасной чумы Средневековья, мы с радостью признаем, что у них больше нет сил распространяться и размножаться: они лишь грозные напоминания о бедствии, которое когда-то опустошало все население, а теперь едва нападает на отдельных индивидов.

Поэтому пришло время написать историю проституции, когда она все больше и больше стремится исчезнуть из памяти людей и привычек народов. Историк берется за времена, которых больше нет; он оживляет мертвые вещи; он возрождает и оживляет прошлое, чтобы учить настоящее и будущее; он дает тело и голос традиции. Этот обширный и любопытный предмет, который мы собираемся рассматривать с помощью ученых и под цензурой самого строгого благоразумия, этот предмет, деликатный и подозрительный одновременно, со всех сторон связан с историей религий, законов и обычаев; но он постоянно отодвигается на второй план и, так сказать, заносится в черный список историков, занимающихся обычаями, законами и религиями как древними, так и современными. Только археологи, такие как Мерсий, Лаврентий, Мусоний и т. д., осмелились взяться за нее, написав латинские диссертации, в которых язык Ювенала и Петрония смог *бросить вызов честности* как в словах, так и в фактах.

Что касается нас, археологов, то мы не должны забывать, что пишем на французском языке и что обращаемся к французской публике, которая хочет быть образованной, но в то же время хочет, чтобы ее уважали. Мы никогда не будем упускать из виду, что эта книга, медленно готовящаяся на благо науки, должна служить моральным целям и что ее главная задача - заставить людей ненавидеть порок, раскрывая его порочность. Лакедемоняне показывали молодым людям отвратительное зрелище пьяных рабов, чтобы научить их избегать пьянства. Не дай Бог, чтобы мы пытались сделать порок приятным, даже показывая его увенчанным цветами среди народов древности! Именно здесь, прежде всего, мы будем отличаться от собственно археологов и ученых, которых не волнует мораль фактов и которые не заботятся о том, чтобы делать из них философские выводы. Они долго рассуждают, например, о скандальных культах Изиды, Астарты, Венеры и Приапа; они раскрывают их чудовищность, перечисляют их позорные деяния, но затем забывают очистить наш разум и успокоить наш дух, противопоставив этим нечистым и деградирующим образам целомудренные уроки философии и благотворное действие христианства.

Проституция в древней и современной истории принимает три различные формы или выражается в трех различных степенях, которые относятся к трем различным периодам в жизни народов: 1^о гостеприимная проституция; 2^о священная или религиозная проституция; 3^о легальная или политическая проституция. Эти три названия вполне соответствуют трем видам проституции, которые М. Рабуто характеризует в этих терминах в своей работе, посвященной этой теме, которую мы намерены рассматривать после него с более общей точки зрения: "Повсюду, насколько позволяет нам проникнуть история, среди всех народов и во все времена, мы видим, как более или менее общий факт, женщину, принимающую самое одиозное рабство, без выбора и без влечения отдающуюся жестоким страстям, которые ее

жаждут и провоцируют. Иногда, когда гаснет весь нравственный свет, благородная и нежная спутница человека теряет последние следы своего достоинства в эту роковую ночь и, став в результате высшего унижения безразличной к тому, кто ею владеет, занимает место мерзкой твари среди даров гостеприимства: священные отношения, из которых рождаются радость домашнего очага и нежность семьи, не имеют ни значения, ни ценности среди этих деградировавших народов. В другие времена, например, на Древнем Востоке, да и почти у всех народов, опирающихся на древние традиции, жертва скромности сочетается с догмами чудовищного натурализма, возвышающего все страсти путем их обожествления; она становится священным обрядом странного и вырождающегося культа, а плата, выплачиваемая бесстыдным жрицам, подобна подношению их богам. У других народов, наконец, среди тех, кто занимает высшую ступень на нравственной лестнице, бедность или порок все еще предоставляют грубым порывам чувств и циничным желаниям целый класс, низведенных до самых низов, терпимых, но отмеченных позором, несчастных женщин, для которых разврат и позор стали профессией".

Таким образом, господин Рабуто считает одиозным рабством ту проституцию, которую мы считаем одиозным трафиком. На самом деле, в трех своих основных формах она представляется нам даже более продажной, чем подневольная, поскольку всегда является добровольной и свободной. Гостеприимный, он представляет собой обмен доброй волей с незнакомцем, неизвестным, который внезапно становится гостем, другом; религиозный, он покупает, ценой скромности, которой он жертвует, благосклонность Бога и посвящение священника; законный, он устанавливается и практикуется, как и все другие виды торговли: Как и у них, у нее есть свои права и обязанности; у нее есть свой товар, свои магазины и свои клиенты; она продает и зарабатывает; как у самых честных профессий, у нее нет другой цели, кроме корысти и прибыли. Чтобы эти три вида проституции можно было отнести к моральному и физическому рабству, гостеприимство, религия и закон должны были бы насильственно создать их и навязать им необходимость существования, несмотря на все сопротивление и отвращение природы. Но ни разу женщина не была рабыней, которая не была бы даже хозяйкой своего тела, будь то в доме, в святилище храма или в борделе города.

Настоящая проституция появилась в мире с того дня, когда женщин стали продавать как товар, и этот рынок, как и большинство рынков, подвергался множеству различных условий. Когда женщины отдавались, повинаясь желаниям сердца и влечениям плоти, это была любовь, это было сладострастие, это не была проституция, которая взвешивает и рассчитывает, устанавливает цены и договаривается. Как и удовольствие, как и любовь, проституция уходит корнями к истокам народов, к зарождению обществ.

В простом состоянии природы, когда люди начинают искать друг друга и собираться вместе, беспорядочные половые связи - неизбежный результат варварства, которое пока не имеет иных правил, кроме инстинкта. Глубокое невежество, в котором пребывает человеческая душа, скрывает от нее элементарные понятия о добре и зле. Проституция может уже существовать: женщина, чтобы получить от мужчины долю убитой им дичи или пойманной рыбы, несомненно, согласится предаться страсти, которой она не испытывает; за жемчужную раковину, за ослепительное птичье перо, за блестящий металлический слиток она предоставит слепой жестокости привилегии любви без влечения и удовольствия. Эта дикая проституция, как мы видим, предшествовала всякой религии и всякому законодательству, и все же с самых ранних дней младенчества народов женщины подчинялись не рабству, а своей свободной воле, своему выбору и своей скупости. Когда народы собираются вместе, когда социальные узы разделяют их на семьи, когда потребность любить и помогать друг другу создает прочные и долговечные союзы, догма

гостеприимства порождает другой вид проституции, который также должен существовать до появления религиозных и моральных законов. Гостеприимство было всего лишь применением той заповеди, врожденной, возможно, в человеческом сердце и проистекающей эгоистической предусмотрительности, а не бескорыстной щедрости, которая с тех пор составляет евангельское милосердие: "Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой". В самом деле, в лесу, где он жил, человек чувствовал необходимость всегда и везде находить в своем ближнем место для огня и стола, когда его охота или странствия уводили его далеко от его шалаша из ветвей и от его постели из звериных шкур: это было условие общей пользы, которое поэтому сделало гостеприимство священным догматом, нерушимым законом. У всех древних народов гостя встречали с уважением и радостью. Его приход считался добрым предзнаменованием, его присутствие приносило удачу приютившему его дому. В ответ на то счастливое влияние, которое он приносил с собой и оставлял везде, куда бы ни шел, разве не справедливо было стремиться угодить ему и быть приятным для него, каждый по мере своих возможностей? Отсюда та готовность и забота, с которой к нему относились. Муж охотно уступал свое ложе и жену гостю, посланному ему богами, а жена, покорная обычаю, который льстил ее капризному любопытству, с готовностью отдавалась самому деликатному акту гостеприимства. Правда, ее влекла надежда на подарок, который незнакомец часто преподносил ей на следующий день, когда уходил от нее. Это было не единственное преимущество, которое она извлекала из разрешенной проституции, предписанной даже ее родителями и мужем; у нее был шанс получить ласки бога или джинна, который сделал бы ее матерью и одарил бы славным потомством; ведь во всех религиях, как в Индии, так и в Греции и Египте, было всеобщее убеждение, что боги проходят через людей и обитают среди них в человеческом облике. Этот путник, этот нищий, это обезображенное и опозоренное существо, ставшее членом семьи, как только переступило порог дома или палатки, и поселившееся там на правах хозяина во имя гостеприимства, - не мог ли он быть Брамой, Осирисом, Юпитером или каким-нибудь переодетым богом, спустившимся к смертным, чтобы увидеть их вблизи и испытать их? Не очищалась ли тогда женщина в объятиях божества? Так гостеприимная проституция, свойственная всем примитивным народам, была закреплена традицией и привычкой в обычаях древней цивилизации.

Сакральная проституция была почти одновременна с этой первой проституцией, которая была в некотором роде одной из тайн культа гостеприимства. Как только религии родились из страха, вселяемого в человеческое сердце видом великих сотрясений природы; как только вулканы, бури, молнии, землетрясения и бушующие моря привели к изобретению богов, проституция предложила себя этим ужасным, но не непримиримым богам, и жрец взял для себя подношение, которым боги, которых он представлял, не могли наслаждаться. Невежественные и доверчивые люди приносили к алтарям все, что было для них дороже всего: молоко своих телок, кровь и плоть своих быков, плоды и урожаи своих полей, продукты своей охоты и рыбной ловли, произведения своих рук; женщины вскоре приносили себя в жертву богу, то есть его идолу или его жрецу; жрец или идол, то один, то другой получали жертву, иногда девственность юной девушки, иногда скромность замужней женщины. Языческие религии, порожденные случайностью и капризом, были сформулированы в догмы и принципы, оформлены в соответствии с обычаями и ассимилированы в правительствах политических государств: философы и жрецы подготовили и выполнили эту гениальную работу мошенничества с умом; но они были осторожны, чтобы не вмешиваться в старые обычаи священной проституции: они только регулировали ее и направляли ее практику, которую они окружили причудливыми и тайными церемониями. С тех пор проституция стала сутью определенных культов богов и богинь, которые приказывали, терпели или поощряли ее. Отсюда мистерии Лампсаки, Вавилона, Пафоса и Мемфиса; отсюда позорная торговля у

ворот храмов; отсюда чудовищные идолы, которым prostituировали девственницы Индии; отсюда непристойная империя, которую жрецы присваивали себе под покровительством своих нечистых божеств.

Проституция неизбежно должна была перейти из религии в мораль и законы: поэтому именно легальная проституция завладела обществом и развратила его до глубины души. Эта проституция, во сто крат более опасная, чем та, что пряталась в тени алтарей и священных лесов, являла себя без завесы всем взорам и даже не прикрывалась благовидным предлогом общественной необходимости. Именно в это время законодатели, пораженные опасностью, которой подвергалось общество, набрались смелости выступить против проституции и удержать ее в разумных пределах; некоторые тщетно пытались ее задушить и уничтожить; но они не осмеливались преследовать ее даже в неприкосновенных святилищах, которые религия открывала для нее в определенные праздники и торжественные случаи. Церера, Вакх, Венера и Приапе защищали его от власти магистратов, к тому же он так глубоко проник в привычки народа, что вырвать его, не задев корней религиозной догмы, было бы невозможно. Только новая религия могла прийти на помощь миссии политического законодателя и заставить священную проституцию исчезнуть, наложив спасительный тормоз на легальную проституцию. Таково было дело христианства, свергнувшего чувства и провозгласившего торжество духа над материей.

И все же Иисус Христос в своем Евангелии реабилитировал куртизанку, воскресив Магдалину, и, допустив эту грешницу на пир божественного слова, призвал к себе и юродивых дев, и мудрых дев; но, открыв эпоху покаяния и искупления, он учил скромности и непорочности. Его апостолы и их преемники, дабы низвергнуть ложных богов блуда, объявили христианскому миру, что истинный Бог общается только с целомудренными душами и воплощается только в телах, свободных от осквернения. В эпоху развитой цивилизации гостеприимной проституции больше не существовало; священная проституция, впервые покрасневшая, закрылась в своих храмах, где ей бросил вызов новый, более нравственный и менее чувственный культ. Язычество, которому угрожали и на которое нападали со всех сторон, даже не пыталось защищать, как одну из своих любимых форм, эту проституцию, которую общественная совесть отвергала с ужасом. Таким образом, священная проституция перестала существовать, по крайней мере открыто, еще до того, как язычество полностью отказалось от своего культа и своих храмов. Евангельская религия научила своих неофитов уважать себя; целомудрие и непорочность стали обязательными добродетелями для всех, а не привилегией немногих философов, как в прошлом; поэтому у проституции больше не было ни причин, ни возможностей надевать религиозный плащ и ютиться в каком-нибудь укромном уголке святилища. Однако за многие века она так глубоко проникла в религиозные нравы, принесла столько скрытых удовольствий служителям алтарей, что все еще сохранялась то тут, то там в недрах некоторых монастырей и пыталась смешаться с непристойным поклонением некоторым святым. Это все еще был Приапе, которому грубые и невежественные вульгары поклонялись под именем святого Гиньоля или святого Греликона: это все еще была, в истоках христианства, священная Проституция, которая ставила бесплодных женщин в непосредственный контакт с фаллоформными статуями этих благословенных бесчестных мужчин.

Но благородная мораль Христа просветляла умы, успокаивала страсти, возвышала чувства и очищала сердца. На заре новой веры считалось, что проституция будет изгнана как из морали, так и из законов, и даже не нужно будет возводить законные дамбы против нечистот этого гнилого потока, который святой Августин сравнивал с выгребными ямами, сооружаемыми в самых великолепных дворцах для отвода дурных миазмов и обеспечения

чистоты воздуха. Новое общество, которое было основано посреди старого мира и которое поначалу вело себя соответствии с евангельскими правилами, вело жестокую войну с проституцией, в какой бы форме она ни осмеливалась просить пощады; епископы, синоды и соборы повсюду обличали ее в ненависти к верующим и заставляли прятаться в тени, чтобы избежать финансовых и телесных наказаний. Но мудрость христианских законодателей слишком полагалась на религиозный авторитет; они слишком поспешно подавляли все порывы плотской похоти; они не учитывали инстинкты, вкусы и темпераменты: проституция не могла исчезнуть, не подвергая опасности покой и честь хороших женщин. С тех пор она нагло возвращалась в свои презренные владения и часто бросала вызов закону, который терпел ее лишь неохотно, держал в узких рамках и старался скрыть от честных глаз. Именно христианство воздвигло наиболее реальные и уважаемые барьеры. Христианство, сделав брак институтом серьезной морали и повысив статус женщины по отношению к мужу, который взял ее в спутницы жизни перед Богом и людьми, обрекло проституцию на жизнь вне общества, в таинственных убежищах и под печатью общественного осуждения.

Однако, несмотря на суровость закона, который терпимо относился к проституции, но постоянно угрожал или преследовал ее, ее существование было не менее безопасным и необходимым: Она была изгнана из городов, но нашла убежище в пригородах, на перекрестках дорог, за изгородями, на открытой местности; она выделялась среди людей определенными цветами, считавшимися позорными, определенными формами одежды, которые были присущи только ей, но таким образом она выставляла напоказ свое отвратительное ремесло; она ужасала благочестивых и скромных людей, но привлекала молодых развратников, порочных стариков и людей без признания. Поэтому можно сказать, что оно никогда не прекращало своего существования и образа жизни, даже когда моральные или религиозные угрызения короля, князя или магистрата доходили до полного запрета и желания подавить его чрезмерными наказаниями. Законы, провозглашавшие его отмену, не замедлили отменить сами, и эта одиозная общественная необходимость оставалась постоянно прикрепленной к телу нации, как неизлечимая язва, за ходом которой следит и останавливает ее медицина. Такова была роль проституции на протяжении нескольких столетий во всех странах, где есть дальновидная и умная полиция. Это то, что мы должны назвать легальной проституцией: религия запрещает ее, мораль осуждает, закон разрешает.

К легальной проституции относятся не только деградировавшие существа, официально признающие и практикующие свою низменную профессию, но и все женщины, которые, не имея ни статуса, ни диплома, чтобы предаваться удовольствиям платящей публики, также торгуют своими прелестями в разной степени и под более или менее респектабельными названиями. Таким образом, по правде говоря, существует два вида легальной проституции: та, которая имеет право и сопровождается должным образом оформленным разрешением; та, которая не имеет права и пользуется молчанием закона в этом отношении: одна скрытая и замаскированная, другая - открытая и признанная. Исходя из этого различия между двумя видами проституток, пользующихся гражданским правом, мы можем понять, сколько различных категорий существует в этой контрабандной проституции, на которую законодатель закрывает глаза, а моралист не решается отдать ее на суд общественности, к которой она вряд ли относится. Чем больше проституция теряет свой особый характер обычного оборота, тем дальше она отходит от законного позорного столба, к которому ее приковывает судьба; покинув еще неопределенный круг своих позорных рынков, она блуждает, неуловимая, в туманных пространствах галантности и сладострастия. Мы видим, что нелегко установить точные и фиксированные границы для легальной проституции, поскольку мы еще не знаем, где она начинается и где заканчивается.

Но то, что должно быть ясно представлено нашим читателям, - это огромное расстояние, отделяющее современную проституцию от древней. Последняя - чисто юридическая, скорее терпимая, чем разрешенная, под двойным порицанием религии и морали; первая, напротив, в равной степени осуждаемая философией, но освященная моралью и религиозными догмами. До эпохи христианства проституция была повсюду, под домашним кровом, в храме и на перекрестках; под властью Евангелия она уже не смела показываться иначе, как в определенные часы ночи, в укромных местах и вдали от жилых помещений честных людей. Однако позже, чтобы иметь возможность появляться среди бела дня и избегать полиции нравов, она принимала профессии, костюмы и имена, которые не пугали ни глаз, ни ушей, и надевала маску благопристойности, чтобы иметь привилегию заниматься своим ремеслом свободно, без контроля и надзора. Но даже когда закон был бессилен или молчал, общественное мнение всегда протестовало против этих лицемерных метаморфоз легальной проституции.

Мы уже сказали достаточно, чтобы дать представление о плане этой работы, плоде долгих исследований и совершенно новых изысканий. Что касается его цели, то мы не считаем нужным настаивать на том, чтобы она была ясна; в отношении такого предмета писатель, уважающий себя так же, как и своих читателей, должен стремиться к тому, чтобы заставить людей ненавидеть порок, даже если порок предстает перед ними под самыми соблазнительными личинами. Все, что нужно для того, чтобы вызвать ненависть к пороку, - это показать его печальные последствия и страшные уроки. Наша работа - не книга строгой и ледяной морали; это любопытная история, полная картин, наготу которых мы будем скрывать, особенно тех, что в изобилии представлены греческими и римскими авторами. Но в каждый век и в каждой стране мудрые предостережения философов и законодателей протестовали против чрезмерности чувственных страстей. Моисей включил целомудрие в кодекс, который он дал евреям; Солон и Ликург пресекали проституцию на сладострастной родине куртизанок; римский сенат осуждал разврат перед лицом грязных мистерий Изиды и Венеры; Карл Великий, Людовик Святой, все короли, считавшие себя *пастырями людей*, если воспользоваться прекрасным выражением Гомера, работали над очищением нравов своих народов и сдерживанием проституции в неясном и унижительном рабстве. Это было всего лишь бдительное действие закона. Но в то же время философия в своих уроках и сочинениях проповедовала целомудрие и скромность; Пифагор, Платон, Аристотель, Цицерон - все они побуждали или убеждали к чистой морали. Когда Евангелие восстановило брак, когда целомудрие стало религиозным предписанием, христианская философия лишь повторила советы языческой философии. На протяжении восемнадцати веков кафедра Иисуса Христа гремела и гремела в логове проституции. Здесь грязь и тьма, а там - святая волна, которая смывает с сердца грязь, и живительный свет, исходящий от Бога.

Эта книга состоит из четырех частей, которые вместе дадут полную историю проституции в древние и современные времена и у всех народов.

Первая часть, представляющая проституцию в трех ее конкретных формах, в соответствии с законами гостеприимства, религии и политики, охватывает только греческую и римскую древность. Источники и материалы для этой первой части столь обильны и богаты, что одна она, со всеми вытекающими отсюда событиями, могла бы занять несколько томов. Письма Алкифрона, "Деипнософисты" Афиней и диалоги Лукиана заставляют нас меньше сожалеть об утрате исторических трактатов, которые Горгий, Аммоний, Антифан, Аполлодор, Аристофан и другие греческие писатели написали о жизни и нравах куртизанок. Мурсий, Мусоний и некоторые современные ученые, в том числе профессор Якобс из Готы, не посчитали эту тему недостойной своих серьезных диссертаций. Древний Рим не оставил нам

ни одной книги, специально посвященной теме, которая была ему не чужда; но латинские авторы, особенно поэты, содержат больше материала, чем мы можем использовать. Более того, такие ученые, как Лаврентий, Ховероний и другие, не преминули собрать и обсудить тайны римской проституции. Мы так мало можем сказать о проституции у египтян, евреев и вавилонян, что не стесняемся связывать главы, которые мы посвящаем этим древним народам, среди которых гостеприимная проституция оставила столь глубокие следы, с греческой античностью.

Вторая часть нашего труда, самая большая и интересная из четырех частей, полностью посвящена Франции. В ней мы шаг за шагом, провинция за провинцией, город за городом, прослеживаем историю проституции от галлов до наших дней. Мы вполне можем найти несколько едва различимых пережитков сакральной проституции; но именно легальная проституция, о которой пойдет речь в этой части работы, будет выведена из истории юриспруденции, полиции, религии и морали. Парент-Дюшатле, который был скорее наблюдателем, чем историком и археологом, рассматривал и оценивал проституцию только с точки зрения администрации, гигиены и статистики. Подобные его труды, опубликованные А. Беро и Сабатье, содержат несколько больше исторических фактов, чем объемный трактат *"Проституция в городе Париже"*; но они важны только с точки зрения законодательства по этому вопросу. История нравов и их различных аспектов еще не написана, и мы черпаем ее по крупицам у историков, летописцев, поэтов и всех авторов, которые мимоходом зафиксировали тот или иной факт, деталь или наблюдение, относящиеся к обширной и сложной теме, к которой мы обращаемся впервые. Несколько страниц *"Полицейского трактата"* Деламарра, *"Репертуара юриспруденции"* Мерлена, энциклопедий и других подобных сборников - вот и все, что существовало по этому вопросу до появления монографии, которую господин Рабуто публикует в качестве приложения к большому труду под названием *"Великая эпоха и Возрождение"*. Г-н Рабуто ограничивает свою научную работу тем, что он называет *служением нравам*. Мы же добавим к нему историю проституции во Франции и неоднозначную картину ее внешних проявлений и тайного культа, согласно самым достоверным документам. С факелом науки в руках мы проникнем в лачуги на улице Бейльхоэ или на улице де Юле; эротики XVIII века введут нас в маленькие домики *нечистоплотных*; мы проскользнем в королевские рощи парка О-Серф; Мы спустимся, скрывая лица, в гнусные притоны Пале-Рояля; и всегда и везде мы будем писать на стене огненными буквами этот декрет, более внятный, чем пир Бальтазара: *Без морали нет ни Бога, ни страны, ни покоя, ни счастья*".

Третья часть этой книги посвящена истории проституции в остальной Европе. Италия, Испания, Англия, Германия и т. д., в свою очередь, внесут свою долю необычных фактов в эту галерею обычаев, которые, как мы увидим, меняются в зависимости от времени и страны. Материалы для этой части нашей работы разрозненны, как и материалы, касающиеся Франции, и никогда не были собраны, за исключением одного очень примечательного трактата, чудовищные элементы которого были предоставлены только *"Лондонской проституцией"*. Его автор, Райан, был озабочен только тем, что видел, а история прошлого ему даже не представлялась. Испания с ее *Селестиной* знакомит нас с этой утонченной и изысканной проституцией, которую она, несомненно, черпала из горькой чаши Италии. Именно Италии, этому блестящему гинеецу куртизанок и грубиянок, мы приписываем происхождение этой ужасной чумы любви, которую итальянцы 1600 XVI века имели наглость называть *французской болезнью*, как будто Карл VIII не отправился в Неаполь, чтобы заразиться ею. Не стоит забывать и о Лапландии, которая является единственным местом в Европе, где гостеприимная проституция практикуется и по сей день.

Наконец, четвертая часть этой истории, часто болезненная и мучительная, перенесет нас во все страны за пределами Европы: в Азию, Африку и Америку, и везде, как в цивилизованной Индии, так и среди дикарей Южных морей, мы встретим три основные формы проституции: гостеприимную, священную и легальную. Последняя форма, однако, будет появляться реже, чем две другие, прежде чем современная цивилизация наложит свой отпечаток на религиозные и бытовые нравы четырех частей света. Религии Индии, гостеприимство Отаити, законодательство о публичных девушках в Соединенных Штатах - все это породит контрасты, которые расстояние между местами и временами только сделает более интересными для наблюдателя. Мы будем тщетно искать народ, который не принял проказу проституции как необходимый бич.

Чтение нашей работы, как мы настойчиво заявляем заранее, будет серьезным обучением и реальной пользой. Прежде всего, оно научит нас благодарить Провидение, позволившее нам жить в то время, когда проституция исчезает из нашей морали и когда в сердцах людей по собственной воле зарождаются чувства чести и добродетели. Мы должны видеть, какой была проституция во времена наших предков, чтобы судить о социальных улучшениях, которые каждый день приносит нам, и чьи блага в будущем еще более расширятся. Проституция - это общественная болезнь: описать ее симптомы и изучить ее причины - значит приготовить лекарство от нее.

Ф.-С. Пьер ДЮФУР.

15 апреля 1851 года, из моего скита в Сен-Клоде.

ИСТОРИЯ

САЙТА

ПРОСТИТУЦИИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

АНТИЧНОСТЬ.

ГРЕЦИЯ.-РОМА.

ГЛАВА ОДНА.

Краткое содержание - Халдея, колыбель гостеприимной и священной проституции - Вавилон - Венера Милитта - Позорный закон вавилонян - Тайны культа Милитты - Культ Венеры Урании на острове Кипр - Пророк Варух и Геродот - Священная проституция вавилонских женщин - Offrand.-Пророк Барух и Геродот.- Священная проституция вавилонских женщин.- Предложение сделать Венеру благоприятной.- *Священное поле* проституции.- Отвратительная развращенность вавилонян.- Их наука в искусстве наслаждения и сладострастия.-Бесстыдство вавилонских дам и их дочерей на банкетах.-Священная проституция в Армении.-Храм Венеры Анаитис.-Сераи обоих полов.-Хозяйка Венеры.- Священный загон.-Жрицы Анаитис.-Священная проституция в Сирии.Культы Венеры, Адониса и Приапа.- Астарта финикийцев.- Ночные пиры и позорные распутства, происходившие под эгидой и в честь Астарты.- Богиня сидонцев.- Священная проституция на острове Кипр.- Дочери Амафонта.-Киприда, любовница царя Кинираса, основателя храма

в Пафосе.-Фаллосы, принесенные в жертву.-Гермафродитная Венера Амафонта, известная как *двойная богиня*.-Секретные тайны культа Астарты.-*Хохокей*.-Любовные истории магов.-Сакральная проституция в финикийских колониях -*Палатки девушек* в Сикка-Венерии - Основные характеристики культа Венеры, указанные Святым Августином -Кульτ гермафродитов в Малой Азии -Фестивали в честь Адониса в Библие -Обряды культа Адониса.-Храм Венеры Анаитис в Зеле и Команах, в Сузах и Экбатанах. -Священная проституция у парфян и амазонок. -Лидийское растление. -Бесстыдное распутство лидийских девушек.-Гробница царя Аляттеса, отца Креза, построенная почти полностью на деньги от проституции.-Проститутки-музыканты и танцовщицы, следовавшие за лидийской армией.-Оргии древних персов в присутствии их жен и законных дочерей.-Триста двадцать девять наложниц Дария.

Именно в Халдее, древней колыбели человеческих обществ, мы должны искать первые следы проституции. Часть Халдеи, граничащая с Месопотамией на севере и содержащая страну Ур, родину Авраама, была населена воинственным и диким народом, жившим среди гор и не знавшим другого искусства, кроме охоты. Этот охотничий народ изобрел гостеприимство и проституцию, которая была в некотором роде его наивным и жестоким выражением. В другой части Халдеи, которая граничила с пустынной Аравией и простиралась на плодородных равнинах и пышных пастбищах, народ пастухов, кроткий и мирный по своей природе, вел бродячую жизнь среди своих бесчисленных стад. Они наблюдали за звездами, создавали науки, изобретали религии, а вместе с ними и священную проституцию. Когда Немброд, этот царь, этот завоеватель, которого Библия называет *сильным охотником перед Богом*, объединил под своими законами две провинции и два народа Халдеи, когда он основал Вавилон на берегах Евфрата, в год мира 1402, согласно книгам Моисея, он позволил верованиям, идеям и обычаям разных рас своих подданных смешаться, и даже не руководил их слиянием, которое происходило медленно под влиянием привычки. Так священная проституция и гостеприимная проституция вскоре стали одним и тем же в сознании вавилонян, и в то же время превратились в одну из наиболее характерных форм культа Венеры или Милитты.

Послушаем Геродота, почтенного отца истории, древнейшего собирателя мировых преданий: "У вавилонян есть очень почетный закон: каждая женщина, родившаяся в стране, обязана раз в жизни пойти в храм Венеры, чтобы отдалась чужеземцу. Многие из них, не желая, чтобы их путали с другими из-за гордости, которую внушает их богатство, проносятся перед храмом на крытых колесницах. Там они садятся, а за ними - множество слуг, которые их сопровождали; большинство же остальных сидят в глинобитной комнате, пристроенной к храму Венеры, с венцом из ниток на голове. Одни прибывают, другие удаляются. Во всех направлениях есть проходы, разделенные натянутыми веревками; иностранцы ходят по ним и выбирают тех женщин, которые им больше нравятся. Заняв свое место в этом месте, женщина не может вернуться домой, пока какой-нибудь чужеземец не бросит ей деньги и не займется с ней сексом за пределами священного места. Незнакомец должен бросить ей деньги и сказать: "Я вызываю богиню Милитту". Ассирийцы называют Венеру Милиттой. Какой бы маленькой ни была сумма, он не откажется: закон запрещает, ибо эти деньги становятся священными. Она идет за первым, кто бросает ей деньги, и не имеет права никому отказывать. Наконец, отдав богине свой долг, предавшись иностранному, она возвращается домой; после этого, сколько бы денег ей ни давали, ее нельзя соблазнить. Те, кто обладает изящной фигурой и красотой, не задерживаются в храме надолго, но уродливые остаются там дольше, потому что не могут соблюсти закон. Некоторые даже остаются там на три или четыре года". (Liv. I, par. 199).

Эта священная проституция, распространившаяся вместе с культом Милитты или Венеры Урании на острове Кипр и в Финикии, - один из тех фактов, которыми овладела история, какими бы чудовищными, причудливыми и неправдоподобными они ни казались. Пророк Варух, с которым Геродот не советовался и который оплакивал Иеремию за два века до греческого историка, также рассказывает о тех же бедах в послании Иеремии к евреям, которых царь Навуходоносор увел в вавилонский плен: "Женщины, обвитые веревками, сидят на обочинах дорог и жгут благовония (*succedentes ossa olivarum*). Когда одна из них, привлеченная каким-нибудь прохожим, переспит с ним, она упрекает свою соседку за то, что та не была признана достойной, как и она, быть одержимой этим мужчиной и не видела, как разорвался его веревочный пояс". (Барух, гл. VI). Этот пояс из веревок, эти узлы, опоясывавшие тело женщины, посвященной Венере, представляли скромность, которая удерживала ее лишь хрупкими узами и которую скоро должна была разрушить порывистая любовь. Поэтому каждый, кто желал сожительствовать с одной из этих посвященных женщин, должен был ухватиться за конец веревки вокруг нее и протащить свое завоевание под кедрами и мастиковыми деревьями, которые давали свою тень для завершения таинства. Жертвоприношение Венере было лучше принято богиней, когда жертвователю в своей амурной страсти порывисто разрывал все узы, стоявшие на его пути. Однако ученые, комментировавшие знаменитый отрывок Баруха, не сходятся во мнении, какое именно подношение сжигали перед собой посвященные женщины, чтобы Венера была к ним благосклонна. По мнению одних, это была лепешка из ячменя и пшеницы; по мнению других, это было снадобье, разжигающее желание и подготавливающее путь к сладострастию; наконец, согласно более естественному объяснению, это были просто ароматные ягоды ладана.

Геродот видел священную проституцию вавилонянок своими глазами около 440 года до н. э.; будучи иностранцем, он, несомненно, бросил немного денег на колени прекрасной вавилонянки. Три с половиной века спустя другой путешественник, Страбон, также стал свидетелем этих беспорядков, и он рассказывает, что все женщины Вавилона повиновались оракулу, отдавая свое тело незнакомцу, которого они считали гостем: *Mos est... cum hospite corpus miscere*, говорится в латинском переводе его "Географии", написанной на греческом языке. Эта проституция имела место только в одном храме, где она была установлена с самых первых дней существования Вавилона. Храм Милитты был слишком мал, чтобы вместить всех поклонников богини; но вокруг храма была обширная территория, которая составляла его часть и содержала эдикулы, рощи, бассейны и сады. Это было поле для проституции. Женщины, которые оставляли себя там, оказывались на священной земле, где их не мог потревожить глаз отца или мужа. Геродот и Страбон не упоминают о том, какую долю жрец отводил себе в подношениях благочестивых поклонников Милитты; но Варух изображает вавилонских жрецов как людей, которые ни в чем себе не отказывали.

Вполне понятно, что постоянное зрелище священной проституции должно было испортить нравы Вавилона. И действительно, этот огромный город, населенный несколькими миллионами человек и раскинувшийся на площади в пятнадцать лиг, вскоре превратился в страшное место разврата. Он был частично разрушен персами, захватившими его в 331 году до н. э.; но разрушение некоторых великих зданий, разграбление дворцов и гробниц и снос стен не очистили зловонный воздух проституции, которая продолжалась там, как на своей настоящей родине, до тех пор, пока была крыша, чтобы укрыть ее. Александр Македонский сам был напуган вавилонским распутством, когда пришел, чтобы принять в нем участие и умереть от него. Не было ничего более развращенного, чем этот народ, - сообщает Кинт-Курс, один из историков завоевателя Вавилона, - ничего более искусного в искусстве наслаждений и сладострастия. Отцы и матери позволяли своим дочерям проституировать

перед хозяевами за деньги, а мужья были не менее снисходительны к своим женам. Вавилоняне погрузились прежде всего в пьянство и следующие за ним расстройства. Женщины сначала появлялись на пирах в скромном виде, но затем снимали с себя платья, потом остальную одежду, постепенно лишаясь скромности, пока не оставались совсем нагими. И это не были публичные женщины, которые оставляли себя таким образом; это были самые знатные дамы, а также их дочери".

Пример Вавилона принес свои плоды, и культ Милитты распространился вместе с сопровождавшей его проституцией по всей Азии и Африке, вплоть до Египта и Персии; но в каждой из этих стран богиня принимала новое имя, а ее культ - новые формы, под которыми всегда вновь появлялась священная проституция.

В Армении Венере поклонялись под именем Анаитис; ей был воздвигнут храм, подобный тому, что был у Милитты в Вавилоне. Храм был окружен обширной усадьбой, где проживало население, посвятившее себя обрядам богини. Только чужеземцы имели право переступить порог этого своеобразного сераля для обоих полов и просить о галантном гостеприимстве, в котором им никогда не отказывали. Однако, поскольку нет такого обычая, который бы рано или поздно не канул в Лету в эпоху упадка, женщина, которую гость Венеры почтил своими ласками, часто вынуждала его принять подарок больший, чем тот, который получила она. Мужчины и женщины, служившие в священном загоне, были сыновьями и дочерьми лучших семей страны, и они поступали на службу к богине на разный срок, в зависимости от желания родителей. Когда дочери покидали храм Анаитис, оставляя у ее алтарей все, что заработали в поте лица своего, им нечего было стыдиться проделанной работы, и не было недостатка в мужьях, которые приходили в храм, чтобы узнать о религиозном происхождении молодых жриц. Те, кто принимал наибольшее количество чужеземцев, были самыми востребованными для брака. Следует также сказать, что в культе Анаитис любовники максимально подбирались по возрасту, внешности и статусу, чтобы угодить богине и ее поклонникам. Именно Страбон сохранил для нас эту утешительную особенность, которую мы не найдем у других венер.

Эти разные Венеры были разбросаны по всей Сирии, и везде они устанавливали свою проституцию с некоторыми вариациями в церемониях. Венера под разными именами олицетворяла и обожествляла женский орган, женское зачатие, женскую природу. Поэтому было довольно просто обожествить и персонифицировать мужской орган, мужское порождение, мужскую природу. Мужчины поклонялись Венере, женщины - Адонису, который материализовался и стал Приапом. В древние времена эти два культа царили бок о бок в гармонии. В частности, финикийцам принадлежит заслуга распространения двух культов, которые часто сливались в единый культ. Финикийскую Венеру звали Астартой. У нее были храмы в Тире, Сидоне и главных городах Финикии, но самыми известными были храмы в Гелиополе в Сирии и Афакосе близ на горе Ливан. В статуях Астарты были представители обоих полов, чтобы изобразить Венеру и Адониса. Смешение двух полов усиливалось переодеванием мужчин в женщин и женщин в мужчин на ночных праздниках богини. В этих переодеваниях совершались самые позорные развратные действия, а сам жрец проводил церемонию под звуки музыкальных инструментов, систрумов и барабанов. От этого чудовищного распутства, происходившего под покровительством *доброй богини*, рождалось множество детей, никогда не знавших своих отцов, которые, в свою очередь, с ранней юности находили своих матерей в таинствах Астарты. Однако, помимо священной проституции, существовал и другой вид брака, которому предавались как мужчины, так и женщины: финикийцы, по свидетельству Евсевия, отдавали своих дочерей-девушечек в жены иностранцам, ради большей славы гостеприимства. Эти пороки, не избавленные

древностью, продолжались до четвертого века новой эры, и только Константин Великий положил им конец, запретив их законом, разрушив храмы Астарты и заменив тот, что позорил Гелиополь, христианской церковью.

Эта Астарта, которую Библия называет *богиней сидонян*, нашла не менее нечистые алтари на острове Кипр, куда финикийцы из Аскалона рано завезли священную проституцию вместе со своей процветающей торговлей. Словно Венера, рожденная морем, подобно блестящей планете Урании, которую халдейские пастухи видели выходящей из него прекрасными летними ночами, выбрала для своей земной империи этот остров Кипр, который боги выделили ей при рождении, как повествует греческая традиция устами Гомера. Она была Астартой финикийцев, Уранией вавилонян: на острове у нее было двадцать знаменитых храмов, два главных из которых - в Пафосе и Амафонте, где священная проституция практиковалась в больших масштабах, чем где-либо еще. И все же дочери Амафонта были целомудренны и даже упрямы в своем целомудрии, когда Венера была выброшена на их берег пеной волн; они презирали эту новую богиню, явившуюся к ним обнаженной, бедные Пропетиды, и раздраженная богиня приказала им проституировать себя перед всеми желающими, чтобы искупить дурной прием, который они ей оказали: Они повиновались приказу Венеры так неохотно, что покровительница любви обратила их в камень. Этот урок пошел на пользу дочерям Кипра: они посвятили себя проституции в честь своей богини, а по вечерам выходили на берег моря, чтобы продать себя прибывшим на остров иностранцам. Так продолжалось и во втором веке, во времена Юстина, который рассказывает о прогулках молодых киприоток по берегу; но в то время доходы от проституции не клали на алтарь богини, как это было раньше: эти нечестные доходы складывали в сундук в качестве приданого, которое приносили мужьям, которые принимали его, не краснея.

Что касается праздников Венеры, которые привлекали на Кипр несметные толпы ревностных поклонников, то они не в меньшей степени сопровождались актами или, по крайней мере, эмблемами проституции. Царю Цинирасу приписывают основание храма в Пафосе, и местные жрецы утверждали, что любовница этого царя по имени Киприда настолько прославилась своими умениями в любовных делах, что богиня пожелала, чтобы ее называли в ее честь. Таким образом, Венера, которой поклонялись в Пафосе, была образом женской природы, как и вавилонская Милитта: кроме того, в жертвоприношениях ей подносили фаллос или монету под именем *Карпосис* (Καρπῶσις), что означает "*первые плоды*". Посвященные не ограничивались аллегорией. Сначала богиня изображалась в виде конуса или пирамиды из белого камня, которая позже превращалась в женскую статую. Статуя в храме Амафонта, напротив, изображала бородатую женщину с атрибутами мужчины в женской одежде: эта Венера была гермафродитом, согласно Макробию (*putant eamdem tarem ac feminam esse*); именно поэтому Катулл обращается к ней, называя ее *двойной богиней Амафонта* (*duplex Amathusia*). Самые тайные мистерии этой Астарты происходили в священном лесу, окружавшем ее храм, и в этом вечнозеленом лесу можно было услышать вздохи иунокс или *фрутилла*, птицы, посвященной богине. Эта птица, чью плоть маги использовали для своих приворотных зелий, была не кем иным, как нашей банальной *хохотушкой*; если она прилетела к нам с Кипра, то успела переодеться по дороге. На этом счастливом острове были и другие храмы, где культ Венеры следовал тем же обрядам: в Кинирии, Тамасе, Афродизиуме и особенно в Идалии священная проституция принимала те же предлоги, если не те же формы.

С Кипра она последовательно распространилась на все острова Средиземноморья; она проникла в Грецию и вплоть до Италии: финикийский торговый флот переносил ее везде, где собирал или сдавал товары. Но каждый народ, принимая культ, апеллирующий к его

страстям, добавлял к нему несколько черт своей морали и характера. В финикийских колониях священная проституция сохранила привычки корысти и меркантилизма, которые отличали эту расу купцов: В Сикка-Венерии, на территории Карфагена, храм Венеры, который на тирийском языке назывался *Суккот Бенот* или *Палатки девушек*, был фактически приютом для проституции, куда местные девушки отправлялись, чтобы заработать свое приданое болью своего тела (*injuria corporis*, говорит Валер-Максим); они были тем более честными женщинами, что занимались этим гнусным ремеслом, и выходили замуж тем лучше, чем лучше были для этого. Из некоторых отрывков Библии мы можем сделать вывод, что этот храм, как и храмы Астарты в Сидоне и Аскалоне, был окружен небольшими палатками, в которых молодые карфагенянки посвящали себя финикийской Венере. Они приходили туда в таком большом количестве со всех сторон, что вредили друг другу и не возвращались в Карфаген так быстро, как им хотелось бы, чтобы найти себе мужей. Храмы Венеры обычно располагались на возвышенностях, в пределах видимости от моря, чтобы моряки, уставшие от плавания, могли издали, как маяк, увидеть белое жилище богини, обещавшее им отдых и сладострастие. Легко понять, почему гостеприимная проституция была создана для моряков именно на тех побережьях, где они могли высадиться. Эта проституция становилась священной, когда жрец хотел получить свою долю и покрывал ее, так сказать, вуалью богини, которая ее защищала. Святой Августин в своем *"Городе Божьем"* изложил основные черты культа Венеры, отметив, что Венер было не одна, а три: девственниц, замужних женщин и куртизанок, нескромных богинь, которым финикийцы, по его словам, предавали скромность своих дочерей перед замужеством.

Вся Малая Азия с энтузиазмом восприняла культ, обожествлявший чувства и плотские аппетиты: в этом культе Адонис часто ассоциировался с Венерой. Адонис, которого евреи называли в честь бога, сотворившего мир, *Адоначи*, олицетворял мужскую природу, без которой женская бессильна. Погребальные торжества, устраиваемые в честь этого героического охотника, убитого кабаном и оплакиваемого Венерой, его божественной возлюбленной, символизировали истощение физических и материальных сил, которые теряются в результате злоупотребления и возрождаются только после периода абсолютного покоя. Во время этих праздников, которые были очень известны в сирийской Библие и собирали вокруг большого храма Венеры огромное многонациональное население, женщины должны были посвятить богине свои волосы или свою скромность. Был праздник траура, во время которого Адониса оплакивали, избивая друг друга руками или прутьями; затем наступал праздник радости, возвещавший о воскрешении Адониса. В это время фаллофорная статуя воскресшего бога выставлялась под открытым небом под портиком храма, и любую присутствующую женщину немедленно заставить отдать свои волосы бритве или свое тело проституции. Тех, кто предпочитал сохранить волосы, загоняли на своеобразный рынок, куда пускали только иностранцев; они оставались там *на продажу*, говорит Люсьен, в течение целого дня и отдавались этому постыдному ремеслу столько раз, сколько были готовы заплатить. Все деньги, вырученные за этот трудовой день, шли на жертвоприношения Венере. Так праздновалась любовная связь между богиней и Адонисом. Местных жителей может удивить, что они с таким энтузиазмом относились к культу, в котором их жены пользовались всеми благами мистерий Венеры; но следует отметить, что иностранцы не меньше их интересовались этими мистериями, которые, казалось, были учреждены специально для них. Таким образом, культ Венеры был в некотором роде оседлым для женщин и кочевым для мужчин, поскольку последние могли поочередно посещать различные праздники и храмы богини, наслаждаясь везде, в этих сладострастных паломничествах, преимуществами, предназначенными для гостей и иностранцев.

Повсюду в Малой Азии стояли храмы Венеры, и священная проституция руководила празднествами богини, независимо от того, носила ли она имя Милитты, Анаитис, Астарты, Урании, Митры или любое другое символическое имя. В Понте, в Зеле и Команах, было два храма Венеры-Анаитис, которые привлекали на свои торжества множество горячих поклонников. Эти два храма были чрезвычайно богаты за счет денег этих развратников, которые съезжались туда со всех концов, чтобы дать свои обеты (*causa votorum*, говорит Страбон). Во время праздников территория вокруг храма в Команах напоминала огромный лагерь, населенный людьми всех наций, с причудливой смесью языков и костюмов. Женщины, посвящавшие себя богине и зарабатывавшие своим телом (*corpore quæstum facientes*), были так же многочисленны, как в Коринфе, по словам Страбона, который был свидетелем этого наплыва. То же самое можно сказать о Сузах и Экбатане в Мидии; о парфянах, которые были учениками и подражателями персов в плане чувственности и похоти; и даже об амазонках, которые компенсировали свое обычное целомудрие, внося странные нарушения в поклонение своей Венере, которую они называли Артемидой Непорочной. Но именно в Лидии священная проституция наиболее глубоко проникла в обычаи. Эти лидийцы, хваставшиеся тем, что изобрели все азартные игры, и предававшиеся им с какой-то яростью, жили в мягкости, которая была вечной советчицей разврата. Им было хорошо любое удовольствие, не требующее религиозного предлога или повода для священного праздника. Они действительно поклонялись Венере со всеми нечистотами, которые допускал ее культ; но, кроме того, девушки посвящали себя Венере и занимались самой бесстыдной проституцией ради собственной выгоды: "Они зарабатывают на ней свое приданое, говорит Геродот, и продолжают это ремесло, пока не выйдут замуж". Это приданое, полученное столь бесчестным путем, давало им право выбирать себе мужа, который не всегда имел право отказать в чести такого выбора. Похоже, что лидийские дочери не занимались плохим бизнесом, ведь когда речь зашла о возведении гробницы для их царя Алятта, отца Креза, они вместе с купцами и ремесленниками Лидии внесли свой вклад в расходы. Гробница была великолепно, и памятные надписи отмечали роль каждой из трех категорий основателей в ее строительстве. Куртизанки внесли значительную сумму и построили гораздо большую часть памятника, чем две другие, которые были построены за счет ремесленников и купцов.

Лидийцы, покоренные персами, передали своим завоевателям яд проституции. Лидийцы, имевшие в своих армиях танцовщиц и музыкантов, великолепно владевших искусством сладострастия, научили персов пользоваться этими женщинами, игравшими на лире, барабане, флейте и гусях. Музыка стала толчком к распутству, и не было большого застолья, где бы пьянство и разврат не провоцировались звуками инструментов, непристойными песнями и развратными танцами куртизанок. Этого постыдного зрелища, этих прелюдий к разнузданной оргии не избежали древние персы, даже их жены и законные дочери, которые пришли занять свои места на пиршестве, непокрытые и увенчанные цветами, так как они обычно жили в своих домах и выходили только завуалированными, даже чтобы пойти в храм Митры, Венеры персов. Разгоряченные вином, оживленные музыкой, возбужденные сладострастной пантомимой музыкантов, эти девственницы, матроны и жены вскоре теряли всякую сдержанность и, держа в руках кубок, принимали, обменивались и провоцировали самые бесчестные вызовы в присутствии своих отцов, мужей, братьев и детей. Века, полы и сословия слились под влиянием всеобщего головокружения; пение, крики и танцы удвоились, а святая скромность, чьи глаза и уши больше не уважали, скрылась, завернувшись в складки платья. Ужасная распущенность охватила пиршественный зал, который превратился в позорный *диктерион*. Банкет и его либидинозные интерлюдии продолжались до тех пор, пока на рассвете не погасли факелы и полуобнаженные гости не уснули на своих ложах из серебра и слоновой кости. Макробий и Афинея так описывают эти

отвратительные пиры, которые Плутарх пытается реабилитировать, признавая, что персы слишком подражали парфянам, которые неистово предавались всем соблазнам вина и музыки.

Парменион, полководец Александра Македонского, нашел триста двадцать девять из них в багаже Дария, оставшемся с ним после поражения при Арбеллесе, вместе с двумястами семью поварами, сорока шестью ткачами короны и сорока парфюмерами, как последние остатки его роскоши и власти.

ГЛАВА II.

Краткое содержание.- Проституция в Египте, разрешенная законами.- Глупость египетских женщин.- Их несравненные таланты возбуждать и удовлетворять страсти.- Порицание египетских куртизанок.- Культ Осириса и Исиды.-Осирис, эмблема мужской природы - Исида, эмблема женской природы - Мистический Ван, Священный Тау и Глаз без бровей в процессиях Осириса - Кормящая Корова, *Цистофоры* и Фаллос в процессиях Исиды.- Священная проституция в Египте -Нечистые инициации неофитов обоих полов, предназначенные для египетских жрецов -Мнение святого Епифания об этих оккультных церемониях -Праздники Изида в Бубастисе -Непристойности женщин, которые туда ходили - Подземелья, где проводились инициации в тайны Изида -Осквернение трупов молодых женщин бальзамировщиками.-Рампсинит или Рамзес проституирует свою дочь, чтобы узнать, кто украл его сокровища -Тонкость вора, которому он отдает свою дочь в жены -Дочь Хеопса и Великая пирамида.-*Средняя пирамида*.-Пирамида Мицерины и куртизанка Родопис.-История Родопис и ее любовника Харакса, брата Сафо.-Железные броши в храме Аполлона в Дельфах.-Родопис - Дорика.-Царь Амасис, орел и тувелька Родопис - Эпиграмма Павсидиппа - Наукратис, город куртизанок - Проститутка Архидица.Птолеми - Птолемей Филадельф и его куртизанки Клейна, Мнесида, Потина и Миртиона - Стратоника - Прекрасная Билистика - Птолемей Филопатор и Ирина - Куртизанка Гиппея или *Кобыла*.

Египет, несмотря на своих мудрецов, несмотря на своих жрецов, учивших его нравственности, не избежал бедствий проституции; у него было слишком много соседских отношений и торговли с финикийцами, чтобы не перенять кое-что из религии, которая пришла к нему, как пурпур и ладан, из Тира и Сидона. Хотя в империи Исида и Осириса Венера не имела алтарей под своим именем, с древнейших времен проституция царила посреди городов и почти открыто, даже больше, чем в святилищах храмов. Это была не гостеприимная проституция: египетский дом всегда оставался недоступным для чужаков из-за ужаса, который они внушали; это не была священная проституция, потому что, предаваясь ей, женщины не совершали религиозных обрядов: это была легальная проституция во всей ее первобытной наивности. Законы разрешали, защищали и даже оправдывали эту позорную торговлю; женщину продавали, как будто она была товаром, и мужчина, покупавший ее за деньги, оправдывал или, по крайней мере, не обвинял одиозную сделку, на которую она согласилась только из жадности. Египтянка была такой же жадной, как и финикийка, но она не потрудились скрыть свою жадность под прикрытием религиозного обряда. Кроме того, если верить Ктесию, на свидетельство которого ссылается Афиней, она обладала несравненными качествами и талантами возбуждать, разжигать и удовлетворять страсти, направленные на нее; но все это было лишь способом получить больше. У

египетских куртизанок также была своя репутация, которую они старались поддерживать во всем мире.

Египетская религия, как и все религии древности, обожествляла плодородную и порождающую природу под именами Осириса и Исида. Изначально это были единственные божества в Египте: Осирис, или Солнце, представлял принцип мужской жизни; Исида, или Земля, - принцип женской жизни. Апулей, посвященный в тайны богини, заставил ее сказать следующее: "Я - Природа, мать всех вещей, владычица всех стихий, начало веков, первая из божеств, царица духов, древнейшая обительница небес, единый образ богов и богинь? Я - единственное божество, почитаемое во всей Вселенной во многих формах, с множеством церемоний и под многими именами. Финикийцы называют меня Матерью богов; киприоты - Венерой Пафианской..." Таким образом, Исида была не кем иным, как Венерой, а ее таинственный культ использовал множество аллегорий, чтобы проиллюстрировать роль, которую играют женщины или женская природа во Вселенной. Что касается Осириса, ее мужа, то не был ли он эмблемой мужчины или мужской природы, которая нуждается в помощи женской природы, которую она оплодотворяет, чтобы зародить и создать? Поэтому бык и корова были символами Икиды и Осириса. Жрецы богини несли мистическую повозку, которая принимала зерно и отруби, но во время церемоний сохраняла только первое, отвергая второе; жрецы бога несли священный тау или ключ, который открывал самые тугие замки. Этот тау представлял мужской орган, а этот ван - женский. Был также глаз, с бровями или без, который помещался рядом с тау в атрибутах Осириса, чтобы имитировать отношения между двумя полами. Точно так же во время процессий Икиды, сразу после коровы-кормилицы, молодые посвященные девушки, называемые *цистофорами*, держали мистический цист - тростниковую корзину, содержащую круглые или овальные лепешки с отверстием посередине; рядом с *цистофорами* жрица прятала в своем лоне маленькую золотую урну с фаллосом, который был, по словам Апулея, "восхитительным образом высшего божества и инструментом самых тайных тайн". Этот фаллос, постоянно и во всех формах появлявшийся в египетском культе, был образным представлением части тела Осириса, части, которую Исида не смогла найти, когда собрала воедино разрозненные части своего мужа, убитого и изувеченного одиозным Тифоном, братом жертвы. Таким образом, о культе Икиды и Осириса можно судить по тем самым предметам, которые были его таинственными символами.

Священная проституция должна была быть очень распространена в таком культе; но, несомненно, по крайней мере в самые ранние времена, она была предназначена только для жреца, который делал ее одним из самых полезных доходов от своих алтарей. Она царила в этих посвящениях, которым должны были предшествовать омовение, покой и воздержание. Бог и богиня отдавали все свои силы служителям, которые использовали их в материальных целях и отвечали за посвящение неофитов обоих полов в позорный разврат. Святой Епифаний положительно утверждает, что эти оккультные церемонии указывали на обычаи людей до создания общества. Они включали в себя беспорядочные половые связи и все излишества самого грубого либертинизма. Геродот рассказывает, как люди готовились к праздникам Икиды, которой поклонялись в городе Бубастис под именем Дианы: "Они отправляются туда по воде, - говорит он, - мужчины и женщины смешиваются вместе; в каждой лодке находится большое количество людей обоих полов. Пока длится плавание, некоторые женщины играют на кастаньетах, а некоторые мужчины - на флейте; остальные, как мужчины, так и женщины, поют и хлопают в ладоши. Когда проплывают мимо города, лодку приближают к берегу. Среди женщин одни продолжают играть на кастаньетах, другие кричат во весь голос и бросают оскорбления в адрес женщин города, третьи начинают танцевать, а четвертые, стоя прямо, непристойно сворачивают платья". Эти непристойности

были лишь симулякрами тех, что должны были происходить вокруг храма, куда каждый год приходили семьсот тысяч паломников, чтобы предаться невероятным излишествами.

Ужасающие расстройства, к которым приводил культ Исиды, были скрыты в подземных туннелях, куда посвящаемый входил только после периода испытаний и очищения. Геродот, доверенное лицо и свидетель этой проституции, о которой ему рассказали жрецы Египта, говорит об этом достаточно, чтобы мы могли догадаться, о чем он умалчивает: "Египтяне были первыми, кто по религиозному принципу запретил иметь что-либо общее с женщинами в священных местах или даже входить туда после знакомства с ними, не омывшись предварительно. Почти все другие народы, за исключением египтян и греков, имеют дело с женщинами в священных местах, или же, покидая их, входят в них, не омывшись. Они полагают, что с мужчинами дело обстоит так же, как и со всеми остальными животными. Они говорят, что в храмах и других местах, посвященных богам, можно видеть, как спариваются звери и различные виды птиц; так что если бы это действие было неприятно божеству, то сами звери не стали бы его там совершать". Геродот, не одобряя эти доводы, воздерживается от разглашения секретов египетских жрецов, в чьем доверии он жил в Мемфисе, Гелиополе и Фивах. О частных и общественных нравах Египта он рассказывает лишь косвенно, но по некоторым деталям, которые он приводит вскользь, можно судить, что коррупция среди этого древнего народа достигла своего апогея. Например, тела молодых и красивых женщин отдавали бальзамировщикам только через три или четыре дня после их смерти, опасаясь, что бальзамировщики могут надругаться над трупами. "Говорят, - рассказывает Геродот, - что один из них был пойман на месте преступления с женщиной, которая недавно умерла".

История царей Египта до сих пор представляет нам в труде Геродота два странных примера узаконенной проституции. Рампсинит или Рамзес, царствовавший около 2244 лет до нашей эры, желая вычислить ловкого вора, расхитившего его сокровища, "придумал нечто такое, чему я не могу поверить", - говорит Геродот, чья доверчивость часто подвергалась испытаниям: "он сделал проституткой свою собственную дочь, приказав ей сидеть в месте разврата и принимать одинаково всех мужчин, которые представлялись, но обязать их, прежде чем оказать ей благосклонность, рассказать ей, что они сделали в своей жизни более тонкого и порочного". Вор отрезал руку мертвеца, положил ее под плащ и отправился в гости к дочери короля. Принцесса попыталась остановить его, но так как они были в темноте, она лишь схватила мертвеца за руку, а живой человек пошел к двери. Этот новый подвиг настолько привлек к нему внимание Рампсинита, что король помиловал вора, а затем женил его на женщине, которую он уже представил ему в дурном месте. Эта бедная принцесса, несомненно, вышла из положения лучше, чем дочь Хеопса, который был царем Египта за двенадцать веков до нашей эры. Хеопс приказал построить Великую пирамиду, что потребовало двадцати лет работы и неисчислимых затрат. "Изнуренный этими расходами, - сообщает Геродот, - он дошел до того, что стал проституировать свою дочь в местах разврата и приказал ей получить определенную сумму денег от своих любовников. Я не знаю, какова была эта сумма; жрецы мне не сказали. Она не только выполнила приказ отца, но и хотела оставить после себя памятник: поэтому просила всех, кто приходил к ней, дать ей по камню для задуманных ею работ. Именно из этих камней, - рассказывали мне жрецы, - и была построена пирамида в центре трех. Современная наука еще не подсчитала, сколько камней пошло на эту пирамиду.

Возведение пирамиды, как бы дорого оно ни стоило, не казалось куртизанке не по карману. Поэтому, несмотря на хронологию и историю, строительство пирамиды Микерина в Египте принято приписывать куртизанке Родопис. Эта куртизанка не была египтянкой по

происхождению, но она нажила свое состояние у египтян уже давно после правления Микерина. Родопис, жившая при Амасисе, за 600 лет до Рождества Христова, была родом из Фракии; она была рабыней у баснописца Эзопа в Иадмоне на Самосе. Ее увез в Египет самосец Ксанф, который вел за ее счет довольно скверную торговлю, поскольку купил ее, чтобы она работала куртизанкой у его хозяина. Она прекрасно преуспела, и ее слава привлекла множество любовников, включая Харакса из Митилены, брата знаменитой Саффо, который был настолько очарован этой очаровательной девушкой, что заплатил за ее выкуп значительную сумму. Родопис, получив свободу, не покинула Египет, где ее красота и таланты принесли ей огромное богатство. Она необычно распорядилась ими: десятую часть своего богатства она потратила на изготовление железных брошей, которые, неизвестно под каким предлогом, принесла в дар Дельфийскому храму, где их можно было увидеть и во времена Геродота. Этот серьезный историк говорит об этих символических брошах как о чем-то таком, чего еще никто не мог себе представить, и не пытается угадать переносный смысл этого необычного подношения. Во времена Плутарха их показывали только на месте. Народная традиция настолько спутала броши в храме Аполлона в Дельфах с пирамидой Микерина, построенной за несколько веков до изготовления брошей, что в Египте все настаивали на том, чтобы приписать пирамиду Родопис. По мнению одних, она заплатила за нее; по мнению других (Страбон и Диодор Сицилийский, похоже, придерживаются этого ошибочного мнения), ее любовники построили ее за совместный счет, чтобы доставить ей удовольствие: из этого следует заключить, что куртизанка любила пирамиды.

Родопис, которую греки называли Дорикой, а Дорика была известна по всей Греции, открыла список своих поклонников именем Эзопа, который, как ни был он фальшив и уродлив, отдал лишь одну из своих басен, чтобы купить благосклонность этой прекрасной фракийской девушки. Поцелуй поэта выделил ее для благосклонного взгляда судьбы. Красавец Харакс, которому она была обязана своей свободой и началом своего благосостояния, позволил ей поселиться в городе Наукратисе, куда он приезжал каждый раз, когда ездил в Египет, чтобы привезти и продать вино. Родопис любила его настолько, что была верна ему до тех пор, пока он оставался в Наукратисе, и любовь удерживала его там больше, чем дела. Во время одного из его отлучек Родопис сидела на террасе, смотрела на Нил и искала на горизонте парус корабля, который возвращал ей Харакса; одна из ее туфель слетела с нетерпеливой ноги и блеснула на ковре: орел увидел ее, схватил клювом и поднял в воздух. В этот момент царь Амасис находился в Наукратисе и заседал в окружении своих главных чиновников. Орел, который незаметно снял туфельку Родопис, уронил ее на колени фараона. Он никогда не встречал такой маленькой и дружелюбной туфельки. Он тут же отправился на поиски той прелестной ножки, которой она принадлежала, а когда нашел, то велел всем женщинам своего царства примерить божественную туфельку и захотел, чтобы Родопис стала его любовницей. Тем не менее, любовница Амасиса не отказалась от Харакса, и Греция в песнях своих поэтов прославила любовь Дорики, которую горько упрекала Саффо, сестра Харакса. Павсидипп в своей книге об Эфиопии посвятил любовнице Харакса такую эпиграмму: "Узел лент поднимал твои длинные локоны, сладострастные духи струились от твоего развевающегося платья; румяная, как вино, которое смеется в кубках, ты заключила красавца Харакса в свои очаровательные объятия". Стихи Саффо свидетельствуют об этом и гарантируют тебе бессмертие. Наукратис сохранит память об этом, пока по волнам величественного Нила будут радостно плыть корабли".

Наукратис был городом куртизанок: те, кто покидал этот город, похоже, извлекли пользу из уроков Родопис. Об их чарах и соблазнах долго говорили в Греции, которая часто отправляла своих развратников в Наукратис и привозила оттуда чудесные рассказы о проституции. После Родопис тем же способом прославилась другая куртизанка, Архидицея, но, по словам

Геродота, она была менее популярна, чем ее предшественница. Однако мы знаем, что она назначала такую высокую цену за свои услуги, что самый богатый мужчина мог разориться, заплатив за них, и многие так и поступали. Один молодой египтянин, безумно влюбленный в эту куртизанку, хотел погубить себя ради нее; но, поскольку его состояние было посредственным, Архидис отказался и от денег, и от любовницы. Он не считал себя побежденным: он призвал Венеру, которая послала ему во сне бесплатно то, за что он так дорого заплатил бы наяву; он не просил большего. Куртизанка узнала, что произошло без нее, и вызвала своего несостоятельного должника в магистрат, требуя плату за сон. Магистраты рассудили этот спорный вопрос с большой мудростью: они позволили Архидице увидеть сон, за который ей заплатили, и поэтому оставили ее на свободе (см. примечания Ларше, переводчика Геродота).

Великая эпоха куртизанок в Египте, по-видимому, пришлась на время правления Птолемеев, в третьем веке до нашей эры; но среди этих прославленных девушек одни были гречанками, другие приехали из Азии, и почти все начинали с игры на флейте. У Птолемея Филадельфа многие из них были на службе: Одна, Клейна, служила ему виночерпием, и он воздвиг ее статуи, одетую в легкую тунику и держащую кубок или *ритон*; другая, Мнесида, была одним из его музыкантов; эта, Потина, очаровала его изяществом своей беседы; эта, Миртиона, которую он вытащил из места разврата, преследуемого лодочниками на Ниле, опьянила его грязными удовольствиями. Этот Птолемей щедро платил за оказанные ему услуги и почтил гробницей память Стратоники, которая оставила у него приятные воспоминания, хотя она была гречанкой, а не египтянкой. Этот сладострастный царь не гнушался и греческими женщинами: он привез из Аргоса прекрасную Билистику, происходившую из рода Атрейдесов и забывшую о своем происхождении настолько счастливо, насколько это было возможно. Птолемей Эвергет, сын Филадельфа, не разбрасывался своими любовницами так сильно, как это делал его отец: он довольствовался Ириной, которую взял с собой в Эфес, где он был правителем, и которая дошла до того, что умерла вместе с ним. Птолемей Филопатор отдал себя в милость искусной куртизанке Агатоклесе, которая правила под его именем в Египте, так же как и в его спальне. Другой Птолемей не мог обойтись без подчиненной жены, которую он прозвал Гиппеей, или Кобылой, потому что она делила с ним корм для его конюшен. Особенно ему нравилось пить с ней; однажды, когда она выпила свою порцию, он воскликнул, смеясь и шлепая ее по крестцу: "Кобыла съела слишком много сена!"

ГЛАВА III.

Краткое содержание.- Гостеприимная проституция среди Евреев.- Сыновья ангелов.- Потоп.- Содом и Гоморра.- Дочери Лота.- Законная проституция, установленная среди Патриархов.- Иосиф и жена евнуха Путифара.- Фамарь проституирует перед Иудой, своим тестем.- *Развратный рынок.- Иностранные женщины.-* Царь Соломон позволяет куртизанкам обосноваться в городах.-Апостроф пророка Иезекииля к Иерусалиму, великой проститутке.- Лоис Моисеев.-Разновидности проституции, разрешенные Моисеем, и при каких условиях.- Торговля, которую Евреи вели между собой своими дочерьми.-Негибкость Моисея в отношении преступлений против природы.-Причины, побудившие Моисея исключить еврейских женщин из законной проституции.-Глава XVIII *Левит*. Тайные недуги, которыми страдали еврейские женщины.- Особые меры предосторожности, принятые Моисеем для сохранения здоровья евреев.- Голуби-черепахи, приносимые в жертву *больными*, чтобы получить их исцеление.- Закон ревности.- *Пирог ревности* и *горькие воды* проклятия.- Священная проституция среди евреев.- Культа Молоха и Ваал-Фегора.-Обсценные суеверия и нечистые жертвоприношения.-*Молохиты.-Женщины* или посвящённые.-Их позорные

мистерии.-*Цена собаки*.-*Посвящённые*.-Болезни, порождённые развратом израильтян.- Замбри и блудница Мадямская.-Страдальцы, уничтоженные Моисеем, вновь появляются при царях Иуды.-Аса в свою очередь прогоняет их.-Мааха, мать Асы, верховная жрица Приапа. Разврат израильтян с дочерьми Моава - нравы моавитских проституток - экспедиция против мадианитян - расправа над пленными женщинами по приказу Моисея - законы Моисея о девственности дочерей - способы установления девственности у евреев.Наказания за прелюбодеяние и изнасилование - *Покупка девственницы* - Наложница Моисея - Наказание, которому Господь подверг Марию, сестру Моисея - Рекомендации Моисея евреям относительно любовных утех - Дочь Иеффая - Соглядатаи Иисуса Навина и Рахав, дочь радости - Самсон и блудница Моисея.-Самсон и блудница Газы - Далила - левит Ефрема и его наложница - бесчестье вениамитян - юная девственница царя Давида - излишества царя Соломона - семьсот его жен и триста наложниц - таблица и характер проституции во времена Соломона, взятые из его книги *Притчей*.-Пророки Исайя, Иеремия и Иезекииль -Храм Божий в Иерусалиме, место торговли проститутками -Иисус изгоняет их из дома Господня -Мария Магдалина у фарисея -Иисус прощает ей грехи за ее покаяние.

Евреи, пришедшие из Халдеи, переняли там обычаи пастушеской жизни, поэтому несомненно, что гостеприимная проституция существовала в древние времена как среди иудейской расы, так и среди халдейских пастухов и охотников. Следы ее можно найти то тут, то там в священных книгах. Но священная проституция была в корне противна религии Моисея, и этот великий законодатель, поставивший перед собой задачу наложить тормоз на свой порочный и развращенный народ, постарался именем Бога пресечь ужасающие эксцессы легальной проституции. Отсюда и страшное наказание, начертанное кровью на скрижалях закона, которого едва хватило, чтобы остановить чудовищные эксцессы сыновей Авраама.

Возможно, самый древний из дошедших до нас примеров больничной проституции можно найти в книге Бытия. Во времена Ноя сыновья Бога, или ангелы, спустились на землю, чтобы познакомиться с дочерьми человеческими, и у них родились дети, которые стали великанами. Эти ангелы приходили вечером, чтобы укрыться под шатром патриарха, и, уходя, более или менее удовлетворенные тем, что нашли, они оставляли живые напоминания о своем прохождении. Бытие не сообщает нам, по какому подлинному признаку можно было отличить ангела от человека: только через девять месяцев он явил себя через рождение великана. Эти гиганты не унаследовали добродетели своих отцов, ибо порочность человечества только возрастала, так что Господь, возмущенный тем, что род человеческий так вырождается и развращается, решил уничтожить его, за исключением Ноя и его семьи. Потоп обновил лицо мира, но страсти и пороки, которые Бог хотел искоренить, вновь появились и умножились вместе с человечеством. Когда два ангела, возвестившие Аврааму, что его жена Сарра, которой было шесть баллов, родит ему сына, отправились в Содом и остановились в доме Лота на ночлег, жители города, от младшего до старшего, окружили дом и окликнули Лота: Они сказали ему: "Где эти люди, которые приходили к тебе ночью? Прошу вас, братья мои, - отвечал Лот, - не делайте им зла. У меня есть две дочери, которые еще не встречались с мужчиной; я приведу их к вам, и вы можете поступать с ними, как вам угодно, если не причините вреда этим людям. Ведь они пришли под сень моего крова". Разве Лот, пожертвовавший честью своих дочерей ради гостеприимства, не предоставил бы двум своим гостям то, что он с неохотой предложил разъяренной толпе? Что касается двух его дочерей, которых вид разрушения Sodoma и Гоморры не напугал настолько, чтобы внушить им чувство воздержания, то они странным образом одна за другой злоупотребляли пьянством своего несчастного отца.

Это разврат, и самый отвратительный разврат, но это еще не легальная проституция, которая осуществляется на основании договора, не осуждаемого законом и разрешаемого обычаем. Такой вид проституции встречается у евреев со времен патриархов, за восемнадцать веков до Рождества Христова, когда целомудренный Иосиф, раб и управитель евнуха Путифара в Египте, устоял перед безнравственными провокациями жены своего господина и отдал ей свой плащ, а не свою честь. Один из братьев Иосифа, Иуда, четвертый сын Иакова, последовательно женил на девушке по имени Фамарь двух сыновей, которых он имел от хананеянки: эти два сына, Гер и Онан, умерли без детей, их вдова обещала выйти замуж за последнего брата, Селу; но Иуда не заботился об этом браке, к которому два предыдущих, оставшись бесплодными, прилагали несчастливое предзнаменование. Фамарь, недовольная своим свекром, который обещал выдать ее за Селу, придумала странный способ доказать, что она может стать матерью. Услышав, что Иуда собирается на высоты Тиннат, чтобы стричь овец, она сняла с себя одежду для питья, покрыла себя покрывалом и завернулась в него, а затем села на перекрестке дорог, по которым должен был идти Иуда. "Когда Иуда увидел ее, - повествует *Бытие* (гл. XXXVIII), - он подумал, что это блудница, потому что она закрыла лицо свое, чтобы ее не узнали. Тогда он подошел к ней и сказал: "Позволь мне пойти с тобой". Ведь он не подозревал, что она его невестка. Она ответила: "Что ты дашь мне, чтобы насладиться моими объятиями?" Он сказал: "Я pošлю тебе ребенка из моего стада". Тогда она снова сказала: "Я сделаю все, что ты хочешь, если ты дашь мне залог, пока не пришлешь мне обещанного?" И сказал ей Иуда: "Что ты хочешь, чтобы я дал тебе в залог?" Она ответила: "Твое кольцо, твой браслет и посох, который ты держишь в руке своей". И он пришел к ней, и тотчас она зачала; тогда она встала и ушла, и, сняв покрывало, которое взяла, облеклась во вдовью одежду. Иуда же послал молодого козленка через одного из своих пастухов, который должен был вернуть залог; но пастух не нашел этой женщины, в руках которой остался залог, и спросил прохожих: "Где эта блудница, которая стояла на перекрестке?" И они отвечали: "Нет блудницы в том месте". И он вернулся к Иуде и сказал: "Я не нашел ее, и местные жители сказали мне, что ни одна блудница никогда не стояла на этом месте". Вскоре после этого Иуде сообщили, что его невестка беременна, и он приказал сжечь ее как прелюбодейку; но Фамарь затем сообщила ему отца ребенка, которого она носила, и вернула кольцо, браслет и посох.

Это, безусловно, самый древний пример легальной проституции, который может предоставить нам история; ведь факт, о котором сообщает Моисей со всеми характерными для него обстоятельствами, относится к XXI веку до нашей эры. Мы уже видим еврейскую проститутку, скрытую складками вуали, сидящую на обочине дороги и предающуюся своему позорному ремеслу с первым встречным, который хочет ей заплатить. Такова была роль проституции у евреев с древнейших времен. Священные книги полны отрывков, показывающих нам, что перекрестки дорог использовались как рынок и ярмарка *блудницами*, которые иногда стояли неподвижно, закутавшись в свои вуали, словно в саван, а иногда, одетые в нескромные одежды и богато украшенные, воскуряли духи, пели сладострастные песни, аккомпанируя себе на лире, арфе и барабане, или танцевали под звуки двойной флейты. Эти развратные женщины не были иудейками, по крайней мере, большинство из них, так как Писание обычно описывает их как *иноплеменниц*: это были сирийки, египтянки, вавилонянки и т. д., которые преуспели в искусстве возбуждения чувств. Закон Моисея прямо запрещал еврейским женщинам служить помощницами в проституции, которую он разрешал мужчинам, поскольку не осуждал ее. Это объясняет, почему *иностранным женщинам* не разрешалось заниматься проституцией в стенах города, и почему дороги были привилегированы, чтобы давать прибежище публичному разврату. Исключений из этого обычая не было вплоть до правления Соломона, который позволил куртизанкам обосноваться в центре городов. Но и до, и после этого их нельзя было встретить

на улицах и перекрестках Иерусалима; их можно было увидеть торгующими своими товарами вдоль дорог. Там они разбивали свои палатки из звериных шкур или ярких тканей. Спустя пятнадцать веков после приключений Тамара пророк Иезекииль на своем символическом языке сказал великой проститутке Иерусалиму: "Ты построила бордель и сделала себе место проституции на каждом перекрестке, на каждой дороге выставила знак своей распущенности, и ты отвратительно пользуешься своей красотой, и ты бросаешь себя всем проходящим мимо (*divisisti pedes tuos omni transeunti*, говорит *Вульгата*), и ты умножила свои блуды."

Пребывание евреев в Египте, где нравы были крайне развращены, завершилось их извращением и возвращением к состоянию простой природы: они жили в постыдной распущенности, когда Моисей вывел их из рабства и дал им свод религиозных и политических законов. Когда Моисей привел евреев в Землю обетованную, ему пришлось прибегнуть к страшному наказанию, чтобы остановить разгул морального разврата, позорившего народ Божий. С высоты горы Синай он произнес эти слова, которые Господь произнес среди молний и грома: "Не развратничай! Не желай жены ближнего своего! Затем он не преминул от имени Иеговы регламентировать формы разновидности проституции, которая по сути своей была частью рабства. Если кто-то продал свою дочь в рабство, - говорил он, - она не сможет уйти от своего хозяина, как другие слуги. Если она не нравится хозяину, которому ее отдали, пусть он прогонит ее; но у него не будет власти продать ее чужому народу, если он хочет от нее избавиться. Однако если он обручил ее своему сыну, он должен вести себя с ней, как со своими собственными дочерьми. Если он взял другую, он должен обеспечить ее приданым и одеждой и не должен отказывать ей в сексуальном удовольствии (*pretium pudicitiae non negabit*). Если он не сделает этих трех вещей, она выйдет из рабства, ничего не заплатив". Этот отрывок, который комментаторы понимают по-разному, самым очевидным образом доказывает, что среди иудеев, по крайней мере до окончательного составления скрижалей Закона, отец имел право продать свою дочь господину, который делал ее своей наложницей на время, определенное договором купли-продажи. Из этого необычного закона мы также видим, что дочь, проданная таким образом в пользу своего отца, не получала никакой личной выгоды от того, что ей пришлось отдать свое тело, за исключением случаев, когда хозяин, обручив ее со своим сыном, хотел заменить ее другой наложницей. Таким образом, совершенно точно установлено, что евреи торговали между собой проституцией своих дочерей.

Моисей, мудрый законодатель, говоривший с евреями устами Бога, имел дело с неисправимыми грешниками: из благоразумия, в качестве небольшой компенсации за то, что он у них отнимал, он разрешил им свободно торговать с иностранными проститутками; но он был непреклонен в отношении таких преступлений, как скотоложство и содомия. "Кто вступит в плотскую связь с бременным зверем, тот будет наказан смертью", - говорит он в *книге Исход* (глава XXII). Не вступай в половую связь с мужчиной, как с женщиной, - говорит он в *книге Левит* (глава XVIII), - ибо это мерзость; не совокупляйся ни с каким зверем и не оскверняй себя им. Женщина не должна играть блудницу со зверем или смешиваться с ним, ибо это - преступление!" Моисей, говоря об этих противоестественных расстройках, не может не оправдывать евреев, которые не изобрели их и предалились им по примеру других народов. "Народы, которые я собираюсь изгнать от вас, осквернили себя всеми этими мерзостями, - взывал вождь Израиля, - земля, которую они населяют, запятнана ими, и я накажу на ней беззаконие, и земля извергнет жителей своих". Моисей, знавший, насколько упрям его народ в своих мерзких привычках, соединил угрозу с молитвой, чтобы наложить спасительный тормоз на излишества чувств: "Всякий, делающий какую-либо из этих мерзостей, да будет извергнут из среды народа моего!" Но этого было недостаточно, чтобы

устрашить виновных; Моисей еще несколько раз возвращается к наказанию, которое должно быть им назначено: "Оба совершившие мерзость должны быть одинаково преданы смерти, побиты камнями или сожжены, мужчина и зверь, зверь и женщина, мужчина и его сообщник". Значит, Моисей не предполагал, что женский пол может потворствовать таким мерзостям. И всегда он ставил перед глазами израильтян необходимость не уподобляться народам, которые они собирались изгнать из земли Ханаанской: "Не следуйте блужданиям народов сих, говорит Господь, ибо они делают мерзости, которые Я запрещаю вам, и Я принял их за мерзость (*Левит.*, XX)".

Очевидной целью закона Моисея было предотвратить, насколько это возможно, вырождение и уродство еврейской расы в результате разврата, который уже слишком испортил ее кровь и обеднил ее природу. Кроме того, эти развратные действия наносили серьезный ущерб развитию населения и здоровью людей. Это, безусловно, были две основные причины, по которым законодатель решил разрешить легальную проституцию только среди иностранок. Еврейским женщинам она была категорически запрещена. "Ты не должен блудить с дочерью твоей", - говорит он в *книге Левит* (глава XIX), - "чтобы земля не осквернилась и не наполнилась нечистотами". Еще более определенно он говорит во *Второзаконии* (XXIII): "Не должно быть блудниц среди дочерей Израилевых, ни распутников среди сынов Израилевых". (*Non erit meretrix de filiabus Israel nec scortator de filiis Israel*). Эти две статьи кодекса Моисея регулировали проституцию среди евреев, когда те были поселены в Палестине и составляли единый народ под управлением судей и царей. Развратными заведениями управляли иностранцы, в основном сирийцы; женщины для удовольствий, известные как освященные женщины, все были иностранцами, в основном сирийцами. Что касается причин, по которым Моисей решил отстранить еврейских женщин от законной проституции, то они достаточно объяснены в главах *книги Левит*, где он не боится раскрыть отвратительные недуги, которым в то время были подвержены женщины его расы. Отсюда все меры предосторожности, которые он принимает, чтобы сделать браки здоровыми и плодовитыми. Нет другого способа объяснить XVIII главу *Левит*, в которой он перечисляет всех лиц женского пола, чью наготу еврей не должен обнаруживать (*turpitudinem non discoperies*) под страхом ослушания Господа: "Пусть не приближается мужчина к своей родственнице, чтобы жить с ней", - говорит Господь. Таким образом, ни один еврей не мог, не совершив преступления, узнать свою мать или тещу, сестру или невестку, дочь, внучку или невестку, тетю по материнской или отцовской линии, племянницу или двоюродную сестру. Моисей считал полезным установить таким образом степени родства, которые препятствовали бы союзу, несовместимому и даже более противоречащему физическому состоянию общества, чем его моральному устройству. Именно по этим же причинам приближение к женщине во время менструации было настолько строго запрещено, что Закон Моисея при определенных обстоятельствах карал за это смертью. Правда, среди еврейских женщин эта опасность была более серьезной, чем где-либо еще.

Эти еврейские женщины, такие красивые, с миндалевидными черными глазами, сладострастными ртами с коралловыми губами и жемчужными зубами, упругими, дугообразными талиями, упругими, богатыми глотками, со всеми сокровищами своих пухлых форм, Эти еврейские женщины, столь соблазнительно изображенные Сунамитянкой в *Песне Песней*, были поражены, если верить Моисею, тайными недугами, которые некоторые медицинские археологи пытаются трактовать как симптомы венерического заболевания. Эта болезнь, конечно же, не пришла из Неаполя или Америки. Поэтому было бы неосмотрительно и очень смело высказывать свое мнение по столь деликатному вопросу; но в любом случае мы можем только одобрить Моисея, который принял особые меры предосторожности, чтобы уберечь здоровье евреев и не дать их потомству испортиться в его

зародыше. По мнению других комментаторов, которые могут быть или не быть врачами, но, несомненно, являются очень искусными богословами, речь идет только о кровотечении и геморрое в этой ужасной главе XV книги *Левит*, которая в самом приличном переводе начинается так: "Всякий человек, из которого течет плоть, оскверняется из-за своего течения, и таково осквернение его течения; когда плоть его пускает свое течение или плоть его задерживает свое течение, это его осквернение". Текст *Вульгаты* не оставляет сомнений относительно природы этого потока, если не его происхождения: *Vir qui patitur fluxum seminis immundus erit; et tunc indicabitur huic vitio subiacere, cum per singula momenta adhæserit carni ejus atque concreverit foedus humor*. Вот почему Моисей предписывал такие строгие омовения и такие суровые испытания для тех, кто, по выражению ортодоксальных переводов *Библии*, был "текуч". Больной, который делал нечистым все, к чему прикасался, и одежду которого нужно было стирать, поскольку он ее осквернял, на восьмой день своего течения шел ко входу в скинию и приносил в жертву двух горлиц или двух голубей, одного за свой грех, а другого во всесожжение. Эти два голубя, которых язычество посвящало Венере за пылкость и многообразие их ласк, очевидно, представляли двух авторов греха, который привел к столь печальным последствиям. Эта искупительная жертва не исцелила больного, и он оставался отрезанным от Израиля и вдали от скинии Божьей до тех пор, пока его кровотечение не прекратилось. Моисей установил настоящие полицейские правила, чтобы грязная болезнь, изменившая источники поколений среди евреев, не распространялась дальше, не увеличивала свои опустошения и в конце концов не заразила весь народ Израиля.

Однако во время пребывания израильтян в пустыне эта болезнь настолько обострилась и умножилась, что Моисей изгнал из стана всех, кто ею страдал (*Числа*, глава V). Именно по повелению Господа сыны Израиля безжалостно изгнали всех прокаженных и всех больных проказой. Вполне вероятно, что эти несчастные, которым Господь не послал благословения в виде небесной манны, умерли от холода и голода, если не от своей болезни. С этим странным и одиозным злом можно связать и закон о ревности, который Моисей разработал, чтобы утихомирить мужей, обвинявших своих жен в том, что они подорвали свое здоровье прелюбодеянием, шрамы от которого у них остались. В еврейских семьях на эту тему постоянно вспыхивали неугасимые ссоры. Муж подозревал жену и искал подтверждения своим подозрениям в состоянии их общего здоровья; жена тщетно клялась, что не осквернялась, и часто обвиняла мужа в тех проступках, в которых он ее упрекал. Тогда муж и жена шли к священнику; муж подносил жене лепешку из ячменной муки, без масла, называемую *лепешкой ревности*; супруги становились перед Господом; священник клал лепешку на руки жены, а в своих держал горькие воды, приносящие проклятие: Если ни один мужчина не спал с тобой, - сказал он ей, - и если, находясь во власти мужа, ты не развратничала и не оскверняла себя, то будь свободна от этих горьких вод; Если же, находясь во власти мужа, ты совершила разврат и осквернение, и с тобою спал не муж, то да предаст тебя Господь мерзости, которой ты поклялась, и да войдут воды сии, несущие проклятие, в чрево твое, чтобы вздулся живот твой и опустилось бедро твое." Женщина отвечала "аминь" и пила горькие воды, а священник размахивал пирогом ревности и приносил его на алтарь. Если впоследствии женщина видела, что ее живот вздулся, а бедро усохло, она была осуждена за прелюбодеяние и становилась позорной в глазах Израиля. Муж же ее, которого все жалели как жертву, *свободную от вины*, оказывался оправданным, если не исцеленным, ибо, хотя он и не пил горьких вод в присутствии священника, ему часто доставалась лучшая доля отвратительных недугов и ужасных несчастных случаев, которые проклятие обрушивало на его преступную жену. Когда она доказала свою невинность благополучным состоянием живота и мясистого бедра, ей больше не нужно было бояться упреков мужа, и она могла иметь детей.

Как мы видим, Моисей был озабочен не только моральным воспитанием израильтян: он пытался уничтожить семена их мерзких болезней и поместил свои законы общественной гигиены под защиту Божьей скинии. Но когда израильтяне проходили через чужие народы - моавитян, аммонитян, хананеев и всех сирийцев, более или менее развращенных и идолопоклоннических, - они перенимали вкусы, обычаи и пороки своих хозяев и союзников. Теперь среди кровосмесительных потомков Лота и его дочерей процветала самая дерзкая проституция. Священная проституция особенно расширила свою наглую империю в поклонении ложным богам, которым жители страны поклонялись с прискорбным неистовством. Молох и Ваал-Фегор были чудовищными идолами этой проституции, в которую поспешил посвятить себя еврейский народ. Может быть, Моисей и пресек блудников, но их примеру последовали не меньше тех, кто позволил себе втянуться в плотские аппетиты. Таким образом, в обычаях евреев сохранилось множество непристойных суеверий, несмотря на то что жертвенники Ваала и Молоха были снесены и больше не принимали бранных приношений. Моисей в XX главе *книги Левит* и XXIII главе *Второзакония* наложил позорное клеймо на этот отвратительный культ и на отступников, исповедовавших его к стыду истинного Бога Израиля: "Кто из сынов Израилевых или из пришельцев, живущих в Израиле, даст от семени своего идолу Молоху, тот да будет предан смерти; народ должен побить его камнями до смерти". Так говорит Господь Моисею, повелевая ему вычеркнуть из своего народа тех, кто вступил в блуд с Молохом. Во *Второзаконии* только Моисей осуждает, но не налагает конкретного наказания, некоторые нечистоты, относящиеся скорее к Ваалу, чем к Молоху: "Не приносите в храме Господнем платы за блуд и *цены за собаку*, какой бы обет вы ни дали, потому что эти две вещи - мерзость пред Господом, Богом вашим".

Ученые приложили немало усилий, чтобы выяснить, кем были эти моавитские боги, Молох и Ваал-Фегор; они извлекли из *Талмуда* и еврейских комментаторов самые странные подробности об идолах этих богов и о поклонении, которое им оказывалось. Молох изображался в виде человека с головой тельца, который, раскинув руки, ждал, когда ему принесут в жертву цветы муки, горлиц, ягнят, баранов, телят, быков и детей. Эти различные жертвы помещались в семь ртов, открывавшихся в середине живота этого жадного бронзового божества, который был помещен на огромную печь, зажженную для того, чтобы поглотить все семь видов жертвоприношений за один раз. Во время этого холокоста жрецы Молоха играли на систрах и барабанах страшную музыку, заглушая крики жертв. Именно тогда и происходило проклятое Богом Израиля злодеяние: *молохиты* предавались обычаям, достойным земли Онана, и, оживляемые ритмичным шумом музыкальных инструментов, размахивали вокруг раскаленной статуи, которая казалась красной сквозь дым, неистово крича и, как говорит Библия, давая Молоху потомство. Эта мерзость настолько прижилась в Израиле, что несколько несчастных глупцов осмелились ввести ее в поклонение Богу евреев и тем самым осквернили Его святилище. Гнев Моисея был справедливым по отношению к ним, и он повторил слова Господа: "Я обращаю лицо Мое против тех, кто играет в блудницу с Молохом, и изглажу их из народа Моего". Этот Молох, или Молек, был не кто иной, как Милитта у вавилонян, Астарта у сидонян, порождающая Венера, обожествленная женщина. Отсюда и подношения, приносимые ей: цветок муки - для обозначения жизненной силы; голуби-черепахи - для выражения нежности любви; ягнята - для обозначения плодovitости; бараны - для характеристики мелочности чувств; телята - для изображения богатства питающей природы; быки - для обозначения творческой силы; дети - для обозначения самой цели культа богини. Понятно, что в постыдном преувеличении религиозного рвения верные поклонники Молоха, не имея детей, предлагали ему нечистую компенсацию за это жестокое жертвоприношение. Более того, похоже, что культ этого нечистого Молоха был менее популярен среди евреев, чем культ Ваал-Фегора.

Ваал-Фегор или Белфегор, который был любимым богом мадианитян, был принят евреями со страстью, свидетельствующей о непристойности его мистерий. Этот бесчестный бог часто уравнивал Бога Авраама и Иакова; его отвратительный культ, сопровождавшийся самыми ужасными развратными действиями, так и не был полностью уничтожен в еврейском народе, который тайно практиковал его в лесах и горах. Этот культ, несомненно, был культом Адониса или Приапа. Памятники, изображающие этого бога, полностью отсутствуют. Немногочисленные еврейские писатели едва ли позволили традиции говорить о Ваале, его статуях и церемониях. Мы ограничимся тем, что заглянем за приличную завесу скандальных образов, которые Селден, аббат Миньо и Дюлор пытались поднять рукой учености. Согласно Селдену, который опирается на авторитет Оригена и святого Иеронима, Белфегор иногда изображался с гигантским фаллосом, называемым в *Библии*: *species turpitudinis*; иногда - идолом в одеянии, свернутом на голове, как бы демонстрируя свою нечистоту (*ut turpitudinem membri virilis ostenderet*); согласно Миньо, статуя Ваала была чудовищно гермафродитична; согласно Дюлору, она отличалась только атрибутами Приапа. Но все ученые, опираясь на Священное Писание и комментарии Отцов Церкви, сходятся во мнении о священной проституции, которая была главным элементом этого одиозного культа. Жрецы бога были красивыми юношами без бороды, которые, намазав свои тела воском и натерев их благовонными маслами, занимались неблагодарным ремеслом блуда в святилище Ваала. *Вульгата* называет их *женоподобными* (*effoeminati*); в еврейском тексте они называются *кедесхим*, то есть *освященными*. Иногда эти посвященные были не более чем наемниками, прикрепленными к службе в храме. Их обычная роль заключалась в более или менее активном использовании их позорных таинств: они продавали себя поклонникам своего бога и клали на его алтари плату за свою проституцию. Мало того, они держали собак, натасканных на те же мерзости; а нечистые доходы, полученные от продажи или найма этих животных, они также направляли в доход храма. Наконец, во время некоторых церемоний, совершавшихся ночью в глубине священного леса, когда звезды, казалось, закрывали свои лица и прятались в ужасе, жрецы и посвященные нападали друг на друга с ножами, покрывали друг друга порезами и неглубокими ранами, разгоряченные вином и возбужденные своими музыкальными инструментами, и падали в лужи крови.

Вот почему Моисей не хотел, чтобы возле храмов были рощи; вот почему, сам стыдясь мерзости, которую он проклял небесами, он запретил приносить в дом Божий плату за проституцию и *цену собак*. Из слабоумных образовалась секта со своими обрядами и посвящениями. Эта секта тайно размножалась, какие бы усилия ни предпринимал законодатель для ее уничтожения; она пережила крушение своих идолов и распространилась даже в храме Господнем. Происхождение этих женоподобных существ, очевидно, связано с распространением различных непристойных болезней, осквернявших кровь женщин и делавших их приближение очень опасным, до того как Моисей очистил свой народ, изгнав и осудив на казнь всех, кто страдал этими эндемическими болезнями: проказой, чесоткой, кровохарканьем и всевозможными флюсами. Когда здоровье населения несколько восстановилось, иудеи, поклонявшиеся Ваалу, перестали довольствоваться своими женоподобными поклонниками и, видя, что они стали менее востребованы, решили компенсировать сокращение доходов от своего культа, посвятив Ваалу еще и ассоциацию женщин, которые занимались проституцией на благо алтаря. Эти женщины, называемые на библейском языке *кедесхот*, жили с ними не в портике или в стенах храма, а в ярко раскрашенных палатках на окраине храма, готовясь к проституции сжиганием духов, продажей заклинаний и музыкой. Это были иноземные женщины, которые продолжали заниматься своим ремеслом ради собственной выгоды, когда храм Ваала перестал принимать их приношения; это были те, кто, с детства обученные своему постыдному жречеству, служили исключительно нуждам иудейской проституции.

Таким образом, история священной проституции у евреев начинается со времен Моисея, которому не удалось ее отменить, и она вновь появляется то тут, то там в священных книгах вплоть до времен Махавеев.

Когда Израиль расположился лагерем в Ситтими, в земле моавитян, почти в виду земли обетованной, народ предался блуду с дочерьми Моава (*Числа*, гл. XXV), которые приглашали их на свои жертвоприношения: они были посвящены в Белфегор. Господь призвал Моисея и приказал ему повесить тех, кто приносил жертвы Белфегору. Страшная болезнь, порожденная развратом израильтян, уже опустошала их, и от нее умерло двадцать четыре тысячи человек. Моисей созвал судей Израиля, чтобы попросить их отсечь от народа тех виновников, которых поразила чума. "Один из сынов Израилевых, которого звали Замбри, пошел в присутствии братьев своих к блуднице в земле Мадямской, в виду Моисея и собрания судей, которые плакали пред дверьми скинии. Тогда Финеес, внук Аарона, увидев это злодеяние, встал, взял кинжал, пошел за Замбри в место разврата и пронзил мужчину и женщину одним ударом в части рода". Это ослепительное правосудие положило конец эпидемии, опустошавшей Израиль, и успокоило гнев Господа. Но моральное зло имело более глубокие корни, чем физическое, и мерзости Ваала-Фегора часто вновь появлялись среди народа Божьего. Они никогда не были столь наглыми, как при царях Иуды. В царствование Ровоама, за 980 лет до Рождества Христова, "женоподобные жили в земле и делали там все мерзости народов, которых Господь сокрушил пред лицом сынов Израилевых". Аса, один из преемников Ровоама, покончил с женоподобными и очистил свое царство от осквернявших его идолов; он даже изгнал свою мать Мааху, которая руководила таинствами Приапе (*in sacris Priapi*), и разрушил сверху донизу храм, который она воздвигла этому богу, чью дерзкую статую (*simulacrum turpissimum*) он разорвал на куски. Воцарившийся тогда Иосафат истребил оставшихся слабоумных мужчин, которым удалось избежать сурового преследования со стороны его отца Асы. Однако вскоре женоподобные вернулись; храмы Ваала были восстановлены, а их статуи вновь стали оскорблять общественные приличия, и два века спустя царь Иосия снова начал непримиримую войну против ложных богов и их культа, который смешался в Иерусалиме с культом Господа. Храмы были разрушены, статуи сброшены, нечистое дерево вырвано и сожжено; Иосия не пощадил и шатры женоподобных, которые эти позорные поклонники разбили в самом нутре храма Соломона и которые, сотканные руками женщин, посвященных Ваалу, служили приютом для их странных блудных походов.

Древний еврейский комментатор книг Моисея добавляет много моральных черт, предоставленных традицией, к XV главе *книги Чисел*, где говорится о бесчинствах израильтян с дочерьми Моава. Эти девушки разбили шатры и открыли лавки (*officinæ*) от Бет-Аисимота до Ар-Аскалега: там они продавали всевозможные украшения; и Евреи ели и пили посреди этого лагеря проституции. Когда один из них вышел подышать свежим воздухом и пошел вдоль шатров, одна девушка позвала его изнутри шатра, где она лежала: "Подойди, купи мне что-нибудь?" И он купил; на другой день купил снова, а на третий день она сказала ему: "Войди и выбери меня; ты здесь хозяин". И он вошел в шатер; там его ждал кубок, полный аммонитского вина: "Да будет тебе угодно выпить это вино!" - сказала она ему. И он выпил, и вино воспламенило его чувства, и он сказал прекрасной дочери Моава: "Поцелуй меня!" Она, вынув из груди своей изображение Фегора (несомненно, фаллос), сказала ему: "Господин мой, - сказал он, - если ты хочешь, чтобы я поцеловала тебя, поклонись моему богу? - Что! - вскричал он, - могу ли я принять идолопоклонство? - Какое тебе дело! - отвечала чаровница, - достаточно обнажить себя перед этим изображением". Израильтянин не стал отказываться от такой сделки; он обнажился, и моавитянка завершила свое посвящение в культ Ваала-Фегора. Обнажиться перед ним означало признать Ваала и поклониться ему.

Поэтому иудеи, боясь показаться в его присутствии с голой головой, не снимали чепцов даже в храме и перед скинией Господней. Возможно, эти дочери Моава не были слишком невиновны в чуме, поразившей Израиль в результате разжигаемого ими идолопоклонства; ведь после победоносного похода Моисея на мадианитян, когда все мужчины были преданы мечу, он приказал убить и некоторых женщин, оставшихся в плену: "Вот они, - сказал он военачальникам, - вот они, которые, по внушению Валаама, соблазнили сынов Израилевых и заставили вас согрешить против Господа, показав вам изображение Фегора". Поэтому он безжалостно убивал всех женщин, потерявших девственность (*mulieres quæ noverunt viros in coitu*).

Моисей в двадцати местах своих книг, похоже, очень озабочен девственностью девушек: это было обязательное приданое, которое еврейская жена приносила своему мужу, и мы должны верить, что у евреев, как бы мало они ни были развиты в естественных науках, были определенные средства для установления девственности, когда она существовала, и последующего доказательства того, что она существовала. Так (*Второзаконие*, гл. XXII), когда муж, женившись на своей жене, обвинял ее в том, что она не легла на брачное ложе девственницей, отец и мать обвиняемой представляли перед старейшинами, сидевшими у городских ворот, и демонстрировали в их глазах признаки девственности своей дочери, разворачивая рубашку, которая была на ней в ночь свадьбы. В этом случае муж замолчал, и ему больше нечего было возразить против такой доказанной девственности. С другой стороны, если бедная женщина не могла предъявить то же самое, она рисковала быть убежденной в том, что не справилась со своими обязанностями, и быть осужденной за блуд в доме своего отца: ее выводили в дом и били камнями. Моисей, как и все законодатели, назначил смертную казнь за прелюбодеяние; что касается изнасилования, то только изнасилование обрученной девушки каралось смертью, и девушка погибала вместе с оскорбившим ее мужчиной, если только преступление не было совершено в открытом поле; в противном случае считалось, что несчастная девушка не кричала или кричала очень слабо. Если девушка еще не получила обручального кольца, то оскорбивший ее становился ее мужем за то, что унизил ее (*quia humiliavit illam*), при условии, что он заплатит отцу своей жертвы пятьдесят сиклей серебра, что называлось *выкупом девственницы*. Моисей, который был более снисходителен к мужчинам, чем к женщинам, предписывал последним такое строгое целомудрие, что замужняя женщина, увидевшая, как ее муж борется с другим мужчиной, не могла прийти к нему на помощь под страхом лишения руки; Ибо женщине полагалось отрубить руку, если она по ошибке или по другой причине прикасалась к постыдным частям тела мужчины; теперь же евреи в своих драках слишком часто прибегали к этому страшному способу нападения, который приводил не иначе как к увечью еврейского рода. Именно для предотвращения этих опасных драк Моисей закрыл вход в храм для евнухов, какими бы они ни стали (*atritis vel amputatis testiculis et abscisso veretro*. Deuteron, XXIII). Но все эти строгости закона относились только к еврейским женщинам; иноземцы, что бы они ни делали в Израиле или с Израилем, нисколько не беспокоились, и сам Моисей хорошо знал ценность этих иноземцев, поскольку, будучи старше ста лет, он взял одну из них в жены или, скорее, в наложницы. Это была эфиопка, которая не поклонялась Богу иудеев, но не менее угодила Моисею. Сестра этой любимицы Господа, Мария, должна была покаяться в том, что плохо отзывалась об эфиопке, потому что Моисей был опечален, а Господь разгневан: Мария стала прокаженной, белой как снег, в наказание за свои злые слова в адрес черной госпожи Моисея. Моисей, который не всегда проповедовал на собственном примере, был бы неразумен, если бы требовал от израильтян постоянства, которое ему самому было трудно соблюдать. Он лишь рекомендовал умеренность в удовольствиях чувств и целомудрие во внешних поступках. Таким образом, согласно его закону, любовь была своего рода тайной, которую можно было исполнить только при определенных условиях

времени, места и приличия. Кроме того, необходимо было соблюдать множество мер предосторожности в интересах общественного здоровья: еврейские женщины были подвержены наследственным недугам, которые злоупотребление сексуальными отношениями могло усугубить и приумножить; семьи, сосредоточившись, так сказать, на себе, обеднели и испортили свою кровь. Распутство было преобладающим пороком израильтян, и их законодатель, который был бы бессилием сделать их абсолютно целомудренными и добродетельными, предписал им умерить свои желания и удовольствия: "Пусть сыны Израилевы, - сказал Господь Моисею, - носят пурпуровые полосы по краям своих плащей, чтобы вид этих полос напоминал им о заповедях Господних и отвращал глаза их и мысли их от блуда". (*Числа*, XV.)

Иностранные женщины или женщины удовольствия не были настолько унижены в Израиле, чтобы их сыновья не могли занять место и власть среди народа Божьего: так, храбрый Иефти родился в Гилеаде от проститутки и был одним из самых уважаемых военачальников израильтян. Один из комментаторов священных книг считает, что Иефти, чтобы искупить вину своей матери за проституцию, посвятил девственность своей единственной дочери Господу. Действительно, трудно поверить, что Иефтах действительно принес в жертву свою дочь, и это человеческое жертвоприношение, вероятно, следует рассматривать не более чем как вполне понятную эмблему: дочь Иефтая оплакивает свою девственность в течение двух месяцев со своими спутницами, прежде чем принять привычку вдовства и посвятить себя служению Господу. Другой комментатор, больше занимающийся древней археологией, увидел в уходе девушки на гору приобщение к культу Ваала-Фегора, который, как часто говорится в *Библии*, имел свои храмы, статуи и священные рощи на *высоких местах*. Таким образом, Иефтах мог посвятить свою дочь в проституцию, то есть в то ремесло, которым занималась ее мать. Более того, книги Иисуса Навина и Судей не свидетельствуют о непримиримом отвращении к проституткам. Когда Иисус Навин послал двух соглядатаев в Иерихон, они пришли ночью в дом дочери радости по имени Рахав, "и ночевали там", - говорится в *Библии*. Эта женщина жила на городской стене, как и женщины ее рода, которым не разрешалось жить внутри городов. Иерихонский царь пришел, чтобы схватить этих шпионов, но она спрятала их на крыше своего дома, а затем помогла им выбраться из города с помощью веревки. Соглядатаи пообещали спасти ее жизнь и жизнь всех, кто находился под ее крышей, когда Иерихон будет взят. Иисус Навин не преминул выполнить обещание, данное его посланцами этой бабе, которая была спасена во время резни вместе с отцом, матерью, братьями и всеми, кто ей принадлежал. "Она живет среди Израиля до сих пор", - говорит автор книги Иисуса Навина, которого, похоже, не смущает проживание чужеземки среди израильтян. Правда, она была не единственной, и священному историку часто доводится говорить об этих существах.

Мы не будем останавливаться на рождении Самсона, в котором можно найти следы священной проституции; мы не будем указывать на то, что его мать была бесплодна и что человек Божий, чье лицо было подобно ангельскому, *пришел* к этой бесплодной женщине, чтобы сказать ей, что у нее будет сын; мы лишь покажем Самсона, этого избранника Господа, который идет в город Газу, видит там распутную женщину и входит в ее дом. Но Господь не отступил от него, и среди ночи Самсон встал так крепко, как будто мирно спал, разрушил ворота Газы и отнес их на вершину горы. Затем он полюбил женщину по имени Делила, которая жила в шатре у ручья Кедрон. Она все еще была куртизанкой, и ее измена, которую филистимляне купили по высокой цене, доказывает, что она не заслуживала похвалы за щедрость своего возлюбленного. Господь не упрекнул Самсона за то, что он использовал свою силу, но оставил его, как только бритва рассекла лоб этого назареянина. Делила тоже отказалась от него и больше не укладывала его спать на своих коленях. Более

того, иудеи могли иметь наложниц в своем доме, не оскорбляя Бога Авраама, у которого тоже были свои наложницы. У Гедеона тоже была одна, которая родила ему сына в дополнение к семидесяти сыновьям, которых родили ему жены. Что касается левита из Ефрема, то он взял в Вифлееме наложницу, которая, согласно протестантскому переводу *Библии*, жила с ним и покинула его, чтобы вернуться к своему отцу. Левит, к своему несчастью, отправился на ее поиски: вернувшись, он принял гостеприимство, оказанное ему добрым стариком из города Гиба, и вошел в дом этого старика, чтобы провести ночь вместе со своими двумя ослами, наложницей и слугой. Путники омыли ноги, поели и попили; но когда они уже собирались заснуть, жители Гибы, дети Иемини и принадлежавшие к колену Вениаминову, окружили дом и, постучав в дверь, закричали хозяину: "Приведи нам человека, который вошел в твой дом, чтобы мы могли надругаться над ним (*ut abutamur eo*)". Старик вышел навстречу этим сынам Белиала и сказал им: "Братья, не делайте этого злого дела; этот человек - мой гость, и я должен защитить его. У меня есть дочь-девственница, а у этого человека - наложница: я отдам этих двух женщин вам, и вы можете предаться над ними своей жестокости; но, умоляю вас, не запятнайте себя противоестественным преступлением, надругавшись над этим человеком". Разъяренные мужчины ничего не хотели слушать; наконец левит из Ефрема вывел свою наложницу на улицу и оставил ее с вениамитянами, которые издевались над ней всю ночь. На следующее утро они отослали ее, и несчастная женщина, измученная этим ужасным развратом, едва смогла дотащить себя до дома, где спал ее возлюбленный: она упала замертво с распростертыми на пороге руками. Именно в таком печальном состоянии нашел ее левит, когда встал. Хотя он сам принес ее в жертву, ему еще больше захотелось отомстить за нее. Израиль встал на защиту этой наложницы и вооружился против Вениамитян, которые были почти истреблены. То, что осталось от виновного колена, не имело бы потомков, если бы другие племена, поклявшиеся не отдавать своих дочерей этим сынам Белиала, не взяли в плен дочерей Иависа в Галааде и не похитили дочерей Шилоха в Ханаане, чтобы вновь заселить страну, которую эта ужасная война превратила в одиночество. Так вениамитяне женились на иноземках и идолопоклонниках.

ЛЕВИТ ИЗ ЕФРЕМА

Эти иноземцы, несомненно, вскоре восстановили в Израиле поклонение Молоху и Ваал-Фегору, как и наложницы царя Соломона впоследствии. При этом царе, царствовавшем за тысячу лет до Рождества Христова и вознесшем еврейский народ на вершину процветания, разврат был доведен до предела. Царь Давид, будучи в преклонном возрасте, довольствовался тем, что взял молодую девственницу, которая ухаживала за ним и согревала его постель по ночам. Несмотря на это невинное желание застывшего от старости человека, Господь не отстранился от него и по-прежнему часто посещал его. Но Соломон, после славного и великолепного царствования, позволил себе увлечься пылом плотских страстей: помимо дочери египетского фараона, на которой он женился, он любил иноземных женщин, моавитянок, аммонитянок, идумеек, сидонянок и других, от которых бог Израиля велел ему бежать, как от опасных сирен. Но Соломон неистово предавался излишествам. (*His itaque copulatus est ardentissimo amore*). У него было семьсот жен и триста наложниц, которые отвратили его сердце от истинного Бога. Он поклонялся Астарте, богине сидонян, Камосу, богу моавитян, и Молоху, богу аммонитян; он воздвиг храмы и статуи этим ложным богам на горе напротив Иерусалима; он воспламенял их и приносил им нечистые жертвы. Жрицами этих жертв, приносимых Венере, Адонису и Приапу под именами Молоха, Камоса и Астарты, были жены и наложницы Соломона. На самом деле, во время правления этого сладострастного и мудрого царя в Израиле было так много иноземцев, живущих в качестве проституток, что две проститутки стали героинями знаменитого судилища Соломона. В

Библии эти две женщины с дурной репутацией (*meretrices*) предстают перед тронем царя, который решает между ними спор, не выказывая им никакого презрения.

В то время проституция была легальной, разрешенной и защищенной среди еврейского народа. Иностранные женщины, которые как бы обладали монополией на нее, проникали даже в города, где публично и нагло занимались своим постыдным ремеслом, не боясь ни физического, ни финансового наказания. Две главы *Книги Притчей* Соломона, V^е и VII^е, почти полностью описывают проституцию и ее характер в то время. Из некоторых отрывков главы V можно сделать вывод, что эти иностранцы не были свободны от ужасных болезней, порожденных развратом, и что они часто передавали их распутникам, которые были поглощены ими (*quando consumpseris carnes tuas*): "Мед исходит из уст куртизанки, говорит Соломон; уста ее слаще елеля; но она оставляет следы горьче полыни и острее обоюдоострого меча... Отвернись от голоса ее и не приближайся к порогу дома ее, чтобы не отдать честь свою врагу и остаток жизни своей жестокому злу, чтобы не истощить силы свои на пользу блуднице и не обогатить дом ее за свой счет". В главе VII мы видим сцену проституции, которая мало чем отличается в деталях от тех, что воспроизводятся в наши дни под бдительным оком полиции; это сцена, которую Соломон, несомненно, видел из окна своего дворца и которую он рисовал с натуры кистью поэта и философа: "Из окна моего дома, - говорит он, - через перила я видел и вижу людей, которые кажутся мне очень маленькими. Я вижу глупого юношу, который переходит перекресток и подходит к дому на углу, когда день угасает, в сумерках ночи и в тумане. А навстречу ему бежит женщина, одетая как куртизанка, всегда готовая удивить души, щебечущая и бродячая, так нетерпеливо ждущая отдыха, что ее ноги никогда не остаются дома; то у его дверей, то на площадях, то на углах улиц, устраивая свои засады. Она хватается за юношу, целует его, дразняще улыбается: "Я обещала богам подношения ради тебя, - говорит она ему, - и сегодня мои желания должны были исполниться. Вот почему я вышла навстречу тебе, желая увидеть тебя, и я нашла тебя. Я сплела себе ложе из веревок, покрыла его расписными коврами из Египта и надушила миррой, алоэ и корицей. Пойдем, опьянимся сладострастием, будем наслаждаться нашими пылкими поцелуями до возвращения дня. Ведь моего господина (*vir*) нет дома, он отправился в далекое путешествие, взяв с собой мешок денег, и вернется не раньше полнолуния". Такими разговорами она опутала юношу и, соблазняя его устами, увлекла за собой. И вот он следует за ней, как вол, ведомый к жертвенному алтарю; как ягненок, который играет сам с собой, не зная, что его хотят заарканить, и узнает об этом, когда смертоносное железо пронзает его сердце; как птица, которая бросается в сеть, не зная, что на карту поставлена ее жизнь. Итак, дети мои, слушайте меня и внимайте словам уст моих: да не увлечется дух ваш на путь этой нечистой женщины, и да не поведет она вас по следам своим, ибо она многих тяжело ранила, а сильнейших умертвила". В разгар оргий своих наложниц, празднуя мистерии Молоха и Ваала, великий царь Соломон, вероятно, забыл о своих *Притчах*. Тем не менее Соломон покался и умер в мире Господнем.

Бич проституции всегда оставался прикрепленным, как проказа, к еврейскому народу; не только легальная проституция, которую закон Моисея терпел в интересах чистоты внутренней морали, но и священная проституция, которая поддерживалась в среде Израиля присутствием стольких иноземных женщин, воспитанных в религии Молоха, Камоса и Ваала-Фегора. Пророки, которых Бог постоянно поднимал для наставления и исправления своего народа, находили его занятым принесением жертв богам Моава и Аммона на вершинах гор и в тени священных лесов: воздух звучал от развратных песен и был наполнен благовониями, которые проститутки сжигали перед собой. Шатры разврата стояли на перекрестках всех дорог и вплоть до ворот храмов Господних. Скандальное зрелище проституции, должно быть, постоянно поражало взор пророка, так что в его пророчествах каждый момент

отражались ее непристойные образы. Исаия обращается к городу Тиру, игравшему в блудницу со всеми народами земли: "Возьми цитру, о куртизанка, осужденная на забвение, танцуй по городу, пой, чтобы инструмент твой звучал, чтобы тебя помнили!" Из этого отрывка видно, что *иностранцы* использовали музыку для рекламы своих товаров. Иеремия говорит Иерусалиму, который, как дикий конь, со всех сторон всасывает эманации физической любви: "Куртизанка, ты бродила по всем холмам, ты распутничала под всеми деревьями!" Иеремия в самых отвратительных красках изображает нам тех нечистых детей Израиля, которые осквернили себя похотью в доме блудницы и стали посредниками в проституции. (*Mœchati sunt et in domo meretricis luxuriabantur; equi amatores et emissarii facti sunt*). Поэтому, когда евреев увели в вавилонский плен, они не должны были удивляться тому, что увидели там в виде беспорядков и непристойных излишеств в поклонении Милитте, которую они уже знали под именем Молоха. Иеремия со святым негодованием показывает им жрецов, занимающихся проституцией, богов, которые над ней властвуют, золото жертвоприношений, которым оплачивается работа куртизанки, и куртизанок, возвращающих к алтарям в сто раз больше полученной платы. (*Dant autem et ex ipso prostitutis, et meretrices ornant, et iterum, cum receperint illud a meretricibus, ornant deos suos*).

Но теперь, в области проституции, Израиль может учиться у всех народов, которые научили его и которых он превзошел. Пророк Иезекииль дает нам ужасающую картину еврейской коррупции. В его страшных пророчествах мы видим лишь злачные места, открытые для всех желающих, шатры разврата, расставленные на каждой дороге, дома злословия и блуда; мы видим лишь куртизанок, одетых в шелка и вышивки, сверкающих драгоценностями и обвешанных духами; мы созерцаем лишь позорные сцены блуда. Великая проститутка Иерусалим, отдавшаяся сынам Египта из-за обещаний их прекрасных размеров, делает подарки любовникам, которыми она довольна, вместо того чтобы просить у них плату за работу: "Я отдам тебя в руки тех, кому ты отдалась, - говорит ей Господь, - и они разорят твой бордель и разрушат твоё логово, и снимут с тебя одежды твои, и унесут золотые и серебряные сосуды твои, и оставят тебя нагую и полную бесчестия". Иерусалим должен был достигнуть вершины своего плутовства, чтобы пророк стал угрожать ему судьбой Содомы. Проституция, из-за которой Божий народ страдал больше всего, должна была быть той, которая упорно укрывалась под сводами храма Соломона. Во времена Махавеев, за полтора века до Иисуса Христа, этот храм все еще был местом торговли проституток, которые приходили туда в поисках клиентов. (*Templum luxuria et comessationibus gentium erat plenum et scortantium cum meretricibus*). Мы должны верить, что такое положение дел не менялось до тех пор, пока Иисус не изгнал торговцев из храма. И хотя евангелисты не объясняют природу торговли, которую Иисус вычистил из дома Господня, книга Махавея, написанная за сто лет до этого, рассказывает нам достаточно о том, что это могло быть. Более того, в Евангелии от Марка упоминаются торговцы черепаховыми голубями, и мы должны предположить, что эти птицы, дорогие Венере и Молоху, были там только для того, чтобы делать подношения влюбленным. Закон о ревности, так поэтично придуманный Моисеем, не предписывал приносить в жертву горлицу, а только лепешку из ячменной муки.

Иисус, который был безжалостен к паразитирующим гостям святилища и разбивал их прилавки беззакония, проявил снисходительность к женщинам, словно жалея их слабости. Когда Самарянка нашла Его сидящим у колодца, эта чужеземка, имевшая пять мужей и жившая с одним мужчиной, Иисус не упрекнул ее и ласково заговорил с ней, напоив водой, которую она набрала из колодца. Ученики Иисуса удивились, увидев Его в обществе такой женщины, и презрительно сказали: "Зачем говорить с этой тварью?" Ученики оказались еще более нетерпимыми, чем их божественный учитель, ведь они с радостью побили бы камнями, согласно закону Моисея, другую прелюбодейку, которую Иисус спас, сказав: "Кто без греха,

пусть первым бросит в нее камень!" И наконец, Сын Человеческий не побоялся публично отпустить проститутку, потому что она стыдилась своего греховного ремесла. Когда Он сидел за столом в доме фарисея в Капернауме, одна женщина с дурной репутацией (*peccatrix*), жившая в том городе, принесла алебастровый кувшин с благовонным маслом; она окропила ноги Спасителя своими слезами, помазала их маслом и отерла своими волосами. Увидев это, фарисей сказал себе: "Если бы он был пророк, то знал бы, что это за женщина, которая прикасается к нему, ибо она грешница". Иисус, обратившись к женщине, сказал ей с ангельской добротой: "Прощаются тебе грехи твои, как бы велики и многочисленны они ни были, потому что ты много любила". Эти слова Иисуса многократно комментировались и мусолились, но, несомненно, Сын Божий, произнесший их, не собирался поощрять грешницу к продолжению подобного образа жизни. Он изгнал семь бесов, которые овладели этой женщиной по имени Мария Магдалина и которые, возможно, были всего лишь семью распутниками, с которыми она имела связь. С этого момента Магдалина стала святой женщиной, достойной покаяния; она пошла по стопам освободившего ее Божественного Икупителя; она следовала за Ним в слезах на Голгофу; она сидела, все еще стоная, перед гробом. Именно ей впервые явился Христос, как бы давая ей звучное свидетельство о прощении. Эта грешница была причислена к лику святых, и если на протяжении всего Средневековья она не считала за честь быть покровительницей грешников, не подражавших ее обращению, она, по крайней мере, утешала их своим примером и даже в глубине их проклятых убежищ указывала им путь на небо. (*Remittuntur ei peccata multa, quoniam dilexit multum*).

ГЛАВА IV.

Резюме - Священная проституция в Греции - Греческие Венеры - Венера-Уrania - Венера-Пандемос - Пифо, богиня убеждения - Солон построил храм для богини проституции на средства, вырученные от основанных им в Афинах *дикерионов*.-Храмы Венеры - популярны в Фивах и Мегалополе -Приношение Гармонии, дочери Кадма, Венере-Пандемос -*Венера-куртизанка* или *плод*.-Город Абидос, рожденный куртизанкой -Храм Венеры-Гетарии в Эфесе, построенный на средства куртизанки -*Симеи* -Храм Венеры-куртизанки на Самосе, построенный на деньги от проституции.-Венера *Перибасия* или *Венера-Ремуресса* -Венера *Салакия* или *Венера-Лубрика* -Ее статуя, сделанная Дедалом из зыбучего серебра - Пожертвования, принесенные Венере-Ремурессе проститутками.-*Венера-Меланис* или *Черная*, богиня амурной ночи -Ее храмы -Венера *Мухея* или богиня логовищ -Венера *Кастния* или богиня нечистых связей -Венера *Скотия* или *Темная*.-Венера *Дерсето* или *Бегун* -Венера *Механитис* или *Механическая* -Венера *Каллипига* или С прекрасными ягодицами - Основа культа Венеры Дерсето -Суд Париса -Основа культа Венеры Каллипиги.-*Афродизеи* и *Алоэнны*.-Тысяча куртизанок в храме Венеры в Коринфе.-Приношение пятидесяти женщин Венере поэтом Ксенофонтом Коринфским.-Процессия *посвящения* женщин.-Функции куртизанок в храмах Венеры - *Малые мистерии Цереры* - Понтифик Архиас - Коттина, знаменитая куртизанка Спарты - Празднование праздников Адониса - Венера *Леэна* и *Венера Ламия*.

Сакральная проституция существовала в Греции, как только появились боги и храмы, поэтому она восходит к истокам греческого язычества. Теогония, которую поэтическое воображение эллинской расы создало более чем за восемнадцать веков до современной эпохи, была не более чем аллегорической поэмой об играх любви во вселенной. Все религии имели одну и ту же колыбель; везде женская природа расцветала и зарождалась в плодотворном контакте с мужской; везде мужчина и женщина обожествлялись в самых

значительных атрибутах своего пола. Таким образом, Греция получила из Азии культ Венеры и Адониса, а поскольку этих двух амурных божеств было недостаточно, Греция размножила их под множеством различных имен, так что Венер было почти столько же, сколько храмов и статуй. Жрецы и поэты, взявшие на себя труд придумать и написать летопись своих богов, не более чем развивали одну тему - тему чувственных удовольствий. В этой изобретательной и очаровательной мифологии Любовь появлялась в любой момент, причем в самых разнообразных образах, а история каждого бога или богини была не более чем сладострастным гимном в честь чувств. Легко понять, что проституция, которая так часто появляется в одиссее метаморфоз богов и богинь, должна была быть отражением греческих нравов во времена Оиггеса и Инаха. Мог ли народ, чьи религиозные верования были не более чем собранием нечистых легенд, быть целомудренным и сдержанным?

С героических времен Греция приняла культ обожествленных мужчины и женщины, как Вавилон и Тир установили его на Кипре; этот культ покинул остров, который был специально посвящен ей, распространился с острова на остров Архипелага и вскоре достиг Коринфа, Афин и всех городов Ионической земли. Затем, когда Венера и Адонис прижились на родине Орфея и Гесиода, они утратили кое-что из своего халдейского и финикийского происхождения; они были, так сказать, отлиты в форму более полированной и утонченной, но не менее развращенной цивилизации. Венера и Адонис более завуалированы, чем в Малой Азии; но под этой завесой скрываются деликатесы и разврат, которые, возможно, были неизвестны в священных окрестностях Милитты и в таинственных лесах Белфегора. Нам не хватает информации, чтобы восстановить все тайные детали культа греческих венер, особенно в периоды, предшествующие прекрасным векам Греции; поэты предлагают нам лишь разрозненные черты, которые, если и указывают на все, то ничего не уточняют; философы избегают картин и бессистемно бросаются в туманные моральные обобщения; историки содержат лишь отдельные факты, которые не часто объясняют друг друга; наконец, образные памятники, за исключением нескольких медалей и надписей, все погибли. Мы имеем лишь несколько представлений о главных Венерах, имена и атрибуты которых особенно важны для рассматриваемой нами темы. Простое перечисление этих венер избавит нас от необходимости прибегать к догадкам, более или менее подкрепленным свидетельствами и очевидностью. Священная проституция, когда она перестала практиковаться в интересах храма и жреца, оставила глубокие следы своей империи в религиозных обрядах и обычаях.

Венера, олицетворявшая, так сказать, эту проституцию, называлась Пандемос. Сократ говорит в *"Банкете"* Ксенофонта, что есть две Венеры - небесная и человеческая, или Пандемос; что поклонение первой целомудренно, а второй - преступно. Сократ жил в пятом веке до нашей эры и был философом-скептиком, подвергавшим сами религии своему непреклонному суждению. Платон в своем *"Банкете"* также говорит о двух Венерах, но он менее суров в отношении Пандемоса. "Есть две Венеры, - говорит он, - одна очень древняя, без матери, дочь Урана, поэтому ее называют Уранией; другая, более молодая, дочь Юпитера и Дионы, которую мы называем Венерой-Пандемос". Это Венера-Пандемос (παν - все; δῆμος - народ); это первое божество, которому поклонялись люди, собранные Тесеем в стенах Афин; это первая статуя богини, воздвигнутая на общественной площади зарождающегося города. Эта древняя статуя, которая уже не существовала, когда Павсаний писал свои *"Путешествия по Греции"*, была заменена другой, работы искусного скульптора и, несомненно, более скромной, чем первая, которая постоянно призывала к проституции. Ученые не сходятся во мнении, какую позу придал ей художник, и мы можем предположить, что это было связано с особым характером богини. Чтобы еще ярче представить этот характер, Тесей поставил рядом со статуей Пандемос статую Пифо, богини убеждения. Эти

две богини так хорошо говорили то, что должны были сказать, что люди приходили в любое время дня и ночи под их взгляды, чтобы совершить публичный акт послушания. Поэтому, когда Солон собрал деньги, необходимые для строительства храма богине проституции, на доходы от основанных им в Афинах *дикерионов*, он приказал построить храм напротив статуи, которая привлекла процессию верных прозелитов вокруг своего постамента. Афинские куртизанки с большим желанием посещали праздники Пандемоса, которые проходили в четвертый день каждого месяца и вызывали странные проявления религиозного рвения. В эти дни куртизанки занимались своим ремеслом исключительно ради богини, а деньги, заработанные под покровительством Пандемоса, тратили на подношения.

Этот храм, посвященный популярной Венере мудрым Солоном, был не единственным свидетелем культа проституции в Греции. Существовали также храмы в Фивах в Беотии и в Мегалополе в Аркадии. Фиванский храм относится ко времени Кадма, основателя города. По преданию, статуя в этом храме была сделана из бронзовых шпор кораблей, которые доставили Кадма к берегам Фив. Это было подношение Гармонии, дочери Кадма; эта принцесса, предававшаяся любовным утехам, была рада посвятить символ богине, отдав ей эти металлические шпоры или клювы, вонзившиеся в песок на берегу, чтобы возвести город. В храме Мегалополя статуя Пандемос сопровождалась двумя другими статуями, изображавшими богиню в двух разных, более приличных и менее обнаженных фигурах. Статуя в Элисе, где у Пандемоса тоже был знаменитый храм, была перестроена знаменитым скульптором Скопасом, который полностью изменил позу и обошелся очень прозрачной эмблемой, поместив эту Венеру на спину златорогого козла.

В двадцати местах Греции Венере поклонялись под именем *Ἥαιρα* или *Πορνή*, куртизанки или плода; это имя в достаточной мере отражало род благодарности, воздаваемой ей. Ее обычными поклонниками были куртизанки и их любовники; и те, и другие приносили ей жертвы, чтобы оказаться под ее покровительством. Эта Венера, какой бы бесчестной она ни была в своем поклонении, тем не менее напоминала об историческом факте, который был в чести у куртизанок, но который, к сожалению, был связан со сказочными временами Греции. По преданию, которым гордился город Абидос, этот город, некогда обращенный в рабство, был освобожден куртизанкой. В один из праздничных дней иноземные солдаты, хозяева города и ответственные за охрану ворот, напившись на оргии с абидосскими куртизанками и уснули под звуки флейт. Одна из куртизанок завладела ключами от города, перелезла через стену и предупредила своих сограждан, которые вооружились, убили спящих стражников и изгнали врага из города. В память о вновь обретенной свободе они построили храм Венеры Плодовитой. У этой Венеры до сих пор есть храм в Эфесе, но неизвестно, было ли его происхождение столь же почетным, как у храма в Абидосе. Каждый из этих храмов вызывал в памяти определенную традицию. Храм на мысе Симас на Эвксинском мосту, как говорят, был построен на средства прекрасной куртизанки, которая жила там и ждала у моря, когда Венера, рожденная из волн, пришлет своих пассажиров. Именно в память об этой жрице Венеры-Гетатиды проституток называли *Симэтес*, в окрестностях этого мыса, который приглашал моряков издалека поклониться богине и открывал для них свои пещеры. Храм куртизанки Венеры на Самосе, которую называли богиней тростника или болот, был построен на деньги от проституции, гетами, которые последовали за Периклом при осаде Самоса и продавали там свои прелести за огромные суммы (*Ingentem ex prostitutâ formâ quæstum fecerant*, говорит Афиней, чей греческий еще более убедительный, чем этот латинский перевод). Но даже если Венеру называли *Фозтой*, праздники, отмечавшиеся в Магнесии под именем *Гетайриды*, не касались ее; они были учреждены в честь Юпитера-Гетайра и экспедиции аргонавтов.

Венере недостаточно было дать имена куртизанок, которых она вдохновляла и которые рекомендовали ей себя: ей давали и другие имена, которые не меньше подходили ее любимым жрицам. Например, *Перибазия*, по-латыни *Divaricatrix*, указывала на движения, провоцируемые и регулируемые удовольствием. Этой Венере по имени поклонялись аргияне, о чем мы узнаем от святого Климента Александрийского, который не побоялся признать, что это причудливое имя *Ремюза* пришло к нему *om divaricandis cruribus*. Греческая Перибазия в римские времена превратилась в *Салацию* или Венеру-Лубрицию, а также получила другие похожие и более характерные имена. Дедал, знаменитый архитектор критского лабиринта, из любви к механике посвятил этой богине статую, сделанную из зыбучего серебра. Дары, приносимые богине, указывали на те качества, которыми она, как считалось, обладала. Эти дары, иногда очень богатые, обычно отражали статус женщин, которые клали их на алтарь или прикрепляли к пьедесталу статуи. Обычно это были фаллосы из золота, серебра, слоновой кости или перламутра, а также драгоценные украшения, особенно зеркала из полированного серебра с чеканкой и надписями. Эти зеркала всегда считались атрибутами богини и куртизанки. Венеру изображали с зеркалом в руке, а также с вазой или парфюмерной шкатулкой: ведь, как сказал греческий поэт, "Венера не подражает Палласу, который иногда купается, но никогда не благоухает". Куртизанки, которые были так заинтересованы в том, чтобы Венера была к ним благосклонна, срывали с себя все предметы туалета, которые им больше всего нравились. Первым приношением должны были стать их пояса; в них были гребни, щипчики, булавки и другие мелкие золотые и серебряные украшения, которые честные женщины себе не позволяли и которые куртизанка Венера могла без стеснения принимать от своих скромных подражательниц. Так, поэт Филетер восторженно восклицал в своих "*Коринфянах*": "Недаром по всей Греции мы видим храмы, воздвигнутые Венере-куртизанке, а не Венере-невесте."

У Венеры в Греции было много других имен, связанных с определенными особенностями ее культа, и храмы, построенные для нее под этими часто непристойными именами, были более посещаемыми и богатыми, чем храмы Венеры-Пудики или Венеры-Армии. Иногда ей поклонялись под именем *Меланис* или *Черной*, как богине амурной ночи: именно она явилась Лаису, чтобы сказать, что к ней со всех сторон слетаются любовники с великолепными дарами; у нее были храмы в Мелангии в Аркадии, в Краниуме, близ Коринфа, в Феспии в Беотии, и эти храмы были окружены непроницаемыми для дневного света рощами, в которых люди искали приключений. Иногда ее называли *Мухея*, или богиня норы; *Кастния*, или богиня нечистых связей; *Скотия*, или *Темная*; *Дерсето*, или *Бегунья*; *Каллипига*, или С прекрасными ягодицами, и так далее. Венера, истинная Протея любви или, скорее, сладострастия, имела особую мифологию для каждого из своих превращений, всегда изобретательную и аллегоричную. Она постоянно представляла женщину, выполняющую обязанности своего пола. Так, будучи *Дерсето*, богиней Сирии, она упала с Олимпа в море, где встретила огромную рыбу, которая согласилась доставить ее обратно на сирийский берег, где вознаградила своего спасителя, сделав его одной из звезд: чтобы перевести эту басню на человеческий язык, достаточно было представить прекрасную сирийскую женщину, попавшую в кораблекрушение и спасенную полюбившим ее рыбаком. Имя *Дерсето* отражало ее приходы и уходы вдоль сирийского побережья с рыбаком, который взял ее в свою лодку. Жрецы Дерсето придали аллегории более мистическую форму. По их словам, во времена хаоса с неба сорвалось гигантское яйцо и покатилося в Евфрат; рыбы вытолкнули яйцо на берег, голуби накрыли его, и появилась Венера: поэтому Венере посвящали голубей и рыб; но неизвестно, какой вид рыб предпочитала богиня. Наконец, существовала Венера *Механитис* или *Механик*, чьи статуи были сделаны из дерева с ногами, руками и мраморной маской; эти статуи двигались на скрытых пружинах и принимали самые капризные позы.

Эта богиня, несомненно, была богиней красоты во всех ее различных обликах, но красота, которую она обожествляла, была не столько красотой лица, сколько красотой тела; а греки, которые были больше увлечены статуями, чем живописью, уделяли больше внимания форме, чем цвету. Красота лица, по сути, принадлежала почти всем богиням греческого пантеона без разбора, в то время как красота тела была одним из божественных атрибутов Венеры. Когда троянский пастух Парис отдал яблоко самой красивой из трех соперничающих богинь, он решил, что они должны быть красивы, только увидев их без покрывала. Таким образом, Венера не олицетворяла разумную красоту, душу женщины; она представляла лишь материальную красоту, женское тело. Поэтому поэты и художники приписывали ей очень маленькую голову, с низким, узким лбом, но, с другой стороны, очень длинное, гибкое, пухлое тело и конечности. Совершенствование красоты в богине начиналось прежде всего с рождения чресл. Греки считали себя главными в мире ценителями подобной красоты. Однако не в Греции, а на Сицилии был основан храм Венеры Каллипики. Своим появлением этот храм обязан судебному решению, которое не было столь блестящим, как парижское, поскольку стороны не были богинями и судье не пришлось решать между тремя. Молодой сиракузец, случайно проходивший мимо и увидевший документы суда, не будучи замеченным, преклонил колени перед самой Венерой и воскликнул, что победила старшая сестра. Оба противника бежали, полуобнаженные. Юноша вернулся в Сиракузы и рассказал об увиденном, все еще полный восхищения. Его брат, пораженный рассказом, сказал, что согласится на младшую девушку. В конце концов они собрали самое дорогое, что у них было, и отправились к отцу двух сестер, прося его стать их зятем. Младшая сестра, удрученная и возмущенная поражением, заболела; она попросила пересмотреть дело, и два брата, согласившись, объявили, что они оба имеют равное право на победу, в зависимости от того, смотрит ли судья на одного с правой стороны, а на другого с левой. Две сестры вышли замуж за двух братьев и привезли в Сиракузы репутацию красавиц, которая только росла. Их осыпали подарками, и они накопили такое огромное богатство, что смогли воздвигнуть храм богине, которая была источником их удачи. Статуя, которой любовались в этом храме, сочетала в себе тайное очарование каждой из сестер, а соединение этих двух моделей в одном экземпляре сформировало идеальный тип каллипикианской красоты. Именно поэт Серсидас из Мегалополя увековечил эту копию, не видя оригинала. Афиней рассказывает тот же анекдот, за прозрачной вуалью которого, очевидно, скрывается история двух сиракузских куртизанок.

Если куртизанки строили храмы Венере, значит, они имели право, по крайней мере в ранней Греции, приносить жертвы богине и принимать активное участие в ее общественных праздниках, не исключая некоторые праздники, такие как праздники Афродиты и Алоана, которые они отводили специально для себя и отмечали за закрытыми дверями. Они даже иногда выступали в качестве жриц в храмах Венеры и были приставлены в качестве помощниц, чтобы кормить жреца и увеличивать доход от алтаря. Страбон утверждает, что в храме Венеры в Коринфе было более тысячи куртизанок, которые были посвящены ей благодаря преданности поклонников богини. В Греции был распространен обычай посвящать Венере определенное количество девушек, когда хотели сделать богиню благосклонной к себе или когда видели, что ее желания исполняются. Ксенофонт из Коринфа, отправляясь на Олимпийские игры, пообещал Венере посвятить ей пятьдесят девиц, если она подарит ему победу; он победил и выполнил свое обещание. О владыке Киприды, - восклицает Пиндар в оде, сочиненной в честь этого подношения, - Ксенофонт только что привел в твой обширный бокаж отряд из пятидесяти прекрасных девушек! Затем он обращается к ним: "О девы, принимающие всех чужестранцев и оказывающие им гостеприимство, жрицы богини Пифо в богатом Коринфе, именно вы, возжигая благовония перед образом Венеры и призывая мать Любви, часто заслуживаете ее небесной помощи и

обеспечиваете нам сладостные мгновения, которыми мы наслаждаемся на сладострастных ложах, где собираются нежные плоды красоты!" Такое посвящение куртизанок Венере было особенно распространено в Коринфе. Когда у города возникала просьба к богине, он не преминул доверить ее *посвященным* женщинам, которые первыми входили в храм и последними выходили из него. Согласно Корнелиану Ираклийскому, в некоторых важных случаях Коринф предстал перед Венерой в виде бесчисленной процессии куртизанок в нарядах, соответствующих их профессии.

Об использовании этих посвященных женщин в храмах и рощах богини достаточно свидетельствуют некоторые образные памятники, которые менее сдержанны в этом отношении, чем современные авторы. Росписи двух греческих чаш и ваз, приведенные ученым М. Лажардом, в соответствии с описаниями господ де Витте и Ленорманда, не оставляют сомнений в том, что в культе Венеры присутствовала священная проституция. Одна из этих vaz, входившая в знаменитую коллекцию Дюрана, изображает храм Венеры, в котором куртизанка через посредничество раба получает предложения от незнакомца в миртовом венчике, стоящего у храма и держащего в руке кошелек. На второй вазе незнакомец, также увенчанный миртом, сидит на ложе и, кажется, торгуется с куртизанкой, стоящей перед ним в храме. То же значение г-н Лажард приписывает и гравированному камню, ограненному с нескольких сторон, на пяти из которых изображены животные, эмблемы культа Венеры Восточной, а на шестой - куртизанка, смотрящаяся в зеркало, отдаваясь незнакомцу. Но то, что происходило в храмах и священных лесах, не оставило более характерных следов у античных авторов, которые не осмелились выдать тайны Венеры.

Хотя куртизанки были желанными гостями в культе своей богини, они могли смешиваться с культом других богинь только на расстоянии; так, после сбора винограда они праздновали Алоэнны или праздники Цереры и Вакха в своих домах. Ритуал этих праздников состоял из развратных ужинов, на которых куртизанки собирались со своими любовниками, чтобы есть, пить, смеяться, петь и резвиться. На следующем празднике Алоэнов, - пишет Мегара Вакхису в "Письмах Алкифрона", - мы соберемся в Колите в доме любовника Фессалы, чтобы вместе поесть, так что обязательно приходи" - "Мы приближаемся к Алоэнам, - пишет Таис Фессале, - и мы все собрались у меня дома, чтобы отпраздновать канун праздника". Эти ужины, называемые *малыми мистериями Цереры*, были поводом для разврата, который длился несколько дней и несколько ночей. Похоже, что в некоторых храмах Цереры, например, в Элевсисе, куртизанки, чьего вида и приближения избегали честные женщины, добились разрешения открыть собственную комнату, куда они одни имели право входить без жрецов, и где одна из них председательствовала на религиозных церемониях, которые ее спутницы, как многочисленные весталки, украшали своим более целомудренным присутствием, чем обычно. Во время этих церемоний старые куртизанки давали уроки молодым в науке и практике таинств Доброй Богини. Понтифик Архиас, который позволил себе принести жертву Церере из Элевсиса в зале куртизанок без вмешательства их верховной жрицы, был обвинен Демосфеном в нечестии и осужден народом.

Однако все боги и богини принимали подношения, отправленные им куртизанками, хотя и не осмеливались лично входить в храмы, так как порог был для них закрыт. Знаменитая куртизанка Коттина, прославившаяся настолько, что ее имя нанесли на диктерион, который она занимала близ Колоне, напротив храма Вакха, посвятила одному из своих спартанских любовников небольшого бронзового быка, который был помещен на фронтоны храма Минервы Халкианы. Во времена Афиней этот вотивный бык все еще находился на своем месте. Но был один бог, который, естественно, был менее суров к женщинам удовольствия, и это был Адонис, обожествленный полюбившей его Венерой. Кроме того, праздники Адониса

были так тесно связаны с праздниками богини, что вряд ли можно было поклоняться одному из них, не воздавая должное другому. В древние времена Адонис также играл большую роль в жертвоприношениях священной проституции, пока его культ не слился с культом Приапа. Поэтому куртизанки из всех слоев общества пользовались праздниками Адониса, привлекавшими повсюду множество иностранцев, чтобы под защитой бога и для его блага заниматься своим ремеслом в лесах, окружавших его храмы. "В том месте, куда я тебя веду, - сказал один придворный повару, которого он собирался ввести в дом, - есть место разврата (πορνέων): там одна известная героиня празднует праздники Адониса с многочисленной компанией своих спутников". Афиняне, несмотря на справедливое порицание, которое их моралисты придавали жизни куртизанок, находили их не более неуместными на своем Олимпе, чем в своих храмах, ибо они воздвигли алтари и статуи Венере *Лене* и Венере *Ламии*, чтобы обожествить двух любовниц Деметрия Полиоркета.

ГЛАВА V.

Краткое содержание.- Причины, побудившие Солона основать в Афинах учреждение проституции.- Что говорит по этому поводу историк Никандр Колофонский.- За это поэт Филемон назвал Солона благодетелем нации.- Налог на проституцию, установленный Солоном.- *Дикерии* считались *государственными чиновниками*.- Правила Солона для афинских проституток.-Общественные праздники, учрежденные Гиппием и Гиппархом.-Указ тирана Писистрата о днях, посвященных публичному разврату.-Оскорбительные пороки афинян.-Частные нравы женщин Спарты и Коринфа.-Развратная жизнь спартанских женщин.-Непригодность куртизанок в Спарте.-Безразличие Ликурга к недержанию женщин и девушек.-Регулярное посещение проституток считается естественным делом.- Нравственная миссия комических поэтов и философов.-Афинский ареопаг.- Законодательство об афинской проституции.-Трудное положение куртизанок в соответствии с законом.-Вакхиды и Миррины.-Эвтиас обвиняет куртизанку Фрину в нечестии.-Адвокат Гиперид отпускает ее.-Признание проституток по отношению к Гипериду.-Куртизанка Феокрис, жрица Венеры, осужденная на смерть по обвинению Демосфена.-Иссей.- Постановления афинского Ареопага о проститутках.- Владетельница *Немеи*.- Трудное положение детей наложниц и куртизанок.- Геркулес, бог бастардов.- Позор закона по отношению к бастардам.*Диалоги* Лукиана о куртизанках - Оратор Аристофон и комический поэт Каллиадес - Так называемый *закон о проституции* - Чудовищные особенности афинских законов - Подчиненные суды эдикта и полиции - Их функции.

Священная проституция, существовавшая во всех афинских храмах в то время, когда Солон давал афинянам законы, несомненно, предлагала законодателю установить легальную проституцию. Брак был слишком хорошо защищен законодательством, законность детей казалась слишком необходимой для чести республики, чтобы память о метаморфозах и человеческом воплощении богов могла возобладать над супружеской верой и уважением к семье. Солон видел, что алтари и жрецы обогащались за счет проституции посвященных женщин, которые продавали себя только иностранцам; он, естественно, подумал о том, чтобы получить те же блага для государства и теми же средствами, заставив их служить как удовольствиям афинской молодежи, так и безопасности честных женщин. Поэтому он основал в качестве общественно полезного заведения большой диктерион, в котором рабы, купленные на деньги государства и содержащиеся за его счет, вносили ежедневную дань с пороков населения и нагло трудились над увеличением доходов республики. В отсутствие исторических свидетельств, которые, правда, не подтверждают традицию, часто высказывалось мнение, что мудрый Солон не должен нести моральную ответственность за

распутство, узаконенное в Афинах; утверждалось, что этот великий законодатель, чей кодекс излучает скромность и целомудрие, не мог отказать себе, открыв дверь разврату своих сограждан. Но в таком деле, которое казалось ниже достоинства истории, традиция, собранная Афинеем, а также сохранившаяся в произведениях, существовавших в его время, была как бы эхом этой дикты, основателем которой был Солон и которая гордилась своим происхождением.

Никандр Колофонский в своей *"Истории Афин"*, ныне утраченной, положительно утверждает, что Солон, потакая пылкой юности, не только покупал рабов и размещал их в общественных местах, но и построил храм куртизанки Венеры на деньги, которые собирали нечистые обитатели этих мест. О Солон!" - восклицает поэт Филемон в своей комедии *"Дельфы"*, не дошедшей до нас, - "О Солон! Ты стал благодетелем народа, ты видел в таком сооружении только спасение и спокойствие людей. Более того, оно было совершенно необходимо в городе, где буйная молодежь не может не подчиняться самым настоятельным законам природы. Таким образом, ты предотвратил очень большое несчастье и неизбежные беспорядки, поместив в определенные дома, предназначенные для этой цели, женщин, которых ты купил для нужд общества и которые были обязаны, согласно закону, оказывать свои услуги любому, кто согласится их оплатить". Афиней, согласно Никандру, добавляет, что налог, установленный Солоном, был низким и что *дикерии*, похоже, выполняли общественные функции: "Торговля, которую мы вели с ними, не приводила к соперничеству или мести. С их стороны не было ни задержек, ни презрения, ни отказа". Несомненно, сам Солон отвечал за внутренний распорядок этого учреждения, которое долгое время управлялось, как и другие государственные службы, и во главе которого, несомненно, стоял серьезный магистрат, по крайней мере, вначале.

Мы можем с полным основанием предположить, что в то время женщины-коммуны были полностью отделены от гражданского населения и от гражданской жизни; они не покидали своего юридического кабинета; они никогда не появлялись на религиозных праздниках и церемониях; если им разрешалось выходить на улицу, они должны были носить специальный костюм, который делал их узнаваемыми, и они были строго удалены из некоторых мест, где их присутствие могло вызвать скандал или отвлечь внимание. Более того, как иностранки, они не имели права претендовать на место в городе; а те, кто, будучи афинянами по рождению, посвящали себя проституции, теряли все привилегии, связанные с их рождением. Мы не располагаем законами, которые Солон разработал для установления легальной проституции; но вполне допустимо сформулировать таким образом основные положения, которые достаточно подтверждены множеством фактов, которые мы то и дело обнаруживаем у греческих писателей. Но кодекс Солона в отношении женщин великого Дицериона, содержавшегося за счет республики, смягчил свою строгость, поскольку менее чем через столетие после смерти законодателя куртизанки ворвались в греческое общество со всех сторон и осмелились смешаться с честными женщинами даже на форуме. Гиппиас и Гиппарх, сыновья тирана Писистрата, правившего Афинами за 530 лет до нашей эры, учредили общественные пиры, которые собирали народ за одним столом, и на этих пирах куртизанкам разрешалось сидеть рядом с матронами; ведь сыновья тирана были заинтересованы не столько в улучшении народа, сколько в его развращении и порабощении. Так что, по выражению Плутарха, любительницы удовольствий прибывали толпами, и, как рассказывал греческий историк Идомений, чьи труды известны нам лишь в отрывках, Писистрат, по чьему наущению происходили эти оргии, приказал, чтобы поля,

виноградники и сады были открыты для всех в дни, посвященные публичному разврату, чтобы каждый мог принять участие, не будучи обязанным скрываться в тайне диктериона Солона.

У афинского законодателя было две очевидные и веские причины регулировать проституцию таким образом: во-первых, он хотел защитить скромность девственниц и замужних женщин от насилия и оскорблений; во-вторых, его целью было отвратить молодых людей от постыдных тенденций, которые позорили и оупляли их. Афины становились ареной всевозможных беспорядков; противоестественные пороки распространялись с пугающей скоростью и грозили остановить общественный прогресс. Могут ли эти развратники, которые уже перестали быть мужчинами, быть гражданами? Солон хотел дать им возможность удовлетворять потребности своих чувств, не потакая излишествам своего воображения. Однако он исправил лишь некоторых из своих соотечественников; остальные, не отказавшись от своих порочных привычек, приобрели более естественный, но не менее вредный либертинизм. Тем не менее, цель Солона была достигнута, поскольку замужним женщинам больше не приходилось опасаться распутников. Легальная проституция была тогда, так сказать, в зачаточном состоянии и не имела большой клиентуры: она была едва известна, люди привыкали к ней лишь постепенно; они не предавались ей с яростью, пока не имели некоторого опыта. Вот как законы Солона вскоре оказались подавлены потребностями общественного разврата и последовательно стерты под империей разложения нравов, не очищенных цивилизацией. Но, по крайней мере, в Афинах домашний очаг оставался неподкупным и священным, яд проституции не проникал в него; и в то время как Венера-Пандемос призывала своих поклонников забыть все приличия, а Пирей расширял владения куртизанок у ворот Афин, супружеская скромность охраняла порог дома гражданина, который шел принести жертву Пандемосу и пообедать с друзьями в доме своей хозяйки.

Частная мораль женщин Спарты и особенно Коринфа не была столь регулярной, как у афинян, и все же в этих двух городах проституция не подчинялась никаким особым законам: она была, выражаясь современным языком, свободной и могла безнаказанно существовать во всех возможных формах и при всех возможных условиях. В Коринфе, городе торговли и проездов, удовольствия были главной заботой жителей и иностранцев, стекавшихся туда со всего света: поэтому было сочтено целесообразным оставить все наслаждение собой на волю и прихоть каждого отдельного человека. В Спарте, городе строгих республиканских добродетелей, проституция могла быть лишь случайностью, почти безразличным исключением. Ликург, конечно, не задумывался об этом. Непостоянство и целомудрие среди женщин казались ему излишними, если не смешными. Его единственной целью было управлять мужчинами, делать их храбрее, сильнее и воинственнее; что касается женщин, то на них он не обращал никакого внимания. Ликург, как официально заявляет Аристотель в своей "Политике" (Liv. II, гл. 7), хотел навязать умеренность мужчинам, а не женщинам; последние задолго до него жили в беспорядке и почти открыто предавались всем излиществам разврата (*in summâ luxuriâ*, говорится в латинской версии Аристотеля). Ликург ничего не сделал, чтобы изменить это положение вещей: девушки Спарты, получившие мужское воспитание, довольно не соответствующее их полу, принимали участие в мужских упражнениях полуголыми, бегали, боролись и дрались вместе с ними. Если они выходили замуж, то не ограничивались только обязанностями жены, не одевались более прилично, не отдалялись от общества мужчин, но последние не делали вид, что не замечают половой разницы, о которой женщины старались не вспоминать. Мужу, которого застали выходящим из спальни жены, было бы стыдно за то, что он так не по-спартански себя ведет. Понятно, что с такими мужчинами куртизанки были бы совершенно бесполезны. Однако они не позволяли

себе предаваться излишествам сердца и чувств, к которым были слишком склонны молодые афиняне. Дружба спартанцев между собой была не более чем братством по оружию, столь же чистым и святым, сколь развратным и увядающим было братство афинян. Женщины Спарты не все принимали это абсолютное отречение от своего пола и своей природы; среди них было много девушек и женщин, которые охотно предавались актам крайней разнузданности, не требуя за это ни малейшей платы. Куртизанки не стали бы работать в городе, где с ними конкурировали замужние женщины и девушки, которые должны были выйти замуж. Платон в первой книге своих "Законов" совершенно справедливо приписывает недержание женщин Спарты Ликургу, поскольку тот не соизволил исправить ситуацию или даже сделать ей замечание.

Проституция, как мы видим, была терпима, если не организована и не регламентирована, в греческих республиках: она считалась необходимым злом, которое избавляло от большего зла. Поэтому Афиной мог сказать (Liv. XIII, гл. 6): "Несколько человек, занимавшихся управлением государственными делами, говорили о куртизанках, одни критиковали их, другие восхваляли". Для гражданина, независимо от его ранга или характера, не было позором часто встречаться с куртизанками, даже до времен Перикла, когда этот тип женщин как бы царствовал над Грецией. Люди даже не осуждали отношения с ними. Латинский комик, живописуя афинские обычаи, почти позволял себе четко заявить, что юноша должен посещать дурные места, чтобы получить образование: *non est flagitium scortari hominem adolescentulum*.

Комические поэты, впрочем, как и философы, выполняли моральную миссию - наказывали разврат, заставляя его иногда краснеть; их эпиграммы были единственным способом обуздать разнузданность нравов, за которой они надзирали там, где закон отсутствовал и молчал. "Если кто-нибудь когда-нибудь любил куртизанок, - говорил Анаксилай в своем "Неоммисе", - пусть назовет мне более порочного человека".

Тем не менее, закон не всегда молчал или был бессилен против женщин с дурной репутацией, будь то гаремщицы, флейтистки или диктерианки; он не только безжалостно лишал их всех прав, связанных со статусом гражданина, но и устанавливал ограничения на их наказания. Афинский Ареопаг часто наблюдал за поведением этих женщин и нередко безжалостно расправлялся с ними. Из нескольких отрывков Алкифрона следует, что все они были едины перед законом и что осуждение одной из них имело печальные последствия для каждой из них в отдельности. Можно предположить, что это был пропорциональный налог, распространявшийся на любую женщину, не имевшую титула гражданки. Таким образом, время от времени они должны были возвращать в государственную казну то, что брали у граждан. Это своеобразное законодательство было использовано для обоснования парадокса, который мы приведем в качестве примера. По мнению некоторых ученых, афинские куртизанки составляли корпорацию, коллегию, состоявшую из различных орденов женщин, занимавшихся одним и тем же ремеслом, и иерархически классифицированных в соответствии с уставами или правилами, касавшимися их презренного ремесла. Именно поэтому Ареопаг мог привлечь к ответственности за проступки своих членов весь корпус. Этот суд рассматривал дела, когда куртизанка побуждала гражданина совершить предосудительный поступок, и даже когда ее влияние пагубно влияло на молодых людей, заставляя их растрачивать свое состояние, отвлекая от служения Республике и преподавая им уроки нечестивости. Обвинения подчас были весьма серьезными, и достаточно было лишь ненависти или мести презренного любовника, чтобы поднять страшную бурю против женщины, у которой не было поддержки и которую можно было осуждать, не защищаясь. "Попробуй потребовать от Эвтиаса что-нибудь в обмен на то, что ты ему дашь, - писала

приветливая Вакхида своей подруге Миррине, - и увидишь, не обвинят ли тебя в поджоге флота или нарушении основных законов государства!" Именно этот нечестивец Эвтиас обвинил прекрасную Фрину в нечестии; но адвокат Гиперид не побоялся встать на защиту этой куртизанки, которая хорошо заплатила ему, когда он отпустил ее. Слава богам! - наивно писал Вакхид после этого памятного судебного процесса, - наши доходы узаконены исходом этого незаконного процесса. Вы приобрели самые священные права на признание всех куртизанок. Если бы ты даже согласился собрать и опубликовать речь, которую ты произнес для Фрины, мы бы обязались за свой счет воздвигнуть для тебя золотую статую в той части Греции, которую ты выберешь". История не сообщает, опубликовал ли Гиперид свою речь или куртизанки объединили усилия, чтобы воздвигнуть ему золотую статую в каком-нибудь храме Венеры Пандемос или Венеры Перибасии. Обвинение, выдвинутое против куртизанки, повергало в ужас все общество, к которому принадлежала обвиняемая, потому что обвинение почти никогда не заканчивалось оправданием. Старая куртизанка по имени Феокрис, которая также занималась магией и приворотными зельями, была приговорена к смерти по наущению Демосфена за то, что советовала рабам обманывать своих хозяев и снабжала их средствами для этого. Однако эта Феокрис была прикреплена в качестве жрицы к храму Венеры. Именно во время суда над Фриной Вакхида оглянулась на себя в таких выражениях: "Если, не получив от своих возлюбленных денег, которые мы у них просим, если, оказывая свои услуги тем, кто щедро их платит, мы становимся виновными в нечестии по отношению к богам, нам придется отказаться от всех преимуществ нашей профессии и больше не торговать своими чарами".

Обвинение в нечестивости было самым частым в адрес куртизанок, и это обвинение было тем более грозным, что основывалось на неясных фактах, которые легко было исказить. Куртизанки выступали в качестве жриц в некоторых храмах и на определенных праздниках; тем не менее их присутствие в храме могло считаться нечестием. "Нельзя, - говорил Демосфен, выступая против Нееры, - нельзя женщине, с которой был найден прелюбодей, входить в наши храмы, хотя наши законы позволяют иностранцу и рабу входить в них, чтобы посмотреть или помолиться. Женщины, уличенные в прелюбодеянии, - единственные, кому запрещено входить в храмы". Еще до Демосфена оратор Исай, который был учителем этого великого оратора, рассуждал на ту же тему и торжественно заявил, что обычная женщина, находящаяся в услужении у всех и ведущая развратную жизнь, не может без нечестия входить во внутренние помещения храма или присутствовать при тайных таинствах богослужения. Таким образом, эти несчастные женщины постоянно подвергались судебным разбирательствам под предлогом нечестия; они были, так сказать, вне закона, и Ареопаг, перед которым они представляли по прихоти своих могущественных врагов, не гнушался осуждать их, а не отпускать. Постановление Ареопага запрещало проституткам и рабыням носить прозвища, заимствованные из торжественных игр; и все же в Афинах жила женщина, которая называла себя *Немеей*, потому что ее любовник отличился на Немейских играх, а также, возможно, потому, что она взяла на себя покровительство Геракла. Ареопаг позволил ей идти вперед и не оспаривал ее благоприятное имя. Другое постановление Ареопага также запрещало куртизанкам праздновать праздники богов одновременно с матронами и свободными женщинами или гражданами. Однако на праздниках Афродиты, как сообщает Афиней по свидетельству поэта Алексида, свободные женщины и куртизанки смешивались за столом во время общественных пиров в честь Венеры. Таким образом, нечестивость присутствовала везде и всегда, по стопам куртизанок, которые избегали ее ловушек только благодаря удаче, а не умению. Это сложное положение, навязанное им для контроля, объясняет количество и богатство подношений, которые они посвящали богам, чтобы получить их защиту.

Закон не щадил куртизанок. Рожденные от них дети, а также сыновья наложниц разделяли их позор; это было пятно, которое они могли смыть только после славного служения государству. Личный статус наложниц существенно отличался от статуса куртизанок, но статус их детей был практически идентичен. Бастарды, кем бы ни была их мать (а бастардов в Афинах было много из-за большого количества куртизанок), оказывались отрезанными от свободного населения: у них не было специального костюма или отличительных знаков, но в детстве они играли и занимались спортом отдельно, на земле, принадлежащей храму Геракла, который считался богом бастардов. Когда они достигали совершеннолетия, то не могли наследовать; не имели права выступать перед народом; не могли стать гражданами. Наконец, бастарды куртизанок (Плутарх упоминает об этом в *"Жизни Солона"*), в довершение ко всему, не обязаны были кормить родивших их людей: сын не имел сыновнего долга перед отцом и матерью, поскольку последние также не имели отцовского или материнского долга по отношению к нему. Это объясняет, почему большинство девушек выставляли своих новорожденных детей на улицу и доверяли их республике, которая была менее жестока по отношению к ним. Эти выставки детей были настолько распространены, что в *"Диалогах куртизанок"* Люсьен делает весьма почетное исключение в пользу одной из своих героинь, которая говорит своему спутнику: "Мне придется кормить ребенка, ибо не думайте, что я выставляю напоказ того, кого я рожу". Во времена правления Евклида оратор Аристофон издал закон, по которому бастардом объявлялся каждый, кто не доказывал, что родился от гражданина или свободной женщины. Затем, чтобы высмеять его за эту излишнюю строгость к бастардам, комический поэт Каллиадес вывел его на сцену и представил как сына куртизанки Хлорис.

Солон, регулируя проституцию, поставил на ней спасительные дамбы и намеревался удержать на расстоянии жалких ремесленников разврата, которые хотели создать для себя позорную индустрию, развращая девушек и юношей. Поэтому он издал закон, известный как Закон о проституции, который известен нам только по цитате, приведенной Эсхином в одной из его речей: "Тот, кто сделает себя *ливнем* юноши или девушки, принадлежащей к свободному классу, будет наказан высшей пыткой". Однако вскоре этот закон был смягчен, и были придуманы паллиативы, искажавшие его истинный характер: так, смертная казнь была заменена штрафом в двадцать драхм, а за кражу или похищение свободной женщины штраф составлял сто. Смертная казнь была сохранена только в тексте закона, и даже, как утверждает Плутарх, развратные женщины, открыто зарабатывавшие на жизнь поиском любовниц для развратных мужчин, не были включены в категорию преступников, против которых был направлен этот закон. Напрасно Эсхин просил применить закон, который никогда не применялся в полной мере. На самом деле было очень трудно провести черту, за которой начиналось преступление, ради которого был принят этот ужасный закон, поскольку греческий обычай позволял любовнику похищать свою любовницу, если она давала на это согласие и ее родители не препятствовали этому. Требовалось лишь предварительное согласие отца и матери девушки, которой вы хотели завладеть; вы предупреждали их о дне, когда произойдет похищение, и они лишь делали вид, что сопротивляются. Если девушка или ее мать получали подарок от мужчины, она уже не считалась девственницей, даже если ее девственность была нетронута; но она уже не заслуживала такого же внимания или уважения, как если бы она перенесла начатки проституции.

Ареопаг, судивший куртизанок и их одиозных паразитов, когда о преступлении ему докладывал глас народа или какой-нибудь гражданин, не удосуживался рассматривать простые преступления, которые могли быть совершены этим нечистым населением, преданным дурной морали и подлежащим строгому полицейскому контролю. Юрисдикция в отношении преступлений, связанных с проституцией, безусловно, принадлежала

нижестоящим судам, состоящим из городского совета и полиции. Именно они следили за соблюдением правил, касающихся одежды, которую должны были носить проститутки, мест, где они могли останавливаться и гулять, налогов, взимаемых с их постыдного ремесла, и, наконец, всех привычек их общественной жизни.

ГЛАВА VI.

Резюме.- Различные категории афинских проституток.- Дикериды, Аулетриды, Гетеры.- Пасифая.- Различные условия жизни женщин с дурной репутацией.- Демосфен против куртизанки Нееры.- Значительные доходы от налога на проституцию.- *Порниконтелос*, сдаваемый государством в аренду спекулянтам.- Сборщики порниконтелоса.- Порт Пирея, отведенный под проституцию -Керамик, рынок изящной проституции -Сингулярное использование: осквернение гробниц керамиков -Порт Фалерос и город Сцирон -Большая площадь Пирея -Фемистокл, запряженный четверкой лошадей.-Нескромные признаки домов проституции.-Маленькие домики, сдаваемые хозяевами.-Письмо Панопы своему мужу Евтибулу.-Политика нравов относительно одежды проституток.-*Цветочный* костюм афинских куртизанок.-Сумптурные законы.-Костюм проституток Лакедемонии.-Ужасный закон Залевка, ученика Пифагора, против прелюбодеяния.-Суидас и Гермоген.-Сумптурный закон Филиппа Македонского.-Обычный костюм афинских знатных женщин.-Костюм спартанских куртизанок.-Отличие этого костюма от костюма спартанских женщин и девушек.-Характерная мода греческих куртизанок.-Деградация по закону женщин, которые делали себя служанками проституток.-Обычная извращенность этих служанок.

Афинские куртизанки составляли несколько классов, настолько отличных друг от друга, что законы морали, которыми они руководствовались, также должны были различаться в зависимости от различных категорий этих женщин удовольствия. Существовали три основные категории, которые сами подразделялись на несколько более или менее однородных видов: дикериды, аулетриды и гетеры. Первые были, так сказать, рабынями проституции, вторые - ее помощницами, третьи - королевами. Именно диктеридов Солон собрал в публичных домах разврата, куда они входили за определенную плату, установленную законодателем для каждого, кто заходил в эти дома, называемые *диктерионами*, в память о Пасифее, жене Миноса, царя Крита (*Dictæ*), которая заключила себя в живот медной коровы, чтобы получить ласки настоящего быка. Аулетриды, или флейтисты, вели более свободное существование, поскольку занимались своим искусством на пирах, когда их приглашали; поэтому они проникали в дома и частную жизнь граждан: их музыка, песни и танцы не имели иной цели, кроме как пробуждать и возвышать чувства гостей, которые вскоре усаживали их рядом с собой. Гетеры, несомненно, были куртизанками, торговавшими своими чарами, бесстыдно отдававшимися тому, кто им платил, но, тем не менее, они оставляли за собой долю воли, они не продавались первому встречному, у них были предпочтения и антипатии, они никогда не отрекались от своей свободы воли; они принадлежали только тому, кто знал, как им понравиться или угодить. Более того, благодаря своему уму, образованию и изысканной вежливости они часто могли идти рука об руку с самыми выдающимися людьми Греции.

Эти три категории куртизанок не имели бы ни малейшей связи друг с другом, если бы не одна цель их создания: все они служили для удовлетворения чувственных appetитов афинян, от самых знатных до самых низких. В проституции, как и в народе, существовали свои степени, и гордая дама Керамика так же сильно отличалась от гнусной Дикерии из Пирея, как блистательный Алкивиад от торговца грубыми кожами. Если документы о законодательстве

афинского разврата редки и несовершенно, мы можем восполнить их, сравнив различные условия жизни женщин, которые занимались торговлей и продажей своего тела. Гетеры, эти богатые и могущественные государыни, клиентами которых были генералы армии, магистраты, поэты и философы, вряд ли подчинялись чему-либо, кроме Ареопага; но Ауретриды и Дицерида чаще всего относились к нижестоящим судам, если последние, находясь в своего рода позорном рабстве, сохраняли право иметь судей вне пределов своей непристойной тюрьмы. Большинство дикеридов и аулетридов были иностранцами, большинство - незнатного и подневольного происхождения; в любом случае, афинянка, которая по бедности, пороку или глупости попадала в этот презренный класс проституции, отрекалась от своего имени, звания и страны. Однако греческая жена, которую не постигло то же несчастье, иногда настаивала на сохранении своего звания гражданки, и требовалось не меньше постановления Ареопага, чтобы отнять его у нее. Демосфен, выступая против куртизанки Нееры, возмущенно восклицал: "Женщина, которая потворствует мужчинам, которая повсюду следует за теми, кто ей платит, на что она не способна? Разве не должна она подчиняться всем вкусам тех, кому она отдается? Неужели вы объявите гражданкой такую женщину, которая публично и общеизвестно проститутуирует по всему миру?"

Похоже, что все куртизанки, в каком бы состоянии они ни находились, считались посвятившими себя государственной службе и находились в абсолютной зависимости от народа; они не могли покинуть территорию республики, не испросив и не получив разрешения, которое архонты часто давали только с гарантиями, чтобы обеспечить их возвращение. При определенных обстоятельствах коллегия куртизанок объявлялась полезной и необходимой для государства. Действительно, вскоре их стало так много в Афинах и Аттике, что ежегодный налог, уплачиваемый каждой из них в налоговые органы, составлял значительный источник дохода. Этот особый налог (*pornicontelos*), который оратор Эсхин изображает как очень древний, не приписывая его установление Солону, ежегодно сдавался в аренду спекулянтам, которые отвечали за его сбор. Уплачивая этот налог, куртизанки покупали право на терпимость и общественную защиту. Понятно, что налог такого рода поначалу оскорблял честные и благоразумные чувства добродетельных граждан; но со временем люди привыкли к нему, и городская администрация не стеснялась часто прибегать к этому постыдному источнику кредита. Что касается налоговых фермеров, то они не оставляли попыток сделать так, чтобы налог приносил как можно больше прибыли. Поэтому мы можем предположить, что они изобрели множество постановлений о суммировании, которые способствовали увеличению штрафов и созданию новых. Куртизанки и сборщики *порноконтелоса* постоянно находились в состоянии войны: досады одних, казалось, возрастали по мере того, как покорность других становилась все более покорной, и с каждым годом и проституция, и поступления от налога увеличивались в равной пропорции.

Афиней утверждает, что публичные женщины, вероятно, дикерии, могли покидать свои дома только после захода солнца, когда ни одна матрона не осмелилась бы появиться на улице, не подвергая свою репутацию опасности. Но этот отрывок Афиней не следует воспринимать буквально, ведь все куртизанки, жившие в Пирее за пределами городских стен, прогуливались по гавани утром и вечером. Возможно, эти женщины допускались в город только для совершения покупок, а не для проституции, в конце дня, когда тень закрывала их приличной вуалью. В любом случае они не должны были ночевать в городе и подлежали наказанию, если их находили там после определенного времени. Им также запрещалось совершать развратные действия в окружении мирных жителей. Этот обычай существовал в городах Востока с древних времен, и он сохранялся в Афинах до тех пор, пока Ареопаг накладывал ограничения на легальную проституцию. Местом обитания этой проституции

был назначен порт Пирей. Он образовал своеобразный город, состоящий из рыбацких хижин, лавок, общежитий, плохих мест и маленьких домов удовольствий. Среди плавающего населения этого пригорода Афин были иностранцы, распутники, азартные игроки и люди без признания: для куртизанок это была прибыльная и пылкая клиентура. Они жили среди обычных слуг, и им не нужно было искать приключений в городе под строгим взглядом магистратов и матрон; в Пирее они чувствовали себя как дома и стекались туда со всех концов света. Этот наплыв, ущемлявший интересы всех их, заставил некоторых из них изменить место своих прогулок: самые гордые и торжествующие перебрались поближе к Афинам и стали выставлять себя на Керамике.

Керамик, который заняли гетайры, оставив Пирей флейтистам и дикериям, не был прекрасным районом Афин, получившим свое название от Керама, сына Вакха и Ариадны. Это было предместье, где находился сад Академии и могилы погибших в боях граждан. Он тянулся вдоль окружающей стены от Керамических ворот до Дипийских; там рощи зеленых деревьев и портики, украшенные статуями и надписями, давали прохладное укрытие от дневного зноя. Куртизанки первой величины приходили прогуляться и посидеть в этом месте, которое они присвоили себе, как будто отвоевали его у прославленных мертвецов, которые лежали здесь. Вскоре это место стало очевидным рынком для элегантной проституции. Туда приходили искать свою судьбу, заводить отношения, назначать свидания и заниматься любовными интригами. Когда молодой афинянин замечал куртизанку, чьи услуги ему были нужны, он писал имя этой красавицы на стене Керамика, добавляя несколько лестных эпитетов; Лукиан, Алкифрон и Аристофан упоминают об этом необычном обычае. Куртизанка посылала своего раба посмотреть на нарисованные утром имена, и когда находила свое, ей оставалось только встать рядом с надписью и объявить, что она готова принять любовника. Ему оставалось только явиться и выдвинуть свои условия, которые не всегда принимались, ведь не у всех модных дам были одинаковые расценки, да и капризам они тоже потакали. В результате многие признания в любви заканчивались лишь путаницей для тех, кто их делал. Понятно, что куртизанки своими отказами или пренебрежением наживали себе непримиримых врагов.

Дикерии и флейтисты, а также представители низшего сословия, видя, что самые выгодные галантности заключаются в Керамике, решались прийти туда или хотя бы приблизиться; они последовательно покидали порт Пирей, Фалерос, деревню Сцирон и окраины Афин, чтобы побороться за место с представителями аристократии, которые в свою очередь отступали и в конце концов укрывались в городе. Законы, запрещавшие им появляться в костюмах куртизанок, были фактически отменены, так как больше не исполнялись. Самые отвратительные проститутки толпились вокруг ворот Дипайла, спокойно занимаясь своим одиозным делом. Тени Керамика и лужайки, окружающие гробницы, слишком способствовали проституции, которая захватила это славное кладбище! Именно у дверей Керамика, - говорит Гесихий, - куртизанки устроили свой магазин". Лукиан не менее откровенен: "В конце Керамики, - говорит он, - справа от ворот Дипиле, находится большой рынок гетати". Люди покупали и продавали по любым ценам, и часто товары продавались прямо на месте, в тени какого-нибудь памятника, воздвигнутого великому гражданину, погибшему на поле боя. Вечером, под покровом темноты, голая или заросшая бурьяном земля служила постоянной ареной для гнусных развратных сделок, и иногда задерживающемуся прохожему, который в безлунную ночь пересекал Керамику и спешил по саду Академии, казалось, что он слышит стоны духов вокруг оскверненных могил.

Вторжение публичных женщин в Керамик, однако, не привело к обезлюдению Пирея: в этом огромном пригороде, жители которого были путешественниками и купцами со всех концов света, их по-прежнему было много. То же самое можно сказать о порте Фалерос и городе Сцирон, куда стекалось не меньше куртизанок, чем иностранцев. Их главным центром была большая площадь с видом на порт Пирей и цитадель; Эта площадь, окруженная портиками, под которыми виднелись только игроки в кости, спящие и бодрствующие философы, ближе к ночи заполнялась толпой женщин, почти все они были иностранками, некоторые из них были завуалированы, другие полуобнажены, которые, стоя на месте, или сидя, или приходя и уходя, молчаливые или назойливые, непристойные или сдержанные, вызвали к желаниям прохожих. Храм Венеры Пандемос, воздвигнутый на этой площади Солоном, казалось, руководил тем видом торговли, который открыто велся здесь. Когда куртизанка хотела преодолеть сопротивление, добиться более высокой цены или получить залог, она обращалась к Венере под именем Пифо, хотя в греческой мифологии Пифо была богиней, совершенно отличной от Венеры: их путали, как бы выражая, что убеждение неотделимо от любви. Более того, мраморные статуи двух богинь можно было увидеть сверкающими в святилище храма, где они располагались в разгар своей любовной империи. Многие контракты, которые заключали Венера и ее спутник, подписывались под портиком храма, на берегу моря или у подножия длинной стены, построенной Фемистоклом, чтобы объединить Пирей с Афинами.

Репутация Пирей и Керамика настолько укрепилась в нравах проституции и гетеры, что Фемистокл, сын куртизанки, выставил напоказ свое рождение, проехав из Пирея в Керамик на великолепной колеснице, запряженной четверкой гетарийских лошадей. Афиней рассказывает об этом невероятном факте по свидетельству Идоменея, который сам в нем сомневался. Некоторые комментаторы видели в цитируемом Афинеем отрывке не квадригу куртизанок, а куртизанок, сидящих в квадриге рядом с Фемистоклом. Поэтому мы не решаемся возразить самому Афинее, что Фемистокл придумал необычный способ привлечения куртизанок к управлению колесницей. Помимо разврата под открытым небом, в Пирее существовал и разврат за закрытыми дверями. Большой диктерион, основанный Солоном возле святилища Пандемоса, вскоре перестал удовлетворять потребности развращенных нравов. Множество других, не причиняя вреда друг другу, обосновались под эгидой налогового закона, который сдавал проституцию в аренду предпринимателям. Диктерионы, которые можно было встретить на каждом шагу на улицах Пирея и других пригородов, можно было узнать по их вывескам, которые везде были одинаковыми и отличались только размером: непристойный атрибут *Priare* всегда характеризовал плохие места. Поэтому невозможно было попасть в одно из таких мест, не признавшись открыто, что именно ты ищешь. Один греческий философ заметил молодого человека, проскользнувшего в один из таких притонов: он окликнул его по имени; молодой человек склонил голову и покраснел: "Мужайся!" - воскликнул философ, - "твой румянец - начало добродетели". Кроме публичных домов, были и частные дома, которые брали в аренду гетеры, чтобы заниматься там своим ремеслом: они не жили там постоянно, но проводили там несколько дней и ночей со своими друзьями. В этих сладострастных заведениях, куда никто не входил без платы, были только пиры, танцы и музыка. Алкифрон собрал письмо Панопы, которая писала своему мужу Евтибулу: "Твое непостоянство, твое непостоянство, твое пристрастие к сладострастию заставляют тебя пренебрегать мной и твоими детьми, полностью отдаваться страсти, навеянной этой Галеной, дочерью рыбака, которая приехала сюда из Гермियोны, чтобы снять дом и демонстрировать свои прелести в Пирее, где она торгует ими, к большому ущербу всей нашей бедной молодежи; моряки ходят к ней в дом, чтобы предаваться разврату, они осыпают ее подарками, она не отказывается ни от одного: она - бездна, которая поглощает все."

Полиция нравов, ограничившая скандальную торговлю проститутками определенными районами, наложила на них, как на рабов, позор определенной одежды, призванной сделать их узнаваемыми повсюду. Этот закон о проституции существовал, по-видимому, во всех городах Греции и ее колоний; но хотя определенные цвета одежды должны были привлекать подозрение общества к женщинам, которые их носили, эти цвета не были одинаковыми в Афинах, Спарте, Сиракузах и других местах. Вероятно, именно Солон впервые выделил характерный костюм для рабынь, которых он посвящал в проститутки. Вероятно, этот костюм был полосатым и ярким, потому что женщины, которых законодатель отправил на Восток для использования в республике, сначала явились в своей национальной одежде из шерстяных или шелковых тканей, окрашенных в разные цвета. Таким образом, закон Солона был не более чем санкцией древнего обычая, и Ареопаг, формулируя этот закон, постановил, что куртизанки в будущем должны носить *цветочный* костюм. Отсюда и многочисленные вариации этого костюма, который каждый пытался изменить по-своему, интерпретируя текст закона. По мнению одних, они должны были появляться на публике только в венках и гирляндах из цветов; по мнению других, они должны были носить цветы, нарисованные на одежде; иногда они довольствовались яркими аксессуарами; иногда они одевались в пурпур и золото: они выглядели как корзины цветов в полном расцвете. Но закон о роскоши положил конец этой безудержной роскоши; он запретил им носить платья одного цвета, использовать драгоценные ткани, такие как алый, и надевать золотые украшения, когда они выходили из дома. Однако запрет на пурпурные платья и золотые украшения не был общим для проституток всех греческих городов: только честным женщинам в Сиракузах запрещалось носить одежду, отделанную пурпуром, окрашенную в яркие цвета или украшенную золотом, что служило признаком проституции; в Спарте те же запреты были наложены на хороших женщин: "Я хвалю древний город лакедемонян", - говорит святой Климент Александрийский (*Pædagog. liv. II, с. X*), который разрешал куртизанкам носить цветистые одежды и золотые украшения, запрещая замужним женщинам эту роскошь ухоженности, которую он приписывал только куртизанкам". Афиней воспроизводит отрывок из Филарха, который в двадцать пятой книге своей "Истории" одобряет аналогичный закон, существовавший у сиракузян: разноцветные одежды, пурпурные ленты и золотые украшения составляли обязательный костюм сиракузских куртизанок.

Более того, с древнейших времен развратные женщины Библии украшали себя цветами и блестящими тканями: Так что Солон, предписывая проституткам не покидать свой восточный наряд, всего лишь следовал восточным обычаям. Залевк, законодатель локрийцев, лишь следовал системе Солона, когда также наложил клеймо цветущей одежды на проституток своей греческой колонии, как сообщает Диодор Сицилийский. Залевк, ученик Пифагора, не был очень снисходителен к чувственным страстям, и если он и терпел проституцию, осуждая ее, то только для того, чтобы не оставлять оправдания прелюбодеянию, которое он наказывал выкалыванием глаз виновному. Суидас в своем "Лексиконе" говорит о *цветистых* куртизанках, то есть, согласно его объяснению, "в цветистых, пестрых платьях, раскрашенных в разные цвета, ибо в Афинах существовал закон, предписывавший проституткам носить цветистые одежды, украшенные цветами или различными красками, чтобы по этому украшению можно было с первого взгляда узнать куртизанок". Вероятно, афинские куртизанки носили розовые короны, поскольку золотые короны были им запрещены под страхом штрафа. "Если женщина в одежде, - говорит ритор Гермоген в своей "Риторике", - носит золотые украшения, пусть они будут конфискованы в пользу республики". Точно так же конфисковывались золотые короны и позолоченные одежды, которые проститутка осмеливалась носить на публике. Закон, принятый Филиппом Македонским, налагал штраф в тысячу драхм (около тысячи франков в нашей валюте) на любую куртизанку, которая принимала облик принцессы, увенчивая себя золотой короной. Эти законы о

роскоши, несомненно, применялись крайне редко, и богатым куртизанкам, которые были подобны королевам образованной и грамотной Греции, конечно, нечего было бояться этих полицейских правил, которым строго подчинялись только дикерии.

Обычный костюм знатных афинянок существенно отличался от костюма иностранок с дурной репутацией. Этот костюм, одновременно элегантный и приличный, состоял из трех частей одежды: туника, платье и плащ; белая туника из льна или шерсти застегивалась на плечах на пуговицы, стягивалась под грудью широким поясом и спускалась волнистыми складками до пят; Платье было короче туники, застегивалось вокруг поясницы широкой лентой и заканчивалось внизу, как и туника, полосами или лентами разных цветов; иногда оно было отделано рукавами, закрывавшими только часть рук; полотняный плащ, то собранный в виде шарфа, то расстеленный по телу, казалось, был сделан только для того, чтобы очертить его форму. Сначала, как рассказывает Бартеlemi в *"Путешествии молодого Анахарсиса"*, использовались драгоценные ткани, украшенные блеском золота, или азиатские ткани, на которых распускались самые красивые цветы в их естественных цветах; Но вскоре эти ткани стали использоваться исключительно для одежды, которой покрывали статуи богов, и для театральных костюмов; чтобы запретить честным женщинам использовать эти ткани с цветами, законы предписывали использовать их женщинам дурного тона. Эти женщины также имели привилегию нескромности и могли ходить по улице с распущенными волосами, обнаженной грудью и остальными частями тела, едва скрытыми под марлевой вуалью. В Спарте, напротив, куртизанки должны были быть богато одеты в струящиеся платья и обвешаны золотыми украшениями, потому что костюм лакедемонянок был настолько прост, насколько и легок. Этот костюм состоял из короткой туники и узкого платья, доходившего до пят; но молодые девушки, участвовавшие во всех упражнениях на силу и ловкость, которые спартанское воспитание навязывало мужчинам, были одеты еще более легко: Их туники без рукавов, застегнутые на плечах металлическими застежками и поднятые выше колен поясами, были открыты с каждой стороны внизу, так что половина их тела оставалась неприкрытой: когда эти красивые, крепкие девушки занимались борьбой, бегом и прыжками, самые развратные куртизанки не имели бы перед ними преимущества.

Наконец, одна из модных тенденций, которая лучше всего характеризовала греческих куртизанок, хотя и не была предписана законами о роскоши, - это желтый цвет их волос. Они красили их шафраном или другими растениями, что превращало их из черных в светлые. Поэт-комик Менандр высмеивает эти светлые волосы, которые иногда были не чем иным, как шиньоном, настоящим париком, заимствованным из волос северных рас, или состояли из золотых грив. Святой Климент Александрийский своими словами говорит, что для скромной женщины позорно красить волосы и придавать им светлый цвет. Из этого высказывания святого Климента можно сделать вывод, что честные женщины подражали прическам, которые делали себе куртизанки, чтобы соответствовать богиням, которых поэты, художники и статные художницы изображали с золотыми волосами. Эти изысканные украшения, несомненно, требовали неофициальной помощи нескольких слуг, высококвалифицированных в искусстве ухода, и все же древний афинский закон запрещал проституткам прислуживать наемным женщинам или рабыням. Этот закон, который не часто исполнялся, унижал свободную женщину, которая отдавалась в услужение проститутке, и лишал ее звания гражданки, конфискуя ее как рабыню в пользу республики. Казалось бы, сама гражданка, оказавшись в услужении у проститутки, становилась проституткой и могла быть использована в государственных диктериях. Но, несмотря на этот суровый закон, куртизанки никогда не испытывали недостатка в слугах, и эти слуги, молодые или старые, обычно были более извращенными, чем проститутки, чьему постыдному ремеслу они помогали.

ГЛАВА VII.

Краткие сведения о греческих авторах, написавших *трактаты* о куртизанках - История знаменитых куртизанок по Каллистрату - *Деипнософисты* Афиней - Аристофан Византийский, Аполлодор, Аммоний, Антифан, Горгий - *Талатта* Диокла - *Корианна* Геракрата - *Таис* Менандра - *Клепсидра* Эвбула.-Сто тридцать пять известных куртизанок в Афинах.-Классификация куртизанок Афиней.-Бесплатные диктерии.-*Лувы*.-Описание диктериона, согласно Ксенарху и Эвбулу.-Современные цены на места разврата.-Занятие диктериев.-*Порнобосцейон* или хозяин диктериона.-Старые куртизанки или *матроны* - их умение развращать молодых девушек.-Элог женщин удовольствия, написанный Афинеем.-Диктерионы, лежащие на земле.-Салаир диктерионов нижнего этажа и диктерионов свободных.-Фрине де Феспис.-Ла *Шасьёз*.-Лаис.-Деревня Аникет и аварец Фебиан.-Рыбак Фалласион.-Происхождение прозвищ некоторых Дикериад.-*Сфинксы*.-*Бездна* и *Курица*.-*Падальщик*, *Рыбачка* и *Курица*.-*Аркадий* и *Садовник*.-*Пьяница*, *Фонарь*, *Ворон*, *Свиноматка*, *Коза*, *Клепсидра* и т. д..., и т.д.

Между статусом дикериады и собственника существовал такой социальный разрыв, что первые, низведенные до категории рабов, вольноотпущенниц и чужеземцев, влачили безымянное существование в безвестности разврата, тогда как вторые, хотя и лишенные звания гражданина, жили среди самых выдающихся и ученых людей Греции. Поэтому мы можем предположить, что писатели, поэты и моралисты, написавшие объемные трактаты о куртизанках своего времени, не удостоили своим вниманием дикерийцев, за исключением нескольких, чьи необычные характеры и нравы привлекли внимание тех, кто интересовался эротическими анекдотами. Эти анекдоты были любимым развлечением афинских распутников, поэтому несколько авторов поспешили собрать их в единый свод; к сожалению, все, что сохранилось от этих сборников, посвященных истории проституции, - это отдельные фрагменты и разрозненные отрывки, которые Афиней сшил вместе в XII книге своих *"Деипнософистов"*. Без сомнения, мы не нашли бы ничего конкретного о дикериях в сочинениях Аристофана, Аполлодора, Аммония, Антифана и Горгия, в различных литературных жанрах, посвященных афинским куртизанкам. Эти порнографические сборники были написаны самыми известными из куртизанок. Каллистрат написал *"Историю куртизанок"* так же серьезно, как Плутарх - *"Жизнь выдающихся людей"*; Махон собрал бранные слова знаменитых куртизанок; многие комические поэты изображали расстройства этих женщин, более галантных, чем публичные: Диокл в своей *"Талатте"*, Геракрат в своем *"Корианне"*, Менандр в своей *"Таисе"*, Эвбул в своей *"Клепсидре"*. Но если бы у нас все еще были эти многочисленные описания, о которых Афиней заставляет нас только сожалеть, мы не были бы лучше осведомлены о Дикериадах, которые сменяли друг друга в своей отвратительной профессии, не оставляя никаких личных следов своего бесчестия. Даже о тех, кто прославился своими пороками и приключениями, вспоминали с презрением.

Аристофан Византийский, Аполлодор и Горгий насчитали не более ста тридцати пяти женщин, которые прославились в Афинах и чьи деяния могли быть переданы потомкам; но это небольшое число знаменитостей лишь подчеркивало множество женщин, которые работали проститутками в Афинах и не проявляли особого интереса к тому, чтобы удостоиться чести быть упомянутыми в истории, если им было стыдно сколотить состояние. По словам Афиней, в Афинах было так много куртизанок, что ни один город, каким бы густонаселенным он ни был, никогда не производил их в таком количестве. Обобщая, Афиней включил в это число и дикерийцев, и гетайров, и флейтистов. Афиней, однако, тщательно проводит различие между этими тремя видами женщин удовольствий и даже,

кажется, делит дикериад на два класса, один из которых он относит к последнему разряду гетеров (μῆτα ἑταίρων), а другой - к населению дурных мест (τὰς ἐπὶ τοῖς οἰδημασίων). Из этих нюансов в обозначениях мы можем заключить, что диктериады, которые оказывали посильную помощь домам разврата и занимались проституцией в кабаре, у цирюльников, под портиками, на полях и вокруг гробниц. Этих популярных вакханок, которых можно было увидеть бродящими по вечерам в отдаленных местах, прозвали *волчицами* либо потому, что они, подобно голодным волкам, отправлялись искать добычу в темноте, либо потому, что они возвещали о своем присутствии и состоянии готовности криками диких зверей. По крайней мере, именно эту этимологию Денис Галикарнасский считает наиболее естественной.

Дикерии в заточении почти всегда были иностранками, рабынями, купленными повсеместно за счет спекулянта; свободные же дикерии чаще всего были гречанками, доведенными до такой степени деградации пороком, ленью или бедностью, и все еще скрывавшими унижительное ремесло, которым они зарабатывали на жизнь, остатками скромности. Эти несчастные женщины, чья подлунная любовь была защищена лишь случайностью, редко встречали в своих ночных поисках кого-либо, кроме моряков, вольноотпущенников и бродяг, не менее презренных, чем они сами. Можно догадаться, что они старались как можно дольше избегать оскорблений в виде цветистых костюмов и белокурых париков, которые могли бы заклеить их как куртизанок. Им даже не нужен был внешний знак, чтобы зазывать покупателей, поскольку они не показывались и зазывали в тени, где их приходилось нащупывать. Поэтому для характера их торговли не имело значения, молоды они или стары, уродливы или красивы, хорошо или плохо одеты; ночь скрывала все, и полупьяный барж не просил видеть яснее. С другой стороны, в диктерионах, где действовала своего рода муниципальная полиция, ничто не было недоступно для глаз, и даже то, что могло представлять особый интерес для местных жителей, выставлялось напоказ с благодушием. Ксенарх в своем *"Пентатле"* и Эвбул в своем *"Паннихисе"* показывают нам этих обнаженных женщин, стоящих в ряд в святилище разврата, единственной одеждой которых были длинные прозрачные вуали, где глаз не встречал никаких препятствий. У некоторых, по утонченности разврата, были закрыты лица, груди заключены в тонкую ткань, придающую им форму, а остальные части тела обнажены. Эвбул сравнивает их с нимфами, которых Эридан видит играющими в своих чистых волнах. Не вечером, а днем, при полном солнечном свете (*in aprico stantes*), дикерионы выставляли напоказ все свои непристойные сокровища. Эта демонстрация наготы служила указателем на дома разврата даже лучше, чем нарисованный или изваянный фаллос, украшавший дверной проем; но, по мнению других археологов, эти сладострастные зрелища можно было увидеть только во внутреннем дворе.

Несомненно, в Афинах существовали более или менее злодейские диктерионы, особенно когда проституция была закрыта; но первоначально в этих заведениях, содержавшихся за государственный счет, царило самое республиканское равенство. Цена была одинаковой для всех посетителей, и она не была очень высокой. Филемон в своей *"Адельфи"* называет ее всего в один обол, что эквивалентно трем с половиной центам нашей валюты. Поэтому Солон покупал женщин, - говорит Филемон, - и помещал их в такие места, где, обеспеченные всем необходимым, они становились общими для всех, кто хотел их иметь. Вот они в своем естественном виде, говорят вам: никаких сюрпризов, все видно! Разве вы не должны быть довольны? Дверь откроется, если хотите: все, что вам нужно, - это небольшое пожертвование. Входите, без суеты, без шума, без беготни: та, которую вы выберете, примет вас в свои объятия, когда и как вам будет угодно". Эвбул написал свои греческие комедии, от которых до нас дошли лишь фрагменты, за 370 лет до нашей эры, и в его время цена за вход в

диктерионы еще не была очень высокой; более того, несмотря на дешевизну, не было никакого риска, как если бы прозорливый Солон добавил к своему фундаменту амбулаторию: "Именно у этих прекрасных девушек, говорит Эвбул, можно купить удовольствие за несколько экю, и это без малейшей опасности". (*A quibus tuto ac sine periculo licet tibi paucalis nummis voluptatem emere*; но латинский перевод говорит не так много, как греческий.) Таким образом, мы не знаем ничего более точного о текущих ценах на плохие места Афин, и мы можем предположить, что эти цены часто менялись из-за налога, который сенат налагал на фермеров диктерионов. Более того, эти злчные места посещали не только моряки и купцы, которых привозил в Пирей торговый флот всех стран: самые знатные граждане, когда они были пьяны или когда ими овладевал демон распутства, не боялись проскользнуть в дома терпимости, основанные Солоном, закрыв лицо плащом. Двери этих домов оставались открытыми днем и ночью; их не охраняла, как другие, собака, прикованная под притвором; Ярко раскрашенная шерстяная занавеска не позволяла прохожим неосторожно заглянуть во двор, окруженный открытыми портиками, под которыми ждали женщины, стоя, сидя или лежа, занятые полировкой ногтей, укладкой волос, нанесением макияжа, воском и духами, скрывая свои физические недостатки и подчеркивая свои самые сокровенные прелести. Обычно за занавеской стояла старая фессалийская женщина, которая была немного колдуньей и продавала зелья и духи, и отвечала за представление посетителей, выясняя, что им нравится и что они могут предложить.

ГРЕЧЕСКИЙ ДИКТЕРИОН

Не похоже, что количество диктерионов было ограничено законами Солона и Ареопага. Частные предприниматели имели право создавать подобные заведения, по крайней мере за пределами города, и организовывать их по своему усмотрению при условии полной уплаты налога в налоговые органы, причем этот налог, по всей вероятности, был фиксированным и уплачивался с каждой головы диктериона. Нет никаких оснований полагать, что он был

пропорциональным и прогрессивным. Диктерион, бывший в моде, приносил неплохой доход своему владельцу, который мог быть только иностранцем, но часто афинский гражданин, одержимый любовью к наживе, посвящал свои деньги этой гнусной спекуляции и обогащался за счет доходов от общественного разврата, держа под чужим именем проститутский салон. Комические поэты с презрением указывают честным людям на жадные и трусливые потворства тех, кто сдавал свои дома в аренду коллегиям диктериев; хозяина дурного места называли *порнобоскейоном*. Конкуренция множила подобные предприятия, и старые куртизанки, которые уже ничего не зарабатывали сами, вскоре задумались о том, чтобы хотя бы использовать свой опыт. Тогда в пригородах Афин возникли странные школы, где открыто обучали искусству и секретам проституции без вмешательства магистратов для пресечения этих беспорядков. Хозяйки этих нечистых школ привлекали к себе на службу несчастных девушек, которых они иногда развращали, а образование, которое они давали этим школьницам, оправдывало титул *матрон*, который бесстыдно присваивали себе их извращенные начальницы. Алексис в комедии "*Изостазия*", от которой сохранилось несколько фрагментов у Афиней, живописно описывает уловки матрон по метаморфозе своих учениц: "Они берут молодых девушек, еще не знакомых с ремеслом, и вскоре преобразуют их до такой степени, что меняют их чувства и даже фигуру и размеры. Если новичок мал ростом, они пришивают к его туфлям толстую пробковую подошву. Если она слишком высокая, ее заставляют носить очень тонкую обувь и учат при ходьбе втягивать голову в плечи, что немного уменьшает ее рост. Если у нее недостаточно широкие бедра, ей подбирают накладку, которая приподнимает их, чтобы те, кто увидит ее в таком виде, не могли не сказать: "Какой милый крестец! Если у нее большой живот, то для того, чтобы он казался больше, используются буфера, похожие на те, что используются в сценических представлениях. Если у нее рыжие волосы, их чернят сажей, если черные - обесцвечивают церусом, если слишком белый цвет лица - подкрашивают пидеротом. Но если она обладает особой красотой в какой-либо части тела, то эти природные прелести выставляются напоказ среди бела дня. Если у нее красивые зубы, ее заставляют смеяться, чтобы зрители видели, какой у нее красивый рот; а если она не любит смеяться, ее держат дома целый день с веточкой мирта между губами, как это обычно делают повара, когда продают на рынке головы коз, чтобы в конце концов заставить ее волей-неволей показать свое каре". Матроны преуспели в этих изысках кокетства и туалета, призванных пробудить желания и любопытство своих клиентов; они не ограничивались в своем искусстве удовлетворением одних лишь глаз, они учили своих учеников всему, что сладострастие могло изобрести более изобретательного, причудливого и позорного. Кроме того, Афиней, который, возможно, говорит о них только понаслышке, официально хвалит этих женщин удовольствия в таких выражениях: "Ты будешь доволен женщинами, которые работают в диктерионах". (Τὰς ἐπὶ τῷ οἱ κήματων ἀσπάζεσθαι).

Дицерионы, какого бы рода они ни были, пользовались привилегией неприкосновенности; они считались местами убежища, где гражданин находился под защитой общественного гостеприимства. Никто не имел права входить туда, чтобы совершить акт насилия. Должники были защищены от своих кредиторов, и закон воздвигал своего рода моральный барьер между гражданской жизнью и тайной жизнью, которая начиналась у входа в диктерион. Замужняя женщина не могла войти в это неприкосновенное убежище в поисках мужа, отец не имел права зайти и застать сына врасплох. Как только гость диктериона переступал порог этого таинственного логова, он становился в некотором роде священным и на все время пребывания там терял свой индивидуальный характер, свое имя, свою личность. Закон не позволяет, - говорит Демосфен в своей речи против Нееры, - никого застать за прелюбодеянием с женщинами, которые находятся в месте, где занимаются проституцией, или которые поставили себя заниматься тем же делом на публичной площади". Однако

проститутки были иностранками, рабынями и вольноотпущенницами; поэтому закон щадил и уважал не их, а граждан, которые в силу негласного договора, под защитой закона, пришли совершить действие, за которое отвечали только перед собой. Можно предположить, что удовольствие было частью религии и культа в Греции, поэтому Солон поставил храм Венеры Пандемос рядом с первым афинским Дикерионом, чтобы богиня могла следить за тем, что происходит в обоих местах. Согласно представлениям ярых поклонников Венеры, человек был посвящен ей до тех пор, пока он предавался практикам этого культа, который был одинаков и в храмах, и в дикерионах.

Древние авторы сообщают нам еще много подробностей о не закрытых дицериях и о подчиненных гетайрах, которые практиковали бродячую проституцию или смело устраивали ее в своих домах. Мы знаем не только различные цены на их услуги, обычные привычки их любовных связей, различные аспекты их беспутного существования, но мы даже знаем их прозвища и происхождение этих прозвищ, которые характеризуют, возможно, слишком свободно, их интимные нравы. В оплате труда свободных диктериад и низших гетов не было ничего фиксированного или даже градуированного, в зависимости от красоты и достоинств каждой из них. Не всегда она выплачивалась серебром или золотом: чаще всего она принимала форму подарка, который проститутка требовала перед тем, как отдать себя, а иногда и после этого. Но настоящим отличием, на которое могли претендовать эти женщины и которое мужчины, занимавшиеся обычным ремеслом, считали своим долгом приписать им, был скорее кортеж их остроумия, таланта и учености. Те, кто жил в кабаре, среди пьяных матросов и волосатых рыбаков, не просили больших сумм; одни довольствовались корзиной рыбы, другие - амфорой вина; у них тоже были свои прихоти, и в один день они бесплатно проституировали в честь Венеры, а на следующий день получали двойную плату. Куртизанки Лукиана знакомят нас со всеми этими вариациями оплаты, которую они иногда требовали властным тоном, а иногда просили с самым скромным видом. Вы когда-нибудь видели, - возмущенно восклицает одна из этих куртизанок, - чтобы куртизанку брали на целую ночь и давали ей вознаграждение в пять драхм (около 5 франков)? Другая из этих куртизанок, Шарикле, была настолько снисходительна и покладиста, что давала все и ничего не просила. Люсьен в своем *"Токсарисе"* утверждает, что никогда не видел девушки такого хорошего сложения.

Когда хозяйки пирейских кабаре хотели угодить и урвать какой-нибудь подарок, они принимали самые ласковые позы, самый медовый голос, самую раздражающую позу: "Ты стар?" - говорит Ксенарх в своем *"Пентатле"*, цитируемом Афинеем, - "они будут звать тебя *папой*; ты молод? они будут звать тебя *младшим братом*". Посмотрите, какой совет дает старая куртизанка своей дочери в "Люсьене": "Ты верна Хересу и не принимаешь других мужчин; ты отказала в двух минах ахарнскому пахарю, в одной мине Антифону" и т. д. Одна мина равна ста франкам нашей валюты, и мы не знаем, должны ли мы больше удивляться щедрости пахаря из Ахарнеса, чем верности этой жены своему любовнику Шереасу. Машон, который тщательно собирает бранные слова куртизанок, рассказывает, что Мирих торговался с Фриной Феспийской, которая в итоге довольствовалась одной миной, то есть ста франками: "Это много! сказал ей Мирих; за последние несколько дней ты взяла у незнакомца всего два статера золота (около сорока франков)... Что ж! бодро ответила Фрина, подожди, пока я буду в хорошем настроении, я больше ничего у тебя не попрошу". Горгий в своем труде об афинских куртизанках упоминает о куртизанке последнего порядка по имени *Лемен*, то есть Шасси или Шассие, которая была любовницей оратора Итатокла и, тем не менее, проституировала себя с кем угодно за две драхмы, около сорока су нашего времени, из-за чего ее прозвали *Дидрахмой* и *Парорамой*. Наконец, если верить Афинею, Лаис состарилась и была вынуждена продолжать свое ремесло, меняя курс своих изношенных

чар, и получала лишь статер золота или двадцать франков от редких посетителей, желавших узнать, насколько упала красота знаменитого члена семьи. Такова была судьба куртизанок: поднявшись на вершину славы и богатства, увидев у своих ног поэтов, генералов и даже королей, они быстро опускались вниз по ступеням этого ложного благополучия, а с возрастом приходили презрение, заброшенность и забвение. Тогда диктерион дал приют этим руинам красоты и любви. Так погибла Гликера, которую любил поэт Менандр. Счастливы были те, кто накопил достаточно средств для независимой и спокойной старости, счастливы те, кто, подобно Сциону, Гиппафесу, Феоклею, Псаметею, Лагиску, Антею и Филере, отказался от профессии ветеринара раньше, чем она с ним распрощалась! Лисий в своей речи против Лаиса высоко оценил этих отшельников за то, что они еще в молодости пытались стать честными женщинами.

Куртизанкам, не ставшим на службу к диктериям, часто платили так хорошо, даже рыбаки и купцы, что эти несчастные жертвы позволяли себя полностью ограбить, а затем их заменяли другие, которых вскоре также заменяли другие. Разве ты забыл, - печально писал крестьянин Анисет скупому Фебиану, которого он обогатил за свой счет и который больше не удостаивал его даже взглядом, - разве ты забыл корзины с инжиром, свежие сыры, прекрасных кур, которые я тебе посылал? Разве ты не получил от меня все богатство, которым наслаждался? У меня остались только позор и несчастье". Алкифрон, сохранивший это письмо как памятник горькой жадности куртизанок, также показывает нам рыбака Талассера, влюбленного в певицу и каждый день посылающего ей пойманную рыбу. Афиной цитирует стихи Анаксилая, который в своей "*Неоттис*" нарисовал страшный портрет куртизанок своего времени: "Да, все эти гетаты - сфинксы, которые, не говоря открыто, говорят только загадками; они ласкают тебя, говорят тебе о своей любви, об удовольствии, которое ты им доставляешь, а потом говорят тебе: "Дорогой мой, мне нужна подставка, треножник, стол на четырех ножках, маленькая служанка с двумя ножками"". Тот, кто это понимает, спасается на этих мелочах, как Эдип, и считает себя очень счастливым, что, возможно, единственный избежал кораблекрушения, несмотря на самого себя; но тот, кто надеется, что ему заплатят за истинное возвращение, становится добычей чудовища". Этот отрывок из греческого поэта, исчезнувший, как и многие другие, заставил комментаторов предположить, что прозвище *сфинкс*, которое относилось к гетаты вообще, было применено к ним из-за их загадочных просьб; но это прозвище скорее произошло от их долгих стояний на общественных площадях и перекрестках, где они стояли, скрючившись, как сфинксы, завернувшись в складки своей вуали, неподвижные и обычно молчаливые. Как бы то ни было, сфинкс, по словам Пансирия, был эмблемой *filles de joie*.

Что касается конкретных прозвищ куртизанок, то они были менее амфибийными, и для того, чтобы понять их, достаточно обратиться к обстоятельствам, которые их породили. Эти прозвища редко были лестными для женщин, которые их носили. Фанострата, которая, по словам Аполлодора Византийского, никогда не имела очень знатной клиентуры, постепенно поддалась такому избытку грязи, что ее прозвали *Фтеропилой*, потому что в свободные минуты ее видели сидящей на улице, занятой уничтожением пожиравших ее паразитов. Эти две Дикериды, одна из-за вшей, другая из-за непривлекательных обещаний своего прозвища, приобрели популярность, которая до сих пор привлекает к ним любопытных зрителей, и которая позволила Демосфену цитировать их в своих речах с трибуны. Антифан, Алексий, Калликрат и другие писатели также говорили о *Бездне* и *Апулее*. Это были два типа, которые были хорошо известны, по крайней мере, издавна, и они завершали коллекцию самых мерзких видов гетаты. В эту коллекцию входили *Раводеза*, *Печеза* и *Пулетта*; первая гоготала, как курица, ожидающая петуха; вторая следила за проходящими мимо мужчинами и ловила их, как на крючок; третья не уставала переплетать, так сказать, изношенную ткань

старых любовей. Антифан, записавший в своей книге различные качества этих дикерий, неуместно ассоциирует их с *Аркадием* и *Садовником*, которых мы не будем относить к женщинам. Афиней также говорит о *Пьяной* женщине, которая всегда была полна вина и никогда не согревалась настолько, чтобы выпить достаточно. Синерис прозвали *Фонарщицей*, потому что от нее пахло маслом; Феоклею - *Вороной*, потому что она была черной; *Каллисто*, ее дочь, - *Свиноматкой*, потому что она всегда хрюкала; Нико - *Козой*, потому что она погубила некоего Таллуса, который любил ее, так же легко, как коза пасется на ветвях оливкового дерева (θαλλος); Наконец, *Клепсидра*, настоящее имя которой неизвестно, получила это имя потому, что давала каждому посетителю лишь время, необходимое для того, чтобы опустошить ее песочные часы, - четверть часа, по мнению некоторых комментаторов, и час, по мнению наиболее щедрых. Эвбул написал комедию на эту тему и об этой девушке, которая так хорошо знала цену времени.

Афиней, у которого руки были заняты множеством книг, уже не дошедших до нас, характеризует по прозвищам многих дикеридов, вся история которых ограничивается этими иногда амфиболическими прозвищами. Он перечисляет, со всей мокротой ученого, который не боится исчерпать материал, прозвища, данные его авторитетами Тимоклу, Менандру, Полемону и всем греческим порнографам: *Нуррис* - Корона, дочь Нанно, содержавшая своих любовников; *Афис* - две сестры Антис и Страгонион, отличавшиеся белизной, стройностью и большими глазами, из-за чего к ним применялось название рыбы (ἄφύη); *Цистерна* - Павсаний, который однажды падает в бочку с вином: "Мир уходит только сейчас! воскликнул Гликерий, член диеты, известный своими остротами; теперь Цистерна в бочке!". Афиней и Лукиан также упоминают ряд членов элиты низшего порядка, которые были известны только по своим прозвищам: *Астра* или *Звезда*, *Цимбалиум* или *Цимбал*, *Коналлис* или *Борода*, *Серкоп* или *Хвост*, *Лира* или *Лира*, *Никион* или *Муха*, *Гномей* или *Приговор*, *Искад* или *Фига*, *Ишас* или *Лодка*, *Лампирис* или *светящийся червь*, *Лия* или *добыча*, *Мелисса* или *пчела*, *Нейрис* или *кишечная веревка*, *Демонасс* или *наседка*, *Крокаль* или *песчинка*, *Доркас* или *задница*, *Кробил* или *петля волос* и так далее. Некоторые Дицерики имели прозвища, не требующие пояснений: *Химера*, *Горгона* и т. д.; другие, такие как *Дорис*, *Евфросиния*, *Миртале*, *Лисидис*, *Эвардис*, *Коринна* и т. д., избежали почестей квалифицирующего прозвища.

Эпиграмма переходила из уст в уста, а вместе с ней и прозвище, которое оставляло неизгладимый отпечаток на девушке, заслужившей его. Так, поэт Аммонид жаловался на Дикериаду: "Если она покажет себя обнаженной, - провозглашал он в своих стихах, - вы убежите за колонны Геракла". Другой поэт добавил: "Ее отец бежал первым". А ее прозвали *Антипатрой*. Двое других имели необычную привычку защищаться и желали, чтобы их взяли штурмом, как бы скрывая от самих себя позор своего движения. Тимокл был удивлен, обнаружив стойкость в публичной женщине, и дал им прозвища: *Луцелла* (κορύκη) и *Баттеза* (от κάεω - ковать и от τυπή - дуть), посвятив им такие стихи: "Да, это быть в ранге богов, провести ночь рядом с Кориском или Каметом. Какая твердость! какая белизна! какая нежность кожи! какое дыхание! какое очарование в их сопротивлении! они сражаются против своего завоевателя: ты должен восторгаться их благосклонностью, тебя обдувают: очаровательная рука наносит тебе удар... О наслаждение!"

ГЛАВА VIII.

Краткое содержание.- Опасность для молодежи общения с подчиненными гетерами.- Что поэт Анаксилай говорит о гетерах.- Его изображение гетаризма.- Мастерство женщин с

дурной репутацией в использовании макияжа. - *Педерот*. - Дриантис своей жене Хронион. - Как куртизанки раскрашивали свои лица. - Куртизанки-художники Павсаний, Аристид и Ниофан. - Письмо от Таис к Фессале о Мегаре. - Любовь Хармида к старой Филематии. - Старые гетарии. - Совет Кробила своей дочери Коринне. - Мать Мусария своей дочери. - Рабыня Саламис и ее хозяин Габелл. - Сималион и Петала. - Диалог между хозяйкой Мирталы и Дорионом, ее отвергнутым любовником. - Купцы Вифинии - Жертвоприношение куртизанок богам - Дикерида Лисидис - Сингулярное подношение этой проститутки Венере Популярной - Комментаторы греческой антологии - Объяснение знаменитой пословицы: "*В Коринф не ходят безнаказанно*". - Слово *Осите*. - Денис Тиран в Коринфе. - Откуда были взяты многочисленные куртизанки Коринфа. - Глагол *λεσβιάζειν*. - Любовь к финикийцу. - Красивые произведения лесбиянок. - Теоретические предписания гетайризма. - Общий кодекс куртизанок. - Письма Аристенета. - Писесы гетеры, чтобы сделать жертву. - Обшивка стен Керамика. - *Кашин* куртизанок. - Пресловутое ремесло Никареты, освобожденной Харисишем. - Ее ученики. - Высокая цена на свободных девушек и замужних женщин. - Наказание за прелюбодеяние - Наказание *черной редькой* - Законы Дракона - Филумена - Успокоительные зелья и приворотные зелья - Маги Фессалии и Фригии - Таинственные церемонии, сопровождавшие приготовление зелья - Мелисса. - Различные фильтры. - Магические операции. - Сохраняющие фильтры. - Зависть и соперничество между куртизанками. - *Лесбийская любовь*. - Сафо, автор скандальных событий, которые эта любовь приняла. - Диалог между Клеонарием и Линой. - Мегилла и Демонасс.

Настоящие афинские дикерии были менее опасны для молодежи и даже для среднего возраста, чем низшие классы, ибо ничто не могло сравниться с жадностью и алчностью этих подлых существ, у которых, казалось, не было другого занятия, как губить неопытных молодых людей и глупых стариков. Солон, очевидно, хотел обуздать алчность желающих куртизанок, создав институт куртизанок-рабынь; он считал, что этим институтом, который экономил и время, и кошелек граждан, он сделал очень много для нравственности. Но эти куртизанки были бедными невольницами, выкупленными из Греции и собранными со всего мира по единому закону удовольствий; они часто не имели ни малейшего представления о греческих обычаях; они ничего не знали о городе, основанном Минервой, где они занимались своим постыдным ремеслом; Они даже не говорили на языке этого города, в который их привезли как чужеземный товар; их красота и более или менее умелое использование ее не были достаточной приманкой для афинян, которые даже в вопросах сладострастия хотели, чтобы их ум был удовлетворен или, по крайней мере, возбужден так же, как и их физические чувства. Поэтому в Афинах было больше любовников и, прежде всего, постоянных куртизанок низшего разряда, чем рабынь дикерионов. Они редко были так красивы или так хорошо сложены, как дикерийцы, но у них были природные ресурсы ума, и даже их извращенность принимала пикантные, изобретательные, подвижные и занимательные формы. Поэтому их империя легко устанавливалась с помощью слов над несчастными и неосмотрительными жертвами, которых они сначала привлекали и очаровывали сладострастием. Их боялись и указывали на них как на живые рифы, и самые мудрые лоцманы, самые искусные гребцы и самые крепкие корабли постоянно разбивались об эти рифы проституции; эти постоянные кораблекрушения чести, добродетели и удачи были славой и развлечением тех губительных сирен, которые их вызывали. "Если кто-нибудь когда-нибудь позволял себе попасться в сети русалки, - говорит поэт Анаксилай в своей комедии "*Неоттис*", - пусть назовет мне животное, обладающее такой же свирепостью. В самом деле, что такое в сравнении с ним недоступная драконица, химера, выбрасывающая огонь из ноздрей, Харибда, Сцилла, трехголовый морской пес, сфинкс, гидра, львица, гадюка? Что это за крылатые гарпии? Нет, невозможно сравниться со злом этого мерзкого отпрыска, ибо оно превосходит все худшее, что можно вообразить!" Эти женщины, с детства

развращенные уроками старых развратников, не сохранили в себе ни одного человеческого чувства; в молодости они порой довольствовались одним любовником, когда тот платил им столько же, сколько и двадцати другим; Они советовали воровство, мошенничество и убийство, если нужно, несчастным мужчинам, которые не могли больше платить им и были вынуждены отказываться от них или не останавливаться ни перед чем, чтобы удержать своих любовниц. Не только сыновей семейств, наследников великих фамилий, молодых ораторов, начинающих поэтов и философов с удовольствием грабили хозяева Пирея, но и моряков, солдат, деревенских жителей, азартных игроков, особенно тех, кто был более щедр, купцов и рассеянных людей. Но удивительно то, что эти женщины, чье пагубное влияние имело столь большую силу и престиж, порой обладали лишь сомнительной и более или менее эфемерной красотой, состарившимися и воссозданными чарами, гримасами улыбок и бесчувственными поцелуями. Анаксилай рисует непривлекательный портрет главных чудовищ гетеры своего времени: "Вот этот Плангон, - говорит он, - настоящая химера, уничтожающая чужаков железом и пламенем, и все же только один всадник недавно лишил его жизни, потому что он уехал, забрав с собой все имущество дома. Что касается Синопы, то разве она не вторая гидра: она стара, а ее соседка - Гнафина со ста головами! А Наннион, чем она отличается от Сциллы о трех ртах? Не пытается ли она удивить третьего любовника после того, как уже задушила двух? Но говорят, что он спасся на лодке. Что касается Фрины, то я не очень понимаю, чем она отличается от Харибды: разве она не проглотила лоцмана и лодку? А Теано - безволосая русалка с глазами и голосом женщины, но ногами черного дрозда? Этот отрывок из греческой комедии, которую читал еще Афиней, знакомит нас с деградацией профессии хозяйки, и мы видим в нем, в ряду мерзких дикерий, знаменитых куртизанок, которые в пору своего расцвета были самыми востребованными, самыми богатыми и самыми триумфальными в Греции. Плангон, Синопа, Гнафина, Фрина и Феано, теперь уже старые, ничем не отличались от *волчиц* и *сфинксов* Керамики.

В сотне мест мы находим доказательства того, что дряхлость не считалась непоправимым недостатком женщин дурной жизни, либо потому, что они обладали чудесным искусством маскировать следы возраста, либо потому, что они меньше рекомендовали себя для публичного разврата своими внешними достоинствами, чем репутацией своего либидинозного опыта. Молодые или старые, морщинистые или нет, они красили свои лица педеротом - румянцем, заимствованным из цветка колючего египетского растения или из корня аканта; этот растительный красный цвет, смоченный в уксусе, придавал даже самой желтой коже свежий цвет ребенка; Что касается морщин, то они были тщательно заполнены рыбьим клеем и белой лазурью, так что кожа стала гладкой и отполированной, чтобы принять блестящие краски молодости, которые наносились шелковистой кистью. Румянец на лице был похож на клеймо проституции. Неужели ты осмелишься, - пишет Дриантис своей жене Хронион (в "Письмах Алкифрона"), - поставить себя в один ряд с теми афинскими женщинами, чьи раскрашенные лица возвещают о развратных нравах? Румяна, красное и белое в их руках соперничают с искусством самых прекрасных живописцев, так искусны они в придании себе того цвета лица, который считают наиболее подходящим для своих целей!" Поскольку публичных скорбящих можно было увидеть вблизи только вечером при свете факела или фонаря, а днем они держались в тени, полузакрытые, перед дверью или окном, они пользовались необыкновенным сиянием, которое косметика придавала их лицу. Кроме того, достаточно было произвести эффект, чтобы неосторожный человек, шедший по их следам в темноте их логова, остался согрет первым же взглядом. Узкая келья, куда куртизанка вела свою жертву, не пропускала достаточно света в тень, чтобы разочарование последовало за открытием этих тайн туалета. Когда честные женщины, несомненно для того, чтобы соперничать со своими мужьями за любовь куртизанок, имели роковое желание подражать кокетливым уловкам своих соперниц, они делали очень неуклюжие попытки,

которые часто приводили их в замешательство. "Наши женщины, - говорит Эвбул в своей комедии *"Букет"*, - не покрывают кожу белым слоем и не красят себя ежевичным соком, как это делаете вы, так что, если вы выходите летом на улицу, мы видим две струйки туши, текущие из ваших глаз, а пот, падая на шею, образует борозду румянца; что касается ваших волос, развивающихся на лбу, то они демонстрируют всю белизну старости благодаря белой пудре, которой они покрыты!"

Если использование макияжа было распространено среди низших классов, то способы его приготовления и нанесения предлагали бесконечное множество вариантов, соответствующих различным степеням настоящего искусства. Надо полагать, что новичков красили еще до того, как они умели рисовать сами. Действительно, в стране, где мраморные статуи раскрашивались в яркие цвета, человеческие лица должны были быть написаны с той же степенью правдивости. Поэтому мы считаем, что художники, известные как куртизанки (порνογράφοι), такие как Павсаний Аристид и Ниофан, которых цитирует Афинея, не ограничивались написанием портретов гетати и изображением их эротических академий: они не гнушались писать по случаю фигуры куртизанок, как они писали статуи богов и богинь в храмах. По заветам греческого поэта, красота должна постоянно меняться, чтобы всегда оставаться красотой, и именно эти постоянные изменения в физиономии поддерживают пыл желания. Как только куртизанка научилась рисовать сама, вкус и привычка научили ее искусству, в котором все старались преуспеть, но не все преуспели в равной степени. В *"Письмах Алкифрона"* Таис пишет своей подруге Фессале о Мегаре, самой порицаемой из всех куртизанок: "Она очень грубо отзывалась о румянах, которые я использовала, и о красном цвете, которым я красила свое лицо. Неужели она забыла, в каком жалком состоянии я ее видела, когда у нее не было даже зеркала? Если бы она знала, что ее цвет лица похож на цвет сандарака, разве осмелилась бы она говорить о моем?" Легко понять, что, поскольку все девицы были наряжены, старшие из них таким образом восстанавливали некое равенство между собой и оставляли за собой другие преимущества, которые младшие могли приобрести только в результате долгой практики ремесла. Вот почему часто случалось, что молодую и красивую хозяйку предпочитали старой и некрасивой куртизанке - предпочтение, которое она не могла объяснить и приписывала магическим заклинаниям. В *"Диалогах"* Лукиана Таис удивлена тем, что любовник Глицеры бросил ее ради Горгоны: "Что за прелесть нашел он в мертвых губах и отвисших щеках? говорит Таис. Неужели он взял ее за красивый нос, или за лысую голову и высокий, сужающийся кверху воротник?" В тех же *"Диалогах"* Трифен высмеивает старую Филематию, получившую прозвище *Требушет*. "Ты заметил ее возраст и морщины?" - говорит Трифен. "Она клянется, что ей всего двадцать два", - отвечает Чармиан. "Но разве ты поверишь ее клятвам, а не своим глазам? Разве вы не видите, что волосы на ее висках начинают белеть? Она никогда не допустит этого, и правильно, ведь ее тело инкрустировано, как у леопарда."

Эти старухи, когда их красили и украшали, становились у высокого окна, выходящего на улицу, и, зажав между пальцами веточку мирта, размахивая ею, как палочкой фокусника, или проводя ею по губам, зазывали прохожих; Если кто-то из них останавливался, куртизанка делала знакомый знак, приближая безымянный палец к большому, чтобы полузакрытая ладонь образовала кольцо; в ответ на этот знак мужчина просто поднимал в воздух указательный палец правой руки, и женщина тут же исчезала ему навстречу. Затем он подходил к двери и под атриумом находил слугу, который молча, приложив палец к губам, вводил его в комнату, освещенную только дверью, когда отдергивалась плотная занавеска. Как только новый гость переступал порог, служанка брала его за руку и требовала сумму, назначенную хозяйкой дома: он должен был отдать ее, не торгуясь; после этого он мог войти в комнату, и занавеска опускалась за ним. Куртизанка, которую он видел лишь мельком при

свете дня, предстала перед ним как видение в тени этой кельи, где сквозь дверь проникал слабый полумрак. Так что о молодости, свежести, откровенной и чистой красоте в этой сладострастной темноте, которая ничуть не препятствовала формам тела, но делала бесполезным все, что не могло воспринять одно лишь осязание, не могло быть и речи. Однако старость отняла у старых куртизанок счастливую привилегию выглядеть молодыми, лишив их тучности и размягчив плоть, но они не отказались от благ своей профессии, посвятив себя любовному воспитанию юношей, и по-прежнему жили проституцией. При необходимости они также занимались двумя довольно прибыльными делами: изготавливали снадобья для любовников или косметику для куртизанок, а также занимались акушерством. Еще не старая Фебиана писала старой Анисет, которая хотела ее поцеловать: "Одна из моих соседок, страдающая от боли в ребенке, только что послала меня просить милостыню, и я поспешила туда, взяв с собой инструменты для искусства родов".

Эти повивальные бабки и филтеры были еще более искусны в искусстве соблазнения и развращения начинающих девушек; "Письма" Алкифрона и "Диалоги" Лукиана полны галантной диалектики этих старых советчиков разврата. Проституцией собственной дочери обычно занимается мать, которая, лишив девственности эту невинную жертву, продолжает осквернять ее душу. "Не такое уж большое несчастье, - говорила страшная Кробиль своей дочери Коринне, которую она накануне отдала в руки богатого молодого афинянина, - не такое уж большое несчастье перестать быть девушкой и знать человека, который при первом же посещении дарит тебе мину (около 100 франков), на которую я собираюсь купить тебе ожерелье!" Она была рада, что ее дочь так хорошо начала заниматься профессией, которая выведет их обеих из нищеты: "Как я буду это делать?" - наивно отвечала Коринна, - "Как ты только что сделала, и как делает твоя соседка, но она куртизанка? Какая разница? Ты станешь богатой, как она; как она, у тебя будет множество поклонников". Ты плачешь, Коринна? Но посмотри, сколько здесь куртизанок, какой у них двор, как они богаты! Далее следует совет матери, которая ставит в пример дочери аулетриду Лиру, дочь Дафниса: ее вкус к изысканным вещам, привлекательные манеры, веселость, вызывающая самую ласковую улыбку, ее уверенная коммерция скоро сделают ее популярной; если она соглашается пойти за оговоренную цену на пир, она не напивается, деликатно прикасается к еде, пьет без спешки, не болтает лишнего: "Она смотрит только на мужчину, который ее привел; вот что заставляет ее любить его; когда он берет ее в постель, она не опрометчива и не беспечна; она заботится только о том, чтобы угодить и закрепить своего завоевателя". Нет ни одного человека, который бы не похвалил ее. Подражайте ей во всем, и мы будем счастливы". Девушку не слишком пугают условия, которые ставит ей мать, чтобы стать богатой: "Но, - размышляет она, - неужели все те, кто покупает нашу благосклонность, такие, как Лукрит, который вчера получил мою? - Нет, - серьезно отвечает Кробиль, - есть и более красивые, более старые, даже более уродливые... И придется ли мне ласкать их так же, как и других? - Особенно этих, потому что они больше дают. Красивые мужчины только красивы. Подумай только, как разбогатеть". С этими словами мать отправила его в ванну, так как Лукрит должен был вернуться тем же вечером.

Мать Мусария имеет дело не с невежественной девушкой, которая позволяет вести себя с закрытыми глазами и уже не испытывает мук первой любви; девушка любит Череаса, который не дает ей ни гроша и ради которого она продает свои драгоценности и гардероб: куртизанка, совершающая глупости в любви, не любит полусерьезно. Старая мать,

возмущенная этой дорогой, а не плодотворной любовью, близка к тому, чтобы проклясть недостойную ее дочь: "Иди, красней! говорит она ей с гневом и презрением. Ты единственная из всех куртизанок явилась без серег, без ожерелья, без тарентумского платья! О, мать моя, - вскричала Мусария, уязвленная в своем женском самолюбии, - разве они счастливее или красивее меня? Они мудрее, они лучше понимают ремесло, они не верят на слово юношам, клятвы которых только на устах. Для тебя же, новая Пенелопа, верная возлюбленная единственного, ты не признаешь никого, кроме Шереаса. Недавно один арканианец (он тоже был молод!) предложил тебе две мины - цену вина, которое отец послал ему продать в городе, - и разве ты не отвергла его с оскорбительной улыбкой? Тебе нравится спать только с этим другим Адонисом! Что? Оставить Херею ради хама с запахом козла! Хереас - Аполлон, а арканианец - Силен. Ну, он был хам, ладно; но разве Антифон, сын Менекрата, который предлагал тебе шахту, не элегантный афинянин, молодой и очаровательный, как Хереас? - Хереас угрожал мне: я убью вас обоих, если найду вас вместе, - напрасная угроза! Неужели тебе придется отказаться от любовников и перестать жить как куртизанка, чтобы перенять нравы жрицы Цереры? Оставим прошлое; вот Алоэнны, сегодня праздник: что он тебе подарил? - Моя мать, у него ничего нет. - Только не может ли он найти какой-нибудь способ договориться с отцом, чтобы его украл негодяй раб? попросить у матери денег, пригрозить ей, если она откажется, отправиться в первую экспедицию? Но он всегда рядом, преследует нас, скупой монстр, который не дает и не позволяет другим давать!" Мусария не хотела ничего подобного и, несмотря на мать, продолжала позволять ему обкрадывать себя, пока не перестала его любить.

Куртизанки Греции не часто были так бескорыстны, как Мусария, и, потратив время на любовь, они вскоре возвращали его себе, прибегая к помощи тех, кого не любили. Вы входили в их дом только с кошельком в руке и почти никогда не выходили с ним. У них также были разные расценки, а иногда, из отвращения или каприза, они отказывались продавать себя за любую цену. Ксенарх мог сказать в своем *"Пятикнижии"*, цитируемом Афинеем: "Есть стройные, толстые, высокие и низкие женщины; молодые, старые и средних лет. Ты можешь выбирать между ними и наслаждаться в объятиях той, которая тебе больше всего нравится, без необходимости преодолевать стены или прибегать к каким-либо ухищрениям, чтобы добраться до нее. Они сами делают авансы и соревнуются за преимущество принять вас в свою постель". Кобылы, даже морячки и простолюдинки, иногда пользовались своей свободой воли и, даже если у них не было любимого любовника, закрывали уши и двери для определенных ухажеров. Простая рабыня Саламис, которую Гебелл взял из лавки хромого торговца и хотел сделать своей наложницей, противилась увлечениям этого грубого персонажа, который был ей непоколебимо неприятен: "Я меньше боюсь пыток, чем того, чтобы разделить с тобой ложе, - писала она ему. Я не убегала прошлой ночью. Я спряталась в саду, где вы меня искали. Запертая в сундуке, я избежала ужаса ваших объятий. Да, вместо того чтобы терпеть их, я решила повеситься. Я не боюсь смерти и не боюсь открыто объясниться. Да, Гебеллус, я ненавижу тебя. Огромный колосс, ты пугаешь меня; мне кажется, что я вижу чудовище. Твое дыхание отравляет меня. Отправляйся в ад! Пусть тебя соединят с какой-нибудь грязной, беззубой, пропахшей жиром старой Еленой из захолустья!" Алкифрон не сообщает нам, привык ли в конце концов Саламин к чудовищным размерам Гебелла. Купцы, продававшие рабов, выращенных и обученных для любви таким образом, называли себя *андроподокапелои*; эти рабыни, чьи бедра были сжаты веревочными узлами и бинтами, отличались тайными качествами, которые афинские распутники выискивали со скандальным любопытством.

Многие из этих женщин начинали как рабыни; затем какой-нибудь любовник, очарованный их прелестью и благодарный за услуги, выкупал их, или они сами выкупали себя подарками,

которые им дарили. Большинство из них всегда сохраняли подлый и скупой характер рабынь; они постепенно поднимали цену за свои услуги, поскольку фортуна все больше и больше защищала их. Научившись своему ремеслу в диктерионе, где правила внутреннего распорядка не позволяли им получать более одного обола на голову, они вскоре требовали одну-две драхмы, как только становились свободными; вскоре статера золота стало недостаточно, мина казалась им пустяком, и в конце концов они стали просить *талант*, то есть 8 000 франков нашей валюты, когда они были в моде. Это повышение зарплаты происходило очень быстро, если они были красивы, искусны и интриговали. Но это процветание длилось недолго, если им не хватало ума и благоразумия: можно было видеть, как они быстро скатывались в низшие слои неграмотных, и им приходилось довольствоваться несколькими драхмами, вырванными с трудом из бедности или скупости их грубых посетителей. Их видели едущими в великолепных повозках среди процессии рабов и евнухов, нагруженных ожерельями, серьгами, кольцами и золотыми булавками, свежими и благоухающими под марлей и шелком; Вскоре вы снова обнаружите их, покрытых жалкими лохмотьями, с растрепанными волосами, истощенными руками, сморщенными горлами, сидящими под длинным портиком Пирея или бродящими по гробницам Керамика. Наглость этих существ в счастье лишь подчеркивала их унижение в несчастье. Достаточно было судебного иска, болезни или порока, такого как пьянство или азартные игры, чтобы вызвать этот внезапный упадок. Мы не жалели их, видя, как они опускаются на самую низкую степень страдания и деградации, ведь в пору своего великолепия они были бессердечны и безжалостны. Сколько слез, сколько руин, сколько отчаяния было на их счету, ведь, несмотря на свои пороки, несмотря на свою бесславность, они слишком часто давали выход истинным страстям!

Письма Алкифрона полны жалоб несчастных влюбленных, которые видят себя обманутыми или отвергнутыми, и насмешек жестоких хестетов, которые отвергают и мучают их. Здесь это Сималион, погубленный Петалой и влюбленный в нее сильнее, чем когда-либо; там это рыбак Анхений, который, чтобы овладеть своей любовницей, недалеко от того, чтобы сделать ее своей женой; в другом месте, в "Диалогах" Лукиана, это Миртал, который издевается над Дорионом после того, как раздевает его: "Пока я осыпал тебя щедротами, - говорит ему плаксивый Дорион, - я был твоим возлюбленным, твоим мужем, твоим господином; я был для тебя всем; с тех пор как я больше ничем не владею, с тех пор как ты покоришь этого купца из Вифинии, твоя дверь для меня закрыта. Перед этой неумолимой дверью я напрасно проливаю одинокие слезы; но он всю ночь наедине с тобой, опьяненный ласками..... - Что! Ты утверждаешь, что осыпала меня подарками, - с усмешкой отвечает Миртал; я разорил тебя, говоришь ты? Давай посчитаем и посмотрим, сколько ты мне принесла - Да, давай посчитаем, Миртале. Сначала башмак из Сицинии: положим две драхмы... Ты спал со мной две ночи... Продолжим. Возвращаясь из Сирии, я привез тебе вазу, полную финикийских духов, которая обошлась мне, клянусь Нептуном, в две драхмы. - А когда ты уезжала, я подарил тебе короткую тунику, которую оставил у меня моряк Эпиур. - Эпиур узнал ее и забрал у меня, не без борьбы, клянусь богами! Когда я вернулся с Босфора, я привез тебе лук с Кипра, пять сапердов и восемь окуней; еще я привез тебе восемь сухих печений и вазу фиг из Карики, а недавно, как ты ни неблагодарен, я привез тебе несколько золотых бродекинов из Патара. Помню также прекрасный сыр из Гитиума - все это стоило примерно пять драхм... О, Миртале, это все, что у меня было! Каким жалким, наемным кастратом я был! Теперь я возглавляю правое крыло гребцов, а ты нас презираешь! Разве недавно, на праздниках Афродиты, я не положил для тебя драхму серебра к ногам Венеры? Разве я не дал твоей матери две драхмы за твою туфлю? А этому Лиду - два или три обола? В общем, это целое состояние моряка". Миртала только смеется; затем она с гордостью показывает богатые подарки, полученные ею от купца из Вифинии: ожерелье, серьги, ковры, серебро, и,

повернувшись к нему спиной, говорит: "О благословенный любовник Дориона! о! без сомнения, ты привезешь ему лук из Кипра и сыр из Гитиума?" Петала, которая тоже ищет купца из Вифинии и пока не нашла его, пишет Сималиону, чья слезливая и скупость беспокоит ее: "Золото, туники, драгоценности, рабы - вот чего требует мое положение и профессия. Мои отцы не оставили мне богатых владений в Нурунunte, у меня нет доли в доходах от рудников Аттики. Мое богатство составляют неблагодарные дары удовольствия, слишком легкие дары любви, которые эта толпа скупых и глупых любовников платит мне со скупостью. Я живу с вами уже год, снедаемая неудовольствием и бедами. Даже духи не струятся по моим волосам! Эти старые, грубые ткани из Таранто - все мое убранство. Я не смею показаться перед своими спутниками. Найду ли я, в чем существовать рядом с вами? Ты плачешь! Это слишком. Мне нужен любовник, который будет меня кормить. Ты плачешь! Как смешно! Венера! Он боготворит меня, он говорит, что я должна быть отдана ему! Он не может жить без меня! Разве ты не можешь украсть деньги отца, сбережения матери?" Слишком часто случалось, что юноша, ослепленный страстью, поддавался этим роковым предложениям и обкрадывал своих родителей, чтобы удовлетворить алчность хозяйки, которая его не любила и безжалостно отвергала, как только не могла больше ничего от него получить. Поэтому Анаксилай был прав, сказав в одной из своих комедий: "Из всех свирепых зверей нет более опасного, чем собственник."

Куртизанки, какими бы жадными они ни были, осаждали алтари богов и богинь с жертвами и подношениями; но они просили у божеств не любящих и преданных сердец, не красивых и хорошо сделанных поклонниц: Все, о чем они заботились, - это получение прибыли, и они надеялись, что, принеся подношение в храм, бог или богиня этого храма пошлет им роскошные останки богатого старика из Азии или Африки. Поэтому их щедрость, даже по отношению к вершителям судеб, была не более чем спекуляцией и своего рода ростовщичеством. Как только они совершали удачную сделку и находили дурочку, они шли благодарить божество, которому, по их мнению, они были обязаны этой счастливой удачей; они не скупились на богов и жрецов, надеясь, что вскоре будут вознаграждены новой прибылью. Мать Мусарии, раздраженная тем, что ее дочь не получает денег от Хереса, иронично восклицала: "Если мы найдем другого такого любовника, как Херес, нам придется принести козу в жертву Венере-Пандемос! телку Венере-Урании! еще одну телку Венере-Жардиньер! мы должны будем посвятить корону богине богатства!" Дикерид Лисидис, вынужденный восхвалять Венеру-Популярную, делает ей необычное подношение, напоминающее эмблематические броши, принесенные куртизанкой Родопис в храм Аполлона Дельфийского: "О Венера! Лисидис предлагает тебе эту золотую шпору, которая принадлежала одной прекрасной ноге. Она оживила не одного ленивого коня, и хотя она махала ею с большой ловкостью, ни разу бедро коня не было окровавлено ею; гордое животное достигало конца своей карьеры без того, чтобы ей понадобилось подстегивать его. Она повесила это оружие в центре твоего храма". Ученые комментаторы греческой антологии не имеют однозначного мнения об этой шпоре, которая, по мнению одних, представляет собой шпору сладострастия и жало разврата; по мнению других, нетерпеливую просьбу куртизанки, истощающей кошелек своих клиентов; по мнению третьих, инструмент женского либертинизма, способствующий ошибкам распутного воображения. В Коринфе куртизанки приносили себя в жертву и посвящали Венере, которая получала доходы от этой священной проституции.

Куртизанок в Коринфе было больше, чем в Афинах, отсюда и знаменитая пословица, прошедшая через всю античность и дошедшая до нас с несколько измененным смыслом: "*Не каждому дано побывать в Коринфе*". Этой пословице приписывают разное происхождение, и все они связаны с известными куртизанками города. Аристофан в своем

"Плуте" объясняет эту пословицу, говоря, что "женщины Коринфа отталкивают бедных и приветствуют богатых". Страбон более откровенен, рассказывая о том, как купцы и мореплаватели, высадившиеся в Коринфе во время праздников Венеры, находили среди почитателей богини столько очаровательных женщин, что были полностью разорены, еще не ступив в город. Страбон воспроизводит ту же пословицу в другом месте с вариацией, которая оправдывает смысл его комментария: *"В Коринф нельзя попасть безнаказанно"*. Куртизанки из всех стран и всех сословий изобиловали в этом роскошном городе, где в храмах Венеры публично обучались проституции. Торговля развратом по-прежнему была самой активной и обширной в этом огромном и многолюдном хранилище вселенской торговли. Все или почти все женщины занимались продажной любовью; каждый дом был похож на диктерион. Однажды одна куртизанка сидела в гавани, наблюдая за прибывающими кораблями и высматривая новые жертвы; ее упрекнули в лени и сказали, что ей лучше прясть шерсть и ткать полотно, чем сидеть со сложенными руками: "Что вы говорите о лени? сказала она; мне не понадобилось много времени, чтобы заработать все полотно, которое может поместиться в парусах трех кораблей! Как отмечает Страбон, под этим она подразумевала, что заставила трех морских капитанов продать свои корабли, чтобы заплатить ей. В своей пьесе *"Серкопы"* комический поэт Эвбул изобразил бедного дьявола, который весело признался, что его ограбили таким образом: "Я отправился в Коринф, - сказал он, - и погубил себя там, съев некий овощ под названием *оцим* (куртизанка или василиск); я наделал столько глупостей, что потерял даже свой плащ". Поэт обыгрывает двойное значение слова *οσίτη*, которое означает и *куртизанку*, и *василиска*, и таким образом является образной аллюзией на то, что эта ароматная трава считалась любимым растением скорпионов. Когда Дионисий Тиран, изгнанный из Сиракуз, укрылся, презираемый и несчастный, в Коринфе, он хотел сделать зонтик из презрения, которое он внушал, и несчастья, в которое он погружался все глубже и глубже: так, согласно сообщению Юстина, он проводил целые дни в тавернах и диктерионах, жил на океанах и пачкал себя всеми видами непристойностей.

Большинство из них были родом с Лесбоса и других островов Малой Азии, Тенедоса, Абидоса и Кипра, как бы отдавая дань традиции, по которой Венера возникла из пены Эгейского моря. Большое количество было взято из Милета и Финикии, которые предоставляли самых пылких. Но самыми сладострастными, самыми искусными в искусстве сладострастия были лесбиянки, настолько, что в их честь был создан новый греческий глагол, заимствованный из их имени, *λεσβιάζειν*, который означал не только заниматься любовью, но и делать это с искусством. Финикийским женщинам также посчастливилось наделить греческий язык глаголом, который имел то же значение, если не тот же объем: *φοινικίζειν*, заниматься любовью по-финикийски. Это была похвала, к которой стремились куртизанки, независимо от их родины или родины их матрон. Милет был как бы яслями для танцовщиц и флейтисток, *аулетрид*, которые служили на пирах Греции; но Лесбос и Финикия посылали гетеры, которых Коринф принимал в свое лоно, как огромный гинецей, где проституция имела свою публичную школу. Гомер среди подарков, которые Агамемнон преподнес Ахиллу (*"Илиада"*, IX), самодовольно упоминает "семь женщин, искусных в прекрасных работах, семь лесбиянок, которых он выбрал для себя и которые выиграли у всех других женщин приз красоты". *Прекрасные работы*, которые характеризовали мастерство этих лесбиянок, были не из тех, которые умела делать целомудренная и трудолюбивая Пенелопа.

Помимо этих таинственных трудов любви, которые с ранних лет составляли усердное изучение куртизанок, их нравственное воспитание, если можно употребить здесь это

выражение, состояло из некоторых бесчестных наставлений, которые можно было применить ко всем условиям гетеры, от самого гнусного диктериона до великого аристократического ловеласа. Конечно, не Солон составил этот общий кодекс для куртизанок. То тут, то там в греческой эротике мы находим основные уроки, которые куртизанки передавали друг другу и которые можно разделить на три особые категории: 1^о искусство вызывать любовь; 2^о искусство увеличивать и поддерживать ее; 3^о искусство делать на ней как можно больше денег. Рекомендуются, - говорит один из самых искусных в этом деле в "Письмах Аристенета", - заставлять молодых влюбленных испытывать некоторые трудности, а не предоставлять им все, о чем они просят. Эта хитрость предотвращает пресыщение, поддерживает желания влюбленного к любимой женщине и делает его благосклонность все более новой. Но не следует заходить слишком далеко: влюбленный устает, раздражается, строит другие планы и заводит другие связи; любовь улетучивается так же легко, как и появилась". Аристенет, который, хотя и был философом, не гнушался учиться у куртизанок, сформулировал ту же теорию в другом письме: "Удовольствия, на которые надеются, - говорит он, - имеют в виду сладость, невыразимое очарование; они оживляют и поддерживают всю живость желаний. Как только они получены, на них больше не обращают внимания". Люсьен в *"Рассуждениях о тех, кто служит великим"* одобряет тактику гетер, которые в чем-то отказывают своим возлюбленным: "Лишь изредка, - говорит он, - они позволяют им несколько поцелуев, потому что по опыту знают, что наслаждение - могила любви; но они не оставляют камня на камне, чтобы продлить надежду и желание". Вот как Гетеры пробуждали, оживляли, развивали и углубляли созданную ими любовь. Они не менее изобретательно провоцировали ее, и средства, которые они использовали для этого маневра, становились тем изысканнее, чем больше они обращались к более знатному мужчине и чем больше они сами принадлежали к более высокому классу куртизанок.

У хозяйки, даже самой неопытной, были свои способы привлечения мужчин; ее внешность, улыбки, позы и жесты были более или менее привлекательными приманками, которые она бросала вокруг себя: Иногда она симулировала рассеянность и безразличие, иногда была неподвижна и молчалива, иногда бежала за своей добычей, хватая ее на ходу и не отпуская, иногда искала толпу, а иногда одиночество. Ее ловушки меняли форму и вид в зависимости от вида дичи, которую она собиралась поймать. Все они обладали провокационным и развратным смехом, который издавала возбуждал нечистые помыслы, обращаясь к чувствам, а вблизи заставлял сверкать зубы из слоновой кости, подрагивать коралловые губы, появляться капризные ямочки на щеках и дрожать алебастровое горло. Это был *кахиннус*, описанный святым Климентом Александрийским как смех куртизанок. Занимая более высокое положение, хозяйка поместья располагала и более приличными, но не менее надежными способами соблазнения. Она посылала рабыню или служанку написать углем на стенах Керамика имя мужчины, которого хотела пленить; как только он замечал ее, она посылала ему букеты, которые несла, и фрукты, которые надкусывала; она посылала ему сообщение о том, что больше не спит, не ест и беспрестанно вздыхает. Мужчина, каким бы холодным и суровым он ни был, редко бывает бесчувственным к чувствам, которые, как ему кажется, он внушает. Она бежала обнимать его, когда он приезжал, - пишет Люсьен в своем *"Токсарисе"*, - она останавливала его, когда он хотел уехать; она притворялась, что одевается только для него, и умела смешивать слезы, презрение и вздохи с привлекательностью своей красоты, очарованием своего голоса и своей лиры. Это были уловки, которые хорошо обученный ловелас должен был использовать почти с неизменным успехом. Этим приемам кокетства и обмана старухи, бывшие куртизанки, обычно учили новичков, которых они обучали за свой счет.

Знаменитая Нера была обучена таким образом женщиной по имени Никарета, вольноотпущенницей Харисия и женой Гиппия, повара Харисия. Никарета купила семь маленьких девочек: Антию, Стратоле, Аристоклею, Метаниру, Филу, Истмиаду и Неру; она умела с самого раннего детства угадывать тех, кто будет выделяться своей красотой; "она прекрасно понимала, как их воспитывать", - говорит Демосфен в своем выступлении против Неры: "это была ее профессия, и она зарабатывала этим на жизнь". Она называла этих семь рабынь своими дочерьми, чтобы заставить людей поверить, что они свободны, и получить больше денег от тех, кто хотел иметь с ними дело; она продавала девственность каждой из них пять или шесть раз, а затем продавала их сама. Но этих рабынь так хорошо учили, что вскоре они смогли выкупить себя на собственные деньги и продолжить свое ремесло куртизанок. Услуги свободной девушки стоили дороже, чем услуги рабыни или вольноотпущенницы. Цена была еще выше, если хозяйка отдавала себя за замужнюю женщину, хотя прелюбодеяние каралось смертью. Но этот закон почти никогда не применялся: виновную просто отдавали на усмотрение обиженного мужа, который обычно довольствовался тем, что его стягивали стременами. Смерть обычно компенсировалась денежной суммой, выплачиваемой в качестве компенсации и выкупа прелюбодеем, который был вынужден спасаться от мучений, столь же болезненных, сколь и нелепых, ведь если он не искупит свою вину, муж оставит его на милость рабов, которые жестоко выпороли бы его и засунули бы ему в зад огромный черный редис. Согласно Афинею, так наказывали за прелюбодеяние, от которого восточные народы сохранили кое-что в пытках бледнолицых. Страх перед черной редькой часто использовался с пользой, заставляя некоторых одураченных людей поверить, что они понесли это наказание, неосознанно совершив прелюбодеяние. Нет ничего проще, чем представить себе, что муж разгневан, предположив, что замужняя женщина была поймана на месте преступления: "О Венера, восхитительная богиня, - взывает поэт Анаксилай, - как можно рискнуть броситься в их объятия, если вспомнить о законах Дракона! как можно осмелиться даже прильнуть к их губам! Похоже, что, несмотря на законы Дракона, были замужние женщины, которые практиковали профессию хозяйки без ведома мужа. Мегара в письме к своей спутнице Вакхиде, которое ритор Алкифрон не имел скромности разорвать, утверждает, что Филумена, хотя и недавно вышедшая замуж, была на развратном празднике, где происходили самые постыдные эксцессы: "Она нашла секрет, как туда попасть, - говорит она, - погрузив своего дорогого мужа в глубочайший сон" с помощью зелья.

Эти усыпляющие зелья, как и приворотные, были особенно распространены среди куртизанок и развратниц, единственным занятием которых была любовь. Продажей или приготовлением зелья занимались, как мы уже говорили, старухи. Приготовление этих зелий считалось магическим действием, и старухи, владевшие этим секретом, обычно получали его от колдуний Фессалии или Фригии. Феокрит и Лукиан раскрывают некоторые из таинственных церемоний, сопровождавших приготовление зелья, а Лукиан рассказывает, в частности, о том, что куртизанки часто прибегали к ним, чтобы быть любимыми или ненавистными. Покинутая своим возлюбленным, который предпочел Горгону, Таис объяснила свою неверность филтрами, которые умела готовить мать Горгоны: "Она знает, - говорила она, - секреты всех фессалийских чар; по ее голосу спускается луна. Ее видели порхающей в воздухе посреди ночи". Это чары, которые ослепляют бедного неверного, скрывая от него морщины и уродство чудовища, которое он любит только благодаря магическому воздействию. Чтобы вернуть своего возлюбленного Харина, которого отнял у нее Симмик, Мелисса просит Вакхиса привести к ней чаровницу, чья сила может заставить ненавистную женщину полюбить тебя, а любимую - возненавидеть: "Я знаю, моя дорогая, - отвечает Вакхис, тронутый горем своей спутницы, - одну чаровницу из Сирии, которая сделает тебе добро. Именно она через четыре месяца примирила меня с Фаниасом:

волшебное заклинание вернуло его к моим ногам, когда я уже отчаялась увидеть его снова... А что требует старуха? спрашивает Мелисса, - ты помнишь? Ее искусство не дорого, Мелисса. Ей дают драхму и буханку хлеба, семь оболов, соль, духи, факел и чашу, полную питья, которую она одна должна опорожнить. Также должно быть что-то, что досталось от возлюбленного: одежда, туфля, волосы или что-то подобное - у меня до сих пор хранится одна из его туфель - женщина вешает все на палку, очищает в выдыхаемом духами дыму и бросает в огонь соль. Затем она произносит два имени. Затем она достает из груди шарик, разворачивает его и быстро произносит свое заклинание, состоящее из нескольких варварских слов, которые заставляют содрогнуться. Существовало несколько видов зелий: те, которые заставляли людей любить, те, которые заставляли людей ненавидеть, те, которые делали мужчин импотентами, а женщин бесплодными, и те, которые вызывали смерть. Использование этих зелий было более или менее опасным, так как многие из них содержали настоящие яды, и все же гетеры постоянно использовали их в соответствии со своими желаниями или страстями. Аристотель рассказывает, как женщина заставила мужчину принять зелье, и он умер от него, но Ареоп, перед которым женщина предстала, не осудил ее на том основании, что ее намерением было не убить своего возлюбленного, а возродить угасшую любовь: намерение искупало убийство. Согласно Диоскориду, корень цикламена, растолченный и растертый в гранулы, считался средством против самых страшных фильтров.

Чтобы довести мужчину до импотенции или женщину до бесплодия, им вливали вино, в котором был надушен сурмулет. Если хотели заставить неверного возлюбленного вернуться, замешивали лепешку из пресной муки и давали ей сгореть в костре, разожженном с помощью тимьяна и лавровых веток. Чтобы превратить любовь в ненависть, за человеком, которого хотели заставить ненавидеть, шпионили, следили за его шагами и, не замечая, ставили правую ногу на место левой, а левую - на место правой, негромко говоря: "Я иду над тобой, я над тобой". Волшебница, вращая магический шар, произносила такие слова: "Как медный шар катится под покровительством Венеры, так пусть мой любовник катится к моему порогу!" Иногда она бросала в магическое пламя восковое изображение, к которому прикрепляла имя мужчины или женщины, которых хотела посвятить любовному пылу: "Как я растоплю этот воск под покровительством бога, которого вызываю, - бормотала заклинательница, - так и ледяное сердце, которое я хочу воспламенить, растопится от любви". Это были торжественные заклинания, сопровождавшиеся таинственными жертвоприношениями и тайными практиками. Обычно, однако, требовался лишь напиток или мазь, а определенные травы или лекарства использовались для получения наркотического, охлаждающего, спазмолитического или афродизиатического эффекта. Миррина писала Никиппу: "Употребление фильтра очень опасно; часто оно даже смертельно для того, кто его принимает. Но кого это волнует? Дифил должен жить, чтобы любить меня, или умереть, любя Фессалу". Куртизанки, озабоченные любовью, удачей, честолюбием или местью, также часто обращались к фессалийским женщинам, чтобы узнать будущее, узнать исход начавшегося приключения, проникнуть в темноту судьбы. Гликерий в письме к поэту Менандру рассказывает о фригийской женщине, которая "может прорицать с помощью неких камышовых шнуров, которые она протягивает ночью: когда они шевелятся, она узнает волю богов так же ясно, как если бы они явились к ней сами". Этой магической операции должны были предшествовать различные очищения и жертвоприношения с использованием мужских благовоний, продолговатых гранул стиракса, лепешек, приготовленных при лунном свете, и листьев дикого портулака. Эти чары использовались для получения известий об отсутствующей любовнице или далеком возлюбленном. Что касается зелий, предназначенных для пробуждения любви, то они были настолько сильными и страшными, что их умеренное употребление приводило в ярость Менад и Корибантов, а злоупотребление этими амурными стимуляторами вызывало безумие или смерть.

У гетайров были ревность, обиды и ненависть между собой, что часто заставляло их мстить подобным образом. Например, речь шла о том, кто отнимет богатого и красивого любовника у той, у кого он был, и в этой войне женского соперничества использовались все наименее честные средства, чтобы добиться торжества тщеславия или алчности. Эти женщины думали только о том, чтобы обогатиться и удовлетворить себя за счет друг друга; они были вечными соперницами, а зачастую и непримиримыми врагами. Когда Горгона, притворившаяся подругой Глицеры, отняла у нее возлюбленного, Таис утешила ее словами: "Мы, куртизанки, часто играем сами с собой". Затем она заключает: "Горгона оциплет его, как ты оципала его, и как ты оциплешь другого". Перевод Перро д'Абланкура здесь более выразителен, чем греческий текст Лукиана, в котором просто говорится: "Ты найдешь другую добычу". Несмотря на вред, который они причинили друг другу, гетеры остались друзьями, вернее, они не рассорились из-за политики. Их связывал общий интерес, *esprit de corps*, который вскоре вновь объединял их, когда они на какое-то время расходились. В душе они ненавидели друг друга еще больше, несмотря на улыбки, ласки и взаимную лесть. Но когда они любили друг друга, они любили друг друга до безумия, и не было ничего более распространенного, чем лесбийская любовь куртизанок. Этот вид любви, не подвергавшийся в Греции категорическому осуждению, не боялся ни наказания законов, ни анафем религии. Именно в диктериях, именно среди заключенных женщин эта *контрлюбовь* (αντερος) царила со всеми ее вспышками. Куртизанка, обладавшая этим противоестественным вкусом (τρίβας), не внушала мужчинам ничего, кроме ужаса, но она тщательно скрывала от них порок, который находил слишком большое потворство среди ее спутниц. Сафо обвиняли в скандальном развитии лесбийской любви и в философских теориях, на которых она утвердилась как культ, основанный на догме. Сафо была наказана за презрение к мужчинам, за любовь, которую Фаон внушил ей, не разделяя ее; но зло, которое Сафо причинила своими доктринами и своим примером, распространилось по греческим нравам, заразило все классы женщин и проникло даже в гинекеи скромных дев и почтенных матрон.

Мы не скажем ничего более того, что говорит Лукиан по этому щекотливому вопросу, и выберем только самый приличный перевод. Диалог между Клеонарием и Линой похож на картину, написанную с натуры одним из афинских художников, изображавших куртизанок: "Клеонарий. Чудесные новости, Лина! Говорят, что ты стала любовницей богатого Мегилла, что вы соединились и что Я не знаю, что это такое? Ты краснеешь? Может, это правда? Это правда, мне стыдно... Странное дело! Клеонарий. Э! Как? Церера! И на что претендует наш пол? И что ты делаешь? Куда ведет эта плева? Ах... ты мне не друг, если скрываешь от меня эту тайну... Лена. Я люблю тебя так же, как и другую женщину, но Мегилла действительно мужчина.- Клеонарий. Я не понимаю. Может, она трибад? Говорят, что на Лесбосе полно этих женщин, которые, отказываясь торговать с мужчинами, заменяют мужчин женщинами.- Лина. Что-то похожее. Клеонарий. Расскажи мне, Лена, как ты пришла, чтобы выслушать ее страсть, разделить ее, удовлетворить ее? Мегилла и Демонасс, богатые коринфяне с похожими вкусами, устраивали оргию. Меня взяли туда, чтобы я пел и играл на лире. Пение и ночь затянулись: пора было отдыхать, они были пьяны. Тогда Мегилла сказал: "Лина, пора спать, иди и спи здесь, между нами! Согласна ли ты? Тогда? Лина. Сначала они осыпали меня мужскими поцелуями, не только принося своими губами к моим, но и полуоткрывая рты. Я почувствовала себя в их объятиях: они ласкали мою грудь; Демонасс укусил меня, когда целовал. Что касается меня, то я не знала, к чему все это приведет. Наконец Мегилла, разгоряченная, откинула головной убор и прижалась ко мне, угрожая мне, как атлет, молодой, крепкий и... Я был тронут. Но она сказала: "Ну! Лена, ты видела более красивого мальчика? Мальчик, Мегилла? Я не вижу здесь ни одного. Перестань смотреть на меня как на женщину, меня зовут Мегилл, я вышла замуж за Демонасса". Я рассмеялся: "Я не

знал, красавец Мегилл, - сказал я, - что ты здесь, как Ахилл среди девственников Скироса. Тебе, вероятно, не хватает ничего, что характеризует юного героя, и Демонасс испытал это на себе... Вот-вот, Лина, и в этом виде удовольствия тоже есть свои прелести... Так ты один из тех гермафродитов с двумя органами... (Как я был прост, Клеонарий!) - Нет, я мужчина во всех отношениях. - Это напоминает мне историю, рассказанную беотийской ауретридой: женщина из Фив была превращена в мужчину, и этот мужчина стал знаменитым прорицателем по имени Тиресий. С тобой не случилось такого? - Нет, Лина, я такой же, как ты, но чувствую необузданную страсть и жгучие желания человека. - Желания?... И это все? - Поддайся моим ласкам, Лина, и ты увидишь, что мои ласки мужественны, во мне есть даже что-то мужское: поддайся, и ты почувствуешь". Она долго упрашивала меня, подарила мне драгоценное ожерелье и пелену. Я поддался на ее уговоры; тогда она поцеловала меня, как мужчина: она поверила в себя, поцеловала меня, заволновалась и поддалась сладострастию" - Клеонарий. А каковы были твои ощущения, Лина? Где? Как? Лена. Не спрашивайте меня об остальном. Настоящая мерзость! Клянусь Уранией! Я не открою этого".

ГЛАВА IX.

Sommaire.-Les joueuses de flûte.-Le dieu Pan, le roi Midas et le satyre Marsyas.-Les aulétrides aux fêtes solennelles desieux.-Aux fêtes bachiques.-Intermezzos.-Названия различных мелодий, исполняемых аулетридами во время еды - *Гинграс* или триумфальная мелодия - *Каллинийская* песня - Превосходство беотийцев в искусстве игры на флейте - Сохраненная надпись святого Иоанна Златоуста. Превосходство фригийских, ионийских и милезийских флейтистов - Их наем для банкетов - Философ и балладист - Танцовщицы - Отличительный тип разврата флейтистов - Страсть афинян к аулетридам - Восторг, вызванный флейтистами на пирах - Бромиядес, флейтист - Возмущение Полибия по поводу богатства некоторых публичных женщин.-Танцовщицы царя Антигона и аркадских послов - Чем отличались аулетриды от своих соперниц в проституции - Филина и Дифила - Связи между аулетридами. Любовь аулетриды Чармиды к Филематию - Развращенные нравы аулетридов - *Каллипигуанские* пиры - Публичные бои красоты, учрежденные Кипселом - Иродике - Хризофоры или *золотоносцы*. - Письмо от аулетриды Мегары к гаэтористу Вакхиду - Борьба между Мирриной и Пираллисом - Филумена - Молодые люди допускаются в качестве зрителей на оргии куртизанок. Ужин трибадов. - Письмо от владыки Гликера к владыке Вакхиса. - Влюбленность Иоэссы и Лисия. - Пифия. - Ординарная незаинтересованность Аулетридов. - Тариф за ласки модного флейтиста. Записка Филумены к Критону. - Письмо Петалы к ее любовнику Сималиону. - Веселый характер аулетридов. - Неудачные приключения флейтистки Парфенис. - Фермер Горгус и его любовница Крокаль. - Происхождение прозвищ некоторых знаменитых аулетрид: *Серполет, Птичка, Яркая, Осенняя, Глухая, Цветочная, Белая, Филе, Промонтори*, Синорис, Эвклея, Грамине, Хиероклея и т. д. - Пылкая Формезия. - Немеада. - Филира. - Любовь Алкивиада к Симэте. - Антея. - Нанно. - Суждение трех Каллипигов. - Ламия. - Страстная любовь Деметрия Полиоркета, царя Македонии, к этой знаменитой аулетриде. - Как Ламия стала любовницей Деметрия - Письмо этой куртизанки своему царственному любовнику - Ревность к другим любовницам Деметрия: Лине, Хризе, Антипире и Демону. - Амурные тайны Ламии, о которых сообщают Махон и Афиней - Происхождение прозвища Ламия или *Личинка* - Послы Деметрия при дворе Лисимаха, царя Фракии - Эпиграммы Лисимаха на Ламию. - Ответы Деметрия. - Письма Ламии к Деметрию. - Суд Бокхориса, царя Египта, между Тонисом, членом армии, и молодым египтянином. - Шутка Ламии по поводу этого суда. - Действия Деметрия в пользу Ламии. - Доходы афинян на мыло, использованное для ухода за куртизанкой. - Огромное богатство Ламии. - Здания, построенные ею за свой

счет. -Полемон, поэт на жалованье у Ламии. -Величие пиров, которые Ламия давала Деметрию -Как она отплатила за них -Смерть Ламии -Беспомощность афинян, которые обожествили ее и построили храм в ее честь -Жестокое слово от Демоса, соперника Ламии.

Среди упомянутых нами куртизанок, согласно Лукиану и Афиней, было несколько флейтисток, и, как мы уже говорили, когда перечисляли основные типы женщин удовольствия, выделявшиеся у греков, флейтистки составляли отдельный класс в том, что мы называем *колледжем* куртизанок. Они были более или менее похожи на дикеридов и гетер, но в целом отличались от них, потому что не были пристроены к публичным домам и не принадлежали неизбежно первому встречному; с другой стороны, люди не искали у них тех отвлечений ума и интеллекта, которые можно было найти у большинства гетер; наконец, хотя они разбогатели благодаря проституции, у них было и ремесло, которое могло их поддержать. Иногда это ремесло было весьма прибыльным. Поэтому они не принимали титул куртизанки, хотя и делали все возможное, чтобы оправдать его. В их глазах носить титул своей профессии всегда было признаком свободы и независимости. Поэтому они называли себя *флейтистками*, и под этим именем они без колебаний становились более куртизанками, чем те, кто называл себя таковыми. Мы видели, что в определенных обстоятельствах женщины-флейтистки связывали себя с мерзостями трибунов; мы также видели, какой совет получила Мусария от своей матери; нет сомнений, что эти женщины были готовы удовлетворить страсти, которые они вызывали звуками своих инструментов и зрелищем своих танцев; но все же аулетрида, строго говоря, не была женщиной в одежде. Последние, напротив, не обращали внимания на куртизанок, у которых не было другого статуса, кроме как собирать часть желаний и волнений, которые она сама хвасталась вызывать своими танцами и флейтами.

Флейта была любимым инструментом афинян; ее изобретатели пользовались большим уважением и восхищением всех людей: богу Пану приписывали изобретение чалумо или одинарной флейты, Мидасу, царю Фригии, - поперечной флейты, а Марсию - двойной флейты. С тех пор эти различные флейты были значительно усовершенствованы, а искусство получения мелодичных звуков также доведено до совершенства. Особенно преуспели в этом искусстве женщины, которые считались самыми сильными помощниками в сладострастии. Древние поэты, которые, возможно, только презирали флейтистов, тщетно пытались вырвать инструмент Марсиады из прекрасных рук аулетрид, придумав гениальную басню, в которой они показали Палласа, возмущенного уродством лица от игры на флейте, и запретили использовать этот инструмент, заставляющий нимф гримасничать: Число аулетрид только увеличивалось, и их присутствие на праздниках стало совершенно необходимым. В самом деле, было признано, что если женщины-флейтистки надували щеки, поджимали губы и на мгновение нарушали гармонию черт лица, то они были не менее очаровательны, когда клали свои инструменты и прекращали концерты, чтобы принять более или менее активное участие в праздниках. Более того, большинство из этих музыкантов научились уважать свою красоту и играть на двойной флейте так же хорошо, как и на одинарной, не изменяя своей сладострастной физиономии неловкими усилиями и движениями. Поэзия взяла на себя труд реабилитировать флейту, и хотя искусная скульптура изобразила Минерву в мраморе, наказывающую сатира Марсия за то, что он подобрал выброшенную ею флейту, поэты истолковали гнев целомудренной богини, обвинив звуки флейты в убаюкивании мудрости и нежном влечении в объятия наслаждения.

Флейты звучали и на торжественных праздниках богов, особенно на празднике Цереры, который был бы неполным, если бы Аулетриды не играли там свою обычную роль - флейтистов и танцоров; но именно на вакхических праздниках, во время веселых застолий,

чудесный инструмент Марсия проявлял свою неодолимую силу. Каждый перерыв в трапезе объявлялся своей мелодией: *комос* - при первом блюде, *дикомос* - при втором, *тетракомос* - при третьем. Если гости казались довольными поданными им едой и вином, мелодия под названием *hedicomos* выражала их удовлетворение и свидетельствовала об их хорошем настроении; если они аплодировали, триумфальная мелодия под названием *gingras* смешивалась с их аплодисментами и имитировала шумный концерт. Существовала также мелодия, известная как *каллиническая* песня, которая прославляла подвиги пьющих и оживляла их пьяные вызовы. Двойная флейта, состоящая из мужской флейты, которую держали в правой руке, и женской флейты, которую держали в левой, поддавалась всем ухищрениям имитационной гармонии: она точно передавала в низких или высоких тонах самые непередаваемые звуки, а вместе с ними и самые мимолетные эмоции. Сотрапезники по столу, наэлектризованные и покоренные этой волнующей музыкой, забывали о чаше в руке и в экстазе откидывались на спинки кроватей, следя глазами и ушами за ритмами песни и танца. Их опьянение длилось целые ночи: "Я могу сказать себе, - писала Ламия Деметрию, - что именно этот принц приходит разделить с тобой ложе, именно он проводит ночь, слушая твою игру на флейте! Я сама в это не верю". Эти игры на флейте иногда сопровождались песнями, что еще больше характеризовало их выражение и цель; они также регулировались в соответствии с танцами и пантомимой, которые обычно сопровождали их и имели такое же разнообразие, как и они сами. Пантомима, танцы, сладострастные песни служили прелюдией к сценам сладострастия, в которых аулетриды не оставались безучастными.

На заре Греции искусство игры на флейте высоко ценилось юношами, которые даже предпочитали его искусству игры на лире; Но когда фиванцы и другие беотийцы, которых пословица обвиняет в природной глупости и чей интеллект, правда, не был так развит, как у афинян, когда эти грузные и грубые дети Беотии превзошли всех своих соотечественников как флейтисты, этот инструмент был оставлен женщинами и объявлен недостойным свободных мужчин, за исключением тех провинций, где он находил таких искусных исполнителей. Нравы стали портиться, и Азия, особенно Фригия и Иония, отправила множество аулетридов в Афины, Коринф и главные города Греции. Фиванцы сохранили свое превосходство или, по крайней мере, репутацию в искусстве игры на флейте, настолько, что во втором веке нашей эры статуя Гермеса, все еще стоящая среди руин Фив, сохранила надпись, о которой повествует святитель Иоанн Златоуст: "Греция дарует тебе, о Фивы, превосходство в искусстве игры на флейте. Фивы почитают в тебе, о Паномос, мастера этого искусства". Но, несмотря на инструментальное превосходство Фив, фригийские, ионийские и мимесские флейтисты не имели конкурентов. Они не только играли на флейте, но и пели, танцевали, пантомимировали, были красивы, хорошо сложены и самовлюбленны. Их вызывали всякий раз, когда нужно было развлечь гостей; их нанимали на вечер или на ночь: условия найма варьировались в зависимости от потребностей случая; цена - в зависимости от достоинств и красоты субъектов. Обычно флейтистка просила заплатить ей только за музыку и танцы: она оставляла за собой право заключать другие сделки во время ужина. Если флейтистка была рабыней и ее эксплуатировал хозяин или мать, то после упражнений ее выставляли на аукцион и она ложилась в постель последнего покупателя. Афиней рассказывает, что один философ, гордившийся своей строгостью, ужиная однажды с молодыми развратниками, с презрением отверг подошедшую к его ногам аулетриду, как бы желая поставить себя под защиту своей философии; но эта свирепая философия очеловечилась, когда баладинка продемонстрировала свои грации и станцевала под звуки флейты; философ забыл свою белую бороду и стал торгами, чтобы получить эту очаровательную девушку, которая держала на него обиду: Но она не была ему продана, и он впал в страшную ярость, заявив, что его ставки не были учтены и что торги недействительны.

Но аулетрида не хотела, чтобы ее продавали снова, и философ вступил в кулачный бой со своими соседями.

Не все ауретриды танцевали, не все танцовщицы играли на флейте: "Я уже говорил вам, - говорит Аристагор в *"Маммекифе"*, - о прекрасных танцующих куртизанках (ὄρχαστρίδας ἑταίρας); я не буду больше говорить о них, оставляя в стороне и тех флейтисток, которые, будучи едва ли не девственными, утомляют самых крепких мужчин, делая себе хорошую плату". Эти флейтисты владели методами разврата, по выражению поэта, способными истощить самого Геракла и похудеть Силена. Распутники, познавшие все тонкости азиатской похоти, уже не могли обходиться без них, и в конце трапезы, когда все их чувства были перевозбуждены звуками флейт, их часто охватывали приступы эротической ярости, и они бросались друг на друга, нанося удары, пока победа не решала, кому принадлежит флейта: "Чтобы одобрить это, - воскликнул Антифан Комик, - вы, должно быть, часто бывали на этих обедах, где каждый платит за себя сам, и не раз получали и наносили удары в честь какой-нибудь куртизанки!" Чем ожесточеннее был бой, чем громче были удары, тем больше гордилась царица сражением и тем больше награждала своего победителя, за здоровье которого наполняли все кубки и увенчивали их розами. Страсть афинян к Ауретридам достигла своего апогея, и, если верить *"Филиппикам"* Теопомпа, от одного конца Греции до другого слышались только флейты и кулачные бои. Авретриды, которые, как правило, были менее заинтересованы, чем гетарии, но и более влюбчивы, не стали противиться галантному предложению: "Не обращай за удовольствием к великим гетариям, ты легко найдешь его среди флейтистов! Такой совет дал Эпикрат своим согражданам в *Антилаусе*. Понятно, что честные женщины никогда не посещали эти оргии, а появление в пиршественном зале аулетрид обращало их в бегство еще до того, как они слышали звук флейты.

Эти флейтисты вызывали такой восторг своей либидинозной музыкой, что гости срывали с себя кольца и ожерелья, чтобы предложить их им. Одной искусной флейтистке не хватило двух собственных рук, чтобы принять все подарки, которые ей преподнесли на трапезе, где ее музыка вскружила всем головы. Теопомп в своем ныне утраченном труде о кражах в Дельфах сделал надпись на votivном мраморе рядом с железными брошами куртизанки Родопис: "Фейл, тиран фокейцев, дарит Бромиаде, флейтистке и дочери Диниады, серебряный кархезий (кубок в форме гондолы, установленный на ножке) и золотой киссибион (венки из плюща)". Во время определенных трапез вся золотая и серебряная посуда проходила мимо, и всякий раз, когда флейтист находил более пьянящие звуки, танцовщица - более акцентированные шаги и жесты, на нее сыпался дождь цветов, драгоценностей и монет, которые она останавливала на своем пути с удивительной ловкостью. Этот тип куртизанок разбогател быстрее, чем все остальные, и накопил значительное состояние, как только вошел в моду. Полибий возмущен тем, что самые красивые дома в Александрии носили имена Мирции, Мнесис и Потине: "И все же, - говорит он, - Мнесис и Потине были флейтистками, а Мирция - одной из тех публичных женщин, обреченных на бесчестье, которых мы называем *диктериями*!" Миртион была любовницей Птолемея Филадельфа, царя Египта, так же как и Мнесис с Потиной. Ни возраст, ни звание, ни должность не были застрахованы от престижа, которым обладали танцовщицы и музыканты. Афинея рассказывает, что аркадские послы были отправлены к царю Антигону, который принял их с большим уважением и устроил для них великолепный пир. Эти послы были строгими и почтенными стариками; они сели за стол, ели и пили, выглядели мрачными и неразговорчивыми. Но вдруг флейты Фригии дали сигнал к танцу: в зал вошли танцовщицы, закутанные в прозрачные вуали, и, покачиваясь на носках, ускорили движения, обнажили головы, потом горло, потом все тело: они были полностью обнажены, кроме штанов, которые скрывали только чресла; их танец становился все более развратным и пылким. Послы были в

восторге от этого необычного зрелища и, не обращая внимания на присутствие короля, который падал в обморок от смеха, накинулись на танцовщиц, которые не ожидали такого приема и подчинились долгу гостеприимства.

В *"Диалогах куртизанок"* мы видим, что Аулетриды были более мягкосердечными, чем их соперники в проституции. Лукиану, похоже, нравится изображать их, по крайней мере в молодости, как страстных и щедрых любовников, которые ничего не требовали от своих возлюбленных, а иногда даже губили себя ради них. Мусария продала два ионийских ожерелья, чтобы накормить Херея, который обещал жениться на ней; Миртий ревновал Памфила, сделавшего ее матерью, и с трепетом ожидал, что ее любимый женится на дочери летчика Филона: "Ах, Памфил, ты вернул мне жизнь, - кричала она, узнав, что ее подозрения были беспочвенны, - я бы повесилась от отчаяния, если бы эта плева была сведена на нет! Не менее ревнивая, но с большим основанием, Филина отомстила своему неверному Дифилу, сделав все возможное, чтобы в свою очередь внушить ему ревность: "Что за безумие ты затеял вчера? Что случилось с тобой на том пиру? Дифил только что приходил ко мне; он разрыдался; он жаловался на твои проступки: Что ты был пьян, что ты танцевал против его желания; что ты поцеловал его спутника Ламприаса; что, увидев, как он раздосадован, ты бросил его ради Ламприаса, которого ты обнял; что он, однако, иссох на ногах, и что прошлой ночью ты отказался разделить с ним постель; что он плакал, но, улегшись на соседнее ложе, ты не переставал огорчать его своими песнями и отказами?" Филина оправдывает свое поведение обидами, которые она сваливает на Дифила, который во время пира, казалось, предпочитал ей Таис, любовницу Ламприаса: "Он видел мое недовольство, мои жесты предупреждали его об этом; он взял Таис за ухо и, притянув ее к себе, впился в ее губы огненным поцелуем, от которого, казалось, не мог оторваться. Я плакала, а он улыбался. Он долго и тихо говорил с Таис, несомненно, обо мне. Таис посмотрела на меня и тоже улыбнулась. Прибытие Ламприаса было единственным, что могло положить конец их волнению. Однако, чтобы ему не в чем было меня упрекнуть, я пошел и сел рядом с ним во время трапезы. Таис встала и начала танцевать первой, притворяясь, что обнажает ногу, как будто у нее была своя красивая нога. Ламприас молчал, но Дифил, осыпая его похвалами, не переставал восхвалять грацию всех ее движений, гармонию всех ее шагов, то, что ее нога создана для того, чтобы отмечать каденцию, то, что ее нога изящна, и тысячу других дерзостей. Как будто она была Сосандр из Каламиса, а не Таис, которую вы так хорошо знаете, потому что видели ее в бане. Она дошла до того, что оскорбила меня, сказав: "Пусть танцует в свой черед та, кто не побоится блеснуть своими веретенами! Что я могу сказать тебе, мама? Я встала и станцевала. Гости зааплодировали. Только Дифил, бесстрастно наклонившись, до конца моего танца не сводил глаз с потолка комнаты". Филина хотела расстроить Дифиле, притворившись, что предпочитает ему Ламприаса, и ей так хорошо удалось привести неверного мужа в отчаяние, что ее мать, опытная куртизанка, сочла нужным дать ему такой совет: "Я разрешаю тебе обижаться, но не возмущаться. Обиженный любовник отстранится и настроит против себя. Вы проявили к нему излишнюю строгость. Помните пословицу: слишком сильно натянутый лук ломается".

Если Аулетриды в душе были любовниками, то они позволяли себе интимные связи, которые имели все признаки самой безудержной любви. Именно такой лесбийской любви согласилась обучиться Леена, еще невинная, хотя и игравшая на флейте, у Мегиллы и Демонасса, коринфских ауретридов. Мы уже видели, чему научили ее эти две куртизанки. У нас есть все основания полагать, что танцовщиц и музыкантов меньше интересовала любовь мужчин, чем любовь, за которую они одни несли ответственность. Эти женщины, с ранних лет обученные искусству сладострастия, вскоре дошли до того, что их воображение привело чувства в беспорядок. Вся их жизнь была похожа на вечную борьбу с распутством, на

усердное изучение физической красоты: видя собственную наготу и сравнивая ее с наготой своих спутниц, они приобретали вкус к ней и создавали для себя странные и тем более пылкие удовольствия, без помощи своих любовников, которые часто оставляли их холодными и бесчувственными. Таинственные страсти, разжигаемые таким образом в Ауретридах, были жестокими, ужасными, ревнивыми и непримиримыми. В *"Диалогах"* Лукиана мы слышим, как прекрасная Хармида сетует и стонет из-за того, что ее любовница Филемация, которую она любила семь лет и которую когда-то осыпала подарками, оставила ее и дала ей в преемники мужчину. Филемация стара и чрезмерно нарядна, но это неважно, она вызвала любовь, которую ничто не может успокоить или заменить. Хармида, чтобы победить эту снедающую ее любовь, пытается выбрать себе другую любовницу; она дает Трифену пять драхм, чтобы тот пришел разделить с ней ложе после пира, на котором она не притронулась ни к одному блюду и не опорожнила ни одного кубка. Но как только Трифена ложится рядом с ним, Хармид отталкивает ее и, кажется, избегает общения с этой новой подружкой, которая не хочет получать плату, поскольку не была нанята. Я выбрал тебя, чтобы отомстить за Филемацию!" - наконец признается ей Хармид. "Клянусь Венерой!" - плачет Трифина, уязвленная своим тщеславием; "Я бы не согласилась, если бы знала, что меня выбрали, чтобы отомстить за кого-то другого! и за Филемацию! за чудовище самозванства! Прощай, уже третий час ночи... Не покидай меня, мой Трифан; если то, что ты говоришь, правда, если Филемация - всего лишь дряхлая старуха с гримасой..., я не смогу больше смотреть ей в лицо... Спроси у своей матери, ходила ли она с ней в баню? Твой дедушка, если он еще жив, сможет сказать тебе свой возраст. Обними меня, поцелуй меня, давай отдадимся Венере. Прощай навсегда, Филематий?"

Эти развратные нравы были настолько распространены среди флейтисток, что несколько из них часто собирались на пирах, куда не допускались мужчины, и там предавались разврату под призывы Венеры-Перибасии. Именно на этих пирах, известных как *каллипиги*, среди кубков с вином, увенчанных розами, и перед очаровательным трибуналом этих полуобнаженных женщин, все еще велась борьба за красоту, как это было на берегах Альфея во времена Кипсела, за семь веков до христианской эры. Изгнанный из Коринфа, Кипсел построил город и заселил его паррасиями, жителями Аркадии; в этом городе, посвященном Церере Элевсинской, Кипсел устроил игры или состязания красоты, в которых должны были участвовать все женщины под именем *хризофоров*. Первой победила *Иродикея*. С момента основания эти памятные состязания повторялись с большим шумом каждые пять лет, и хризофоры, то есть *женщины, одетые в золото*, несомненно, в знак того, что красота не может быть продана по слишком высокой цене, толпами приходили, чтобы предстать перед взором судей, которым было очень трудно сохранить беспристрастность и самообладание. Подобных публичных боев в Греции больше не было, хотя красота там почиталась и обожествлялась; но куртизанки любили воссоздавать в своих тайных собраниях изящный образ основания Кипсела и выступали в роли судей и сторон в этих сладострастных поединках, которые проходили за закрытыми дверями. Ауретриды, как никакие другие женщины, любили видеть и судить друг друга таким образом: это была прелюдия к тайнам их любимых вкусов. Алкифрон, столь же серьезный ритор, как и он сам, сохранил для нас картину одного из этих ночных празднеств, где флейтисты и танцовщицы состязались не только за приз красоты, но и за приз сладострастия. Аббат Ришар в своем переводе *"Письма Алкифрона"* перевел только отрывки из знаменитого письма Мегары к Вакхиду; но Публикола Шоссар был менее робок, и его перевод, который мы частично воспроизводим, не дотягивает до смелости греческого текста. Это ауретрида Мегара пишет члену семьи Вакхиду и рассказывает ей подробности великолепного пира, на котором присутствовали ее подружки, Фессала, Фриалис, Миррина, Филумена, Хрисиды и Эвкsipпа, наполовину члены семьи, наполовину флейтисты. "Какая вкусная еда! Я хочу, чтобы вы пожалели, только услышав о

ней. Какие песни! Какое остроумие! Кубки пили до рассвета. Были духи, венки, самые изысканные вина и самые нежные блюда. Банкетным залом служила роща, затененная лавровыми деревьями. Ничто не пропало, кроме тебя". Мегара не говорит, кто был царицей этого пира, и мы можем предположить, что одна из гостей, любовница или любовник, подарила его подруге по своему выбору, чтобы отметить их любовные отношения.

"Вскоре возник спор, который добавил нам удовольствия. Нужно было решить, кто из Триаллиса или Миррины богаче этой красотой, которая дала Венере имя Каллипига. Миррина сбросила пояс, ее туника стала прозрачной, она обернулась: сквозь хрусталь были видны лилии; она сделала резкое движение чреслами и, оглянувшись назад, улыбнулась развитию этих сладострастных форм, которыми она трясла. Затем, словно сама Венера, принявшая ее почести, она издала какой-то сладостный стон, который до сих пор волнует меня". Однако Триаллис не признала поражения; она выступила вперед, не сдерживая себя: "Я не буду сражаться за вуалью; я хочу появиться здесь, как на гимнастическом упражнении: этот бой не терпит маскировки!" говорит она, сбрасывая тунику и склоняясь над своими прелестями соперницы: "Полюбуйтесь, - говорит она, - о Миррина, на это падение чресл, на белизну и тонкость этой кожи, на эти листья роз, которые рука Сладострастия как бы рассыпала по этим изящным контурам, нарисованным без сухости и без преувеличения; в их быстрой игре, в их приятных конвульсиях эти сферы не дрожат, как у Миррины: их движение напоминает нежный стон волны." Она тут же удвоила свои похотливые извивы с таким проворством, что всеобщие аплодисменты присудили ей почести триумфа. Затем мы перешли к другим сражениям: мы спорили о красоте, но никто из нас не осмеливался играть против твердого, ровного и отполированного живота Филумены, не знающей о трудах Люцины. В этих удовольствиях прошла ночь; мы закончили ее проклятиями в адрес наших любовников и молитвой к Венере, которую мы умоляли каждый день давать нам новых поклонников, ибо новизна - самая пикантная прелесть любви. Мы все были пьяны, когда расставались".

Мегара рассказывает в своем письме, что званые обеды вызывали ажиотаж в мире и что молодые греки с большим любопытством посещали эти оргии, в которых им отводилась лишь роль зрителей; но, как правило, самые бесстыдные куртизанки не хотели, чтобы их тайные развратные похождения были открыты для мужских глаз. Те, кто не позволял вовлечь себя в эти скандальные эксцессы разврата, хотя бы из любопытства, воспринимались своими спутниками как смешные, и часто этот остаток скромности заставлял подозревать их в недугах, которые нужно было скрывать. Флейтистов это подозрение не коснулось, поскольку они обнажались при исполнении своего ремесла: поэтому их сдержанность в вопросах лесбийской любви можно объяснить не чем иным, как явным предпочтением чувств и удовольствий настоящей любви. Это было поводом для насмешек, которых они не избежали. Неужели ты будешь настолько целомудренной, чтобы любить только одного мужчину?" - писала Мегара милой и нежной Вакхиде, которая отказывалась посещать обеды трибад. Стала бы ты стремиться к репутации, которую дала бы тебе такая редкая нравственность, в то время как нас считали бы куртизанками, открытыми для всех желающих?" Мегара была одной из самых распутных ауретрид своего времени, как и Вакхида - мудрейшая из гетойцев: "Твои нравы, моя дорогая, - писал Вакхиде гетойский Глицер, - твои нравы и твое поведение слишком честны для государства, в котором мы живем! Такая честность нравов встречалась среди Авретридов еще реже, чем среди гетайров, хотя и те, и другие были склонны концентрироваться на одной любви, мужской или женской, которая часто губила их и никогда не обогащала. Эти два вида любви почти никогда не встречались в одной и той же женщине и в одинаковой степени; но эту странность сердца и чувств иногда можно было наблюдать у ауретридов, которые были более чувственными и более

страстными, чем простые гетайры. Лукиан в одном из своих *"Диалогов о куртизанках"* показывает нам, что флейтистка могла одновременно вести две разнородные привязанности и умереть от любви к мужчине, в то время как она безропотно отдавалась любви к женщине.

Иоэсса, не требовавшая от Лисия денег и не оказывавшая ему корыстных услуг, вдруг оказывается брошенной этим любовником, которому она пожертвовала самыми выгодными предложениями. Она, которая, счастливая бескорыстной привязанностью, жила с Лисиасом так же целомудренно, как Пенелопа, как она смеет хвастаться, потеряла, сама не зная причины, нежность этого юноши, которого она, однако, не побуждала обманывать отца или красть у матери - отвратительные поступки, слишком хорошо знакомые куртизанкам. Она плачет, она стонет, она пытается смягчить Лисия, который не отвечает ей и смотрит на нее косо: "В последнее время, - говорит она ему, - когда ты пил кубки с Тразоном и Дипилом, звали флейтиста Цимбала и Пираллиса, моего врага. Меня не волнует, что ты пять раз трахал Цимбалиума; тогда ты только унижал себя. Но, Пираллис, я заметил все твои знаки: ты указал на чашу, из которой пил, и, передавая ее обратно рабу, которому было поручено наполнить ее, шепотом приказал ему отнести ее полной Пираллису. Ты откусил кусочек фрукта и, воспользовавшись невниманием Дипила, который был занят беседой с Фрасоном, воспользовался моментом и бросил плод в грудь Пираллиса, который принял подношение, поцеловал его и спрятал как трофей". Лисий отвернулся и пошел своей дорогой. Пифия, спутница и любимая подруга Иосифа, пришла утешить ее и одновременно отругать! Эти люди! - презрительно восклицает она, - их гордыня растет вместе с нашей несчастной страстью! Иоэссе только еще больше впала в отчаяние; тогда Пифия обратилась к Лисию и попыталась примирить его с хозяйкой: "Эта Иоэссе, которая плачет и которую ты защищаешь, Пифия, - с горечью ответил Лисий, - она предала меня, и я застал ее в постели с молодым человеком". Отвечает Пифия, которая находит это дело очень простым; но когда ты ее застал? Шесть дней назад, - вздыхает Лисий, - мой отец, хорошо знавший о моей страсти к этой добродетельной девушке, запер меня в нашем доме и велел рабу, охранявшему дверь, не открывать ее без приказа. Я не мог заставить себя провести ночь вдали от нее, поэтому позвал Дримона, приставил его к стене, где она была пониже, взобрался ему на плечи и перебрался через преграду. Я пришел, дверь была закрыта: полночь. Я не стал стучать, а, разобрав дверь (уже не в первый раз), тихонько вошел. Все спало: я подошел, ощупывая стены, коснулся кровати... Что он скажет?" - пробормотала Иоэссе. О Церера, я умираю! Я слышу своим дыханием, что ты не одна, - продолжал Лисий. Сначала я подумал, что она лежит в постели с рабом, с Лидом. Это было совсем не так, Пифия! Моя рука, желая удостовериться, встретилась с тонкой, мягкой кожей нежного юноши, обнаженного, источающего аромат духов и с бритой головой. О, если бы тогда моя рука держала меч, я... Над чем ты смеешься, Пифия? Неужели все это так смешно? Лисий, - вскричала Иоэсса, - так вот в чем причина этого великого гнева? Зачем говорить ей, Иосиф?" - перебила Пифия, - "Почему бы и нет?" - добавила Иосиф. Да, мой дорогой Лисий, это была Пифия! В скуку твоего отсутствия я попросил ее прийти и остаться со мной - это была бритоголовая Пифия? возражает недоверчивый Лисий. В таком случае, за шесть дней у нее сильно отросли волосы. - Она сбрила их после болезни, - отвечает Иессей, - волосы выпадали. Волосы, которые она носит, ей не принадлежат. Дай ему посмотреть, Пифия? убеждает Иоэссе в своей недоверчивости. Вот он, этот плут-подросток, которому завидовал Лисий!"

Аулетриды, в которых искусство и привычка необычайно развили сладострастные инстинкты, не были одержимы, как гетеры, честолюбием; они любили деньги только для того, чтобы их тратить, и зарабатывали их так легко, с помощью своих флейт, что им не нужно было черпать их из нечестного источника. Исполняя музыку и танцы в присутствии гостей на пиру, они сами оживлялись под шум аплодисментов и страдали от реакции желаний, которые они

передавали своим зрителям; но как только пары вина рассеивались, к ним возвращалась свободная воля, и они часто гордо отказывались выставлять себя на аукцион, как куртизанки. Несомненно, были и исключения, но в таких случаях флейтистка ценила себя достаточно, чтобы за нее платили столько же, сколько за самую лучшую куртизанку. О том, сколько могла брать за свои ласки модная флейтистка, рассказывает записка Филумены к Критону: "Зачем мучить себя и тратить время на письма ко мне? Мне нужны 50 золотых монет, а не твои письма. Если ты любишь меня, отдай их мне без промедления. Если же в вас вселился демон скупости или подлости, не утомляйте меня больше без нужды. Прощайте!" Петала, переписку которой с ее возлюбленным Сималионом мы уже видели, была такой же положительной девушкой, как и ее спутница Филумена, но, по крайней мере, она имела право быть более требовательной, ведь Сималион не давал ей даже на платье и духи. "И я должна довольствоваться этим нарядом, - писала она ему, - проводя дни и ночи рядом с тобой, в то время как кто-то другой, без сомнения, будет достаточно добр, чтобы обеспечить мои нужды!... Вы плачете! О, это ненадолго. Я должна, по необходимости, найти другого любовника, который будет лучше меня обеспечивать, ведь я не хочу умереть от голода!" Она завидует судьбе флейтистки Филотис, которую богатый Менеклид каждый день осыпает подарками. "Что касается меня, бедняжки, то мой приз - не любовник, а скорбящий, который считает, что сделал все, послав мне несколько цветов, несомненно, чтобы украсить могилу, куда приведет меня преждевременная смерть. Он не знал бы, что сказать, если бы ему не пришлось сообщить мне, что он проплакал всю ночь!"

Эти флейтисты, эти танцовщицы, которых нанимали для пиров и увеселительных сборищ, не были меланхоликами, и плач вряд ли был им по вкусу, если только в их душе не было любви, которая делала их более преданными, более чувствительными, чем девственницы и жены. В их устах всегда звучал смех, и они приглашали своих гостей веселиться, забывать печали, беззаботно относиться к будущему. Это было одним из условий их профессии. Веселый, нарочитый характер делал их не менее популярными, чем красота и талант: живя среди кубков, они получали вдохновение от Вакха, а иногда казалось, что они следуют урокам Менад. Отсюда и поговорка, придуманная одним греческим поэтом: "Вакха всегда можно найти у дверей Цитереи". Их тепло встречали в домах, куда их звали, и их появление служило сигналом для шумного энтузиазма. Однако иногда с ними плохо обращались; на их головы бросали сосуды с напитками, когда они становились причиной спора между гостями; они также подвергались жестокости, от которой закон их не защищал, поскольку они были рабами или иностранцами. Коклис встретил Парфенис в слезах, избитую, в изорванной одежде, со сломанной флейтой: таков печальный рассказ Парфенис. Горгус вызвал ее к своей любовнице Крокале, которая отдалась Горгусу, богатому земледельцу из Энея, уволив этолийского солдата Диномаха, который не мог заплатить ей столько, сколько она требовала. Горгус, простой, добрый и покладистый человек, давно мечтавший завладеть Крокалем, отдал ему два *таланта* (около 12 000 франков), которые Диномах отказался ей дать. "Они сидели за столом при закрытых дверях, - со стоном рассказывает Парфенис, - а я играл на флейте. Во время трапезы я заиграл мелодию в лидийском стиле. Мой фермер встал, чтобы потанцевать; Крокаль зааплодировал. Все было очень вкусно. Нас прервал громкий шум и крики; дверь на улицу была выломана, и вскоре туда ворвались восемь крепких молодых людей, включая Диномаха. Внезапно все было опрокинуто, а Горгуса ударили и растоптали ногами. Крокале каким-то образом удалось убежать к своему соседу Феспиаду. Тогда Диномах повернулся ко мне и сказал: "Не в то время идешь! Его тяжелые руки опустили на мои щеки и разбили мою флейту". Горгус обратился в суд с жалобой, но Парфенис, которая не была гражданкой, не смогла бы получить даже компенсацию, чтобы заплатить за свои флейты.

Мы уже упоминали о некоторых прозвищах Ауретридов, а также Дицерилов и Гетайров: Синопа, или *Бездна*, Синорис, или *Фонарь*, - женщины-флейтистки. У этих игроков было не меньше возможностей, чем у других куртизанок, заслужить честь или позор прозвища. Но, как правило, прозвища, которыми их награждал глас народа, были скорее похвалой, чем сатирой: можно ли из этого сделать вывод, что ауретриды превосходили своих соперниц в сладострастии? Сисимбрион, или *Серполетка*, после танца выдыхала запах, который, казалось, исходил от ароматической травы; Пираллис, или *Птица*, во время танца казалась крыльями; Парен, или *Лучезарная*, заслуживала этого имени, особенно когда была обнажена; Опора, или *Осень*, которая дала поэту Алексису тему и характер комедии, не принесла других плодов, кроме любви; Пагис или *Глуау* превзошла свою репутацию и больше не позволяла неосторожным улететь; Талуза или *Флери* сияла как цветок; Никострат или *Мерлан* был гермафродитом; Филематий или *Филе* не развлекался ловлей мальков; Сигей или *Промонтори* славился кораблекрушениями самых твердых добродетелей. Афиней также упоминает многих Ауретрид, чьи имена остались в памяти энтузиастов: Эйренис, Эвклея, Грамине, Иероклея, Иония, Лопадиион, Меконид, Теолит, Фриаллис и так далее. В "Диалогах" Лукиана и "Письмах Алкифрона" увековечены некоторые другие; сам Плутарх посвятил памятник пылкому Формезию, который умер в объятиях возлюбленной, а по более достоверной версии - на лоне любовницы. Но биографические подробности большинства этих музыкальных и танцевальных знаменитостей отсутствуют. Мы знаем только, что Немеада получила название Немеанских игр, потому что играла там на флейте в честь Геракла; знаем, что Филира, прежде чем стать ауретридой, практиковалась как простой член коллегии; знаем, что знаменитая Симея внушила Алкивиаду такую любовь, что он увез ее от мегарцев и отказался вернуть, что стало публичным трауром для Мегары; Мы знаем, что юная Антея, по словам поэта, прославившего ее, свежая, как цветок, чье имя она носила, слишком рано перестала приносить жертвы Венере; мы знаем, что Нанно, любовница Мимнерма, безропотно убивала всех своих любовников; наконец, в "*Антологии*" есть греческая эпиграмма, описывающая конкурс красоты, в котором героини пожелали остаться неизвестными. Эта эпиграмма похожа на возглас восхищения, который издает судья после оглашения приговора: "Я судил трех каллипигов. Показав мне свой сияющий блеск, они приняли меня за своего арбитра. У одной были ослепительно белые яблоки, с маленькими ямочками, какие образуются на щеках у смеющихся людей. Другая, вытянув ноги, демонстрировала на белой, как снег, коже цвета более румяные, чем у роз. Третья, излучавшая спокойствие, создавала легкую волнистость на нежной коже. Если бы Парис, судья богинь, увидел эти каллипиги, он не стал бы смотреть на то, что показывали ему Юнона, Минерва и Венера".

Но из всех греческих Ауретрид самая знаменитая - Ламия, которую страстно любил Деметрий Полиоркет, царь Македонии (300 г. до н. э.). Она была афинянкой и дочерью некоего Клеанора, которого она покинула в раннем возрасте, чтобы отправиться играть на флейте в Египет; она играла так хорошо, что царь Птолемей взял ее к себе на службу и долгое время держал ее там. Но после морского сражения, в котором Деметрий разбил флот Птолемея у острова Кипр, корабль с Ламией попал в руки победителя, который влюбился в нее, как только увидел, и постоянно предпочитал ее более молодым и красивым любовницам. Ламии было уже более сорока лет, и, как утверждает Плутарх, она уже не довольствовалась игрой на флейте: она была открытой куртизанкой. Но с того дня, как Деметрий удостоил ее своими объятиями, она отвергла всех остальных: "Конечно, с той священной ночи, - писала она своему царственному любовнику в восхитительном письме, собранном Алкифором, - с той священной ночи и до настоящего момента я не сделала ничего, что могло бы сделать меня недостойной твоей доброты, хотя ты и дал мне неограниченную власть распоряжаться собой. Но мое поведение вне всяких упреков, и я не

позволяю себе никаких связей. Я не поступаю с вами так, как поступают гетеры, и не обманываю вас, мой государь, как это делают они. Нет, клянусь Венерой-Артемидой! С тех пор никто не писал мне и не посылал предложений, потому что вас бояться и уважают как непобедимого". Ламия, как она пишет в своем письме, покорила с помощью своей флейты этого укротителя городов. У Деметрия было несколько любовниц, которые стремились вытеснить друг друга из царского окружения: их красота, молодость, грация, остроумие - вот оружие, которым они пользовались; но против Ламии это оружие не имело никакого авторитета. Ее возраст, в котором они постоянно упрекали ее в своих эпиграммах, никогда не был очевиден для Деметрия. Ревность Лины, Хрисиды, Антипиры и Демо усиливалась пропорционально любви царя к их сопернице. На званом обеде, где Ламия играла на флейте, Деметрий в экстазе спросил Демо в упор: "Ну, как она тебе нравится? Как старуха", - вероломно ответил Демо. В другой раз Деметрий, не скрывавший, что предпочитает Ламию, сказал Демо: "Видишь, какие прекрасные плоды она мне присылает? Если бы ты хотел провести ночь с моей матерью, - с горечью ответил Демо, - моя мать прислала бы тебе еще более прекрасный плод". Деметрий, казалось, не слышал. Ламия тоже прощала своих соперниц, потому что не боялась их, но все же затаила сильную обиду на Лину, которая сделала все, чтобы потерять ее.

Мачон, который цитирует Афиня, добавляя новые непристойности к тем, что были у греческого поэта, знакомит нас с некоторыми любовными тайнами этого старого флейтиста; он утверждает, что Деметрий, лежа на ложе своей любовницы, все еще воображал, что слышит ее, и с восторгом следил за каденцией, которая очаровала его во время ужина: *Ait Demetrium ab incubante Lamia concinne suaviterque subagitatum fuisse*; но этой латинской версии не хватает мелочности греческой. Он также говорит, что из всех духов, которые в Азии умели извлекать из растений, ни одно не было так приятно для обоняния Деметрия, как нечистые эманации тела Ламии (*cum pudendum manu confricuisset ac digitis contrectasset*). Ламия в своей любовной ярости забыла, что имеет дело с царем, и держала его в цепях, задыхаясь под воздействием своих жгучих укусов. Утверждалось, что именно от этого и произошло прозвище *Ламии*, означающее "личинка" - злой женский дух, обвиняемый в высасывании крови у спящих людей. Послы Деметрия позволили себе сослаться на эти эпизоды любви Ламии, когда со смехом ответили Лисимаху, указывавшему на раны, полученные им в страшной схватке со львом: "Наш господин мог бы также показать тебе укусы, которые нанес ему на шею более страшный зверь, Ламия!" Деметрий был не менее восторжен в своих ласках. Вернувшись из путешествия, он бросился обнимать отца и сжал его в объятиях с такой силой, что старик воскликнул: "Можно подумать, ты целуешь Ламию!" Говорили, что Деметрия любили все его любовницы, но он любил только Ламию. Однажды, однако, ему показалось, что он предпочитает ей Лину; но Ламия, обхватив его за шею, нежно притянула его к себе на ложе, шепнув на ухо: "Ну что ж! Ты получишь и Лину, когда захочешь!" На языке эротики это называлось *Λεαίναν* - одно из самых бесчестных таинств профессии гетер, и Ламия, произнося имя своей соперницы, говорила лишь в развратной позе, которая подходила ей больше, чем Лине. Любовь Деметрия к этой старой чаровнице не знала границ. Шутки обходили эту любовь стороной, не нанося ей ущерба, и царь Македонии, признавая, что его Ламия уже не молода, утверждал, что богиня Венера еще старше, но не менее обожаема. Лисимах в своей дикой фракийской царственности высмеивал сладострастные нравы двора Деметрия, с которым ему предстояло однажды сразиться и свергнуть с трона: "Этот великий царь, - говорил он, - не боится ни призраков, ни личинок, поскольку спит с Ламией". Эпиграмма была доложена Деметрию, который ответил: "Двор Лисимаха похож на комический театр; там можно увидеть только персонажей, чьи имена состоят из двух слогов, таких как Парис, Битес и множество других шутов". Лисимах не хотел оставлять за собой последнее слово: "Мой комический театр честнее его трагического,

- отвечал он, - там не увидишь ни флейтиста, ни куртизанки" - "Моя куртизанка, - отвечал Деметрий, - целомудреннее его Пенелопы!" И они стали непримиримыми врагами.

Чтобы пленить таким образом царя Македонии, Ламия с удивительным мастерством использовала день и ночь; ночью она заставляла своего любовника признать, что ей нет равных; днем она писала ему очаровательные письма, забавляла его живыми и остроумными репликами, опьяняла его звуками своей флейты и, прежде всего, лестила ему:

"Могущественный король, - писала она ему, - вы позволяете хозяину адресовать ему письма и считаете, что с вашей стороны недостойно посвятить несколько минут моим письмам, потому что вы сами посвятили себя моей особе! Государь мой, когда я слышу или вижу тебя вне моего дома, украшенного диадемой, окруженного стражей, войсками и послами, то, Афродита-Венера! то я трепещу и боюсь; то я отвожу от тебя глаза, как отворачивают их от солнца, чтобы не ослепиться, то я узнаю в тебе, Димитрий, покорителя городов. Как страшен и воинственен твой взгляд! Я не могу поверить своим глазам и говорю себе: "О Ламия, неужели это тот, чье ложе ты разделяешь?" Деметрий победил греков перед Эфесом, и Ламия праздновала эту победу со своей флейтой, распевая: "Львы Греции превратились в лисиц в Эфесе". Деметрий презирал побежденных им афинян и ненавидел прирученных им спартанцев: "Гнусные лакедемоняне, чтобы выглядеть настоящими мужчинами, - писала она ему, - не перестают порицать в своих пустынях и на своих Тайгетосах наши великолепные пиры и противопоставлять твою урбанистичность грубости Ликурга". Ламия часто отпускала самые веселые шутки. Однажды на званом обеде говорили о решении, приписываемом Бокхорису, царю Египта: молодой египтянин, у которого не было денег, требуемых женой по имени Тонис, обратился к богам, которые послали ему во сне то, в чем на самом деле отказывала ему эта прекрасная девушка; Тонис узнала об этом и потребовала у него жалованье. Так возникло разбирательство при дворе Бокхориса. Царь выслушал стороны и приказал юноше отсчитать требуемую Тонисом сумму, положить ее в вазу и провести вазу под глазами куртизанки, чтобы доказать ей, что фантазия была тенью правды. "Что думает Ламия о таком решении?" - спросил Деметрий. "Я считаю его несправедливым, - тут же ответила Ламия, - ибо тень этих денег не заглушила желания Тониса, а мечта удовлетворила страсть ее любовника".

Деметрий платил как царь. Когда он был хозяином Афин, то потребовал от афинян сумму в 250 талантов (почти два миллиона в нашей валюте), и этот налог взимался с необычайной строгостью, как будто сумма была нужна ему немедленно. Когда она была собрана с большим трудом, он сказал: "Пусть отдадут ее Ламии, чтобы она купила мыло!" Афиняне отомстили за это одиозное требование, заявив, что у Ламии, должно быть, было очень грязное тело, раз для ее туалета понадобилось столько мыла. Ламия была очень богата, но тратила столько же, сколько и царица. При ней были построены великолепные здания, в том числе Сицилийская пирамида, описание которой опубликовал поэт Полемон. Она устраивала для Деметрия пиры, по великолепию превосходившие все, что поведала история о пирах вавилонских и персидских царей. Один из них обошелся в баснословную сумму и был также воспет Полемоном. "Я уверена, - писала она Деметрию, - что пир, который я намерена устроить в твою честь в доме Териппия в праздник Афродиты, привлечет внимание не только города Афины, но и всей Греции". Плутарх утверждает, что под предлогом покрытия расходов на эти обеды, которые ей возместили царь и афиняне одновременно, она заставила всех офицеров Деметрия раскошиться. Хотя она была афинянкой, она не жалела ни кошелька, ни самоуважения своих сограждан. Когда в разгар оргий ее настигла смерть, Деметрий Полиоркет оплакивал ее, а афиняне обожествили ее, воздвигнув ей храм под именем Венеры Ламии. Деметрий, возмущенный такой низостью, воскликнул, что ни один афинянин с добрым сердцем не будет вновь увиден в подземном

мире. "Он остережется спускаться туда, - сказал жестокий Демос, - чтобы не встретить там Ламию".

ГЛАВА X.

Краткое содержание.- Афинские наложницы.- Их роль в супружеском доме.- Роль куртизанок в гражданской жизни.- Чем отличается гетера от публичной девушки.- Происхождение слова *гетера*.- Значение этого слова.- *Гетеры* Сафо.- *Хорошие друзья* или великие гетеры.- Общественное положение.- *Знакомые женщины и философы*.- Преимущества, которые афиняне отдавали куртизанкам перед законными женами.- Портрет хорошей женщины, написанный поэтом Симонидом.- Девять видов женщин Симонида.- Честные женщины.- Аксиома Плутарха.- Закон о разводе.- Алкивиад и его жена Гиппарета перед архонтом.- Преимущества гетеры для замужних женщин.- Влияние куртизанок на буквы, науки и искусства.- Здоровое действие проституции в греческой морали.- Молодые юноши.- Два портрета Алкивиада.- Авлетрида Дроза и философ Аристенет.- Философы, развратители молодежи.- Таис и Аристотель.- *Обычные* удовольствия гетеры и *необыкновенная* любовь философии.- Гигес, царь Лидии.- Птолемеи.- Александр Великий и афинянка Таис.- Брак этой куртизанки.- Иллюстративные мужчины, чьи матери были куртизанками.

"У нас, - говорит Демосфен в своем выступлении против Нееры, - есть куртизанки (ἑταίρας) для удовольствий, наложницы (ππαλακίδες) для повседневной службы, но жены, чтобы рожать нам законных детей и верно следить за внутренним убранством дома". Этот ценный отрывок греческого оратора знакомит нас с целой системой греческих нравов, которая допускала использование наложниц и куртизанок у самых дверей супружеского святилища. Наложницы, о которых мы находим очень мало сведений у греческих писателей, были купленными рабами или слугами, взятыми в наем, которые должны были служить, если нужно, для удовлетворения чувств своих хозяев: здесь не было ни любви, ни распутства; это была простая служба, хотя и более деликатная, чем все остальные. Поэтому законная жена не должна была обижаться или даже удивляться тому, что на ее глазах и в ее собственном доме слуги или рабы совершают акты рабства или покорности, отдаваясь своим мужьям. Сама она, низведенная до состояния неполноценности и покорности в браке, не имела права вмешиваться в подобные вещи, которые ее не касались, поскольку они могли породить лишь бастардов. Поэтому наложницы были неотъемлемой частью домашнего хозяйства супругов: их роль была особенно заметна и в некотором роде разрешена во время болезней, родов и других препятствий, мешающих истинной жене. Их жизнь проходила в тишине, в тени домашнего очага, и они старели среди ручного труда, даже если дарили сыновей своим господам, сыновей, которые, правда, не имели семейных прав и по самому своему рождению были лишены звания гражданина.

Куртизанки представляли собой совершенно иную категорию, нежели наложницы, однако они служили сходной цели в экономике гражданской жизни: они были орудием наслаждения для женатых мужчин. Так их назначение было закреплено обычаем и привычкой, если не законом, и под общим названием "куртизанки" были включены все виды гетари, не исключая аулетрид и диктерид. Но, тем не менее, проводилось различие между

публичной девушкой, называемой так (πορνής), и гетерой, которой Анаксилай дает, так сказать, такое определение в своей комедии *"Моноτροπ"*: "Девушка, которая говорит сдержанно, оказывая свои услуги тем, кто прибегает к ней в своих естественных нуждах, была названа гетерой или доброй подругой, потому что она гетера или добрая дружба". Происхождение слова *hétaire* не вызывает сомнений, и из множества отрывков греческих авторов мы видим, что это слово, честное поначалу, в конце концов подверглось превратностям порочного применения. Несомненно, что задолго до развития эротического гетайризма женщины и девушки свободного состояния называли своих интимных знакомых и лучших друзей *hetaires* (φίλας ἑταίρας). Традиция этого слова сохранилась со времен Латоны и Ниобы, которые лелеяли друг друга, как две гетаты, по выражению греческого мифолога. Правда, с тех пор Сафо описывает своих лесбиянок именно так: "Je chanterai d'choses agréables à mes hétaires!" - говорила она в своих стихах. Истинное значение слова *"hétaire"* начинало искажаться. Однако оно все еще оставалось достаточно честным, чтобы поэт Антифан мог сказать в своей *"Гидре"*: "У этого человека была соседка - молодая девушка; едва увидев ее, он влюбился в эту гражданку, у которой не было ни опекуна, ни родителей. Кроме того, она была девушкой, обнаруживавшей самые честные наклонности, истинно наследственные (ὄντως ἑταίρας)". Афиней также говорит о тех, кто действительно ненавистен, кто может, по его словам, дарить искреннюю дружбу и кто, единственный среди всех женщин, получил это имя от слова *дружба* (ἑταίρεία) или от самого прозвища Венеры, которую афиняне называли Гетерой". Вскоре это слово отклонилось от своего первоначального значения и перешло в полную собственность женщин, которые, действительно, были легкими друзьями для всех. Однако ошибки в атрибуции по-прежнему были нередки, и грамматики решили, что смогут исправить, изменив ударение в слове, с чем и сыграл поэт Менандр: "То, что ты сделал, - сказал он, - приличествует не друзьям (ἑταίρων), а куртизанкам (ἑταίρῳ)". Мы сразу догадываемся о том, какой путь избрало первоначальное слово, когда слышим, как поэт Эфипп в своей комедии под названием *"Коммерция"* так характеризует ласки *хороших друзей*: "Она целует его не сжатыми губами, а зияющим ртом, как это делают птицы, и веселит его".

Эти *добрые друзья*, к которым мы не будем относить Дикериадов, Аулетридов и подчиненных им Гетайров, или бродячих куртизанок, занимали почетное место на великом афинском банкете проституции. Они доминировали над честными женщинами и затмевали их; у них были клиенты и льстецы; они оказывали постоянное влияние на политические события, воздействуя на мужчин, которые были в них вовлечены; они были подобны королевам аттической цивилизации. Их можно разделить на два разных класса, которые заимствовали друг у друга: *знахари* и *философы*. Эти два класса, одинаково интересные и востребованные, составляли аристократию проституток. *Философы*, живя в обществе ученых и образованных людей, научились подражать их жаргону и получать удовольствие от их занятий; *фамильяры*, менее образованные и менее педантичные, также отличались остроумием и использовали его в равной степени для того, чтобы очаровывать именитых мужчин, которых они привлекали своей красотой или репутацией. У каждой из этих великих женщин был свой двор и своя свита из поклонников, поэтов, капитанов и художников; у каждой была своя дружба и своя ненависть; у каждой были свои заслуги и своя власть. Именно при Перикле и по его примеру афиняне увлеклись этими сиренами и колдуньями, которые принесли много вреда нравам и много пользы литературе и искусству. Можно сказать, что в этот период в Греции не было других женщин, девственницы и матроны скрывали себя в тайне домашнего гинецея, а женщины театра и публичной площади были поглощены. Большинство из этих женщин были падшими гражданами, космополитическими красавицами и талантами.

То, что знатные афиняне отдавали предпочтение этим женщинам перед законными женами, легко понять, если сравнить их между собой, если осознать то разочарование, которое почти всегда сопровождало интимные отношения мужа с женой. То, что было престижно для жены-собственницы, было постыдно для замужней женщины; то, что было славно для первой, было смешно для второй. Одно представляло собой удовольствие, другое - долг; одно принадлежало дому, другое - вне его. Обе они оставались в узких рамках своих ролей, не желая вторгаться во владения друг друга. Старый поэт Симонид с удовольствием рисовал портрет доброй женщины, которая, по его мнению, произошла от пчелы: "Счастлив тот смертный, кто найдет себе такую жену! говорит он. Одна среди всех остальных, порок никогда не имел доступа к ее сердцу; она обеспечивает своему мужу долгую и спокойную жизнь. Старая с ним в самой трогательной гармонии, будучи матерью большого семейства, в котором она - отрада, выделяясь среди других женщин, для которых она - пример и слава, она никогда не тратит время на пустые разговоры. Скромность царит в ее словах и, кажется, придает больший блеск милостям, которые сопровождают ее и распространяются на все ее занятия". Эти занятия включали в себя работу по дому, рукоделие, обязанности жены, кормилицы или матери. Симонид насчитывает еще девять видов женщин, которые, по его предположению, были созданы из элементов свиньи, лисы, собаки, обезьяны, кобылы, кошки и осла.

Имя честной женщины, - говорит Плутарх, - должно быть, как и ее личность, заперто в ее доме". Ту же мысль задолго до него высказал Фукидид: "Лучшая женщина - та, о которой не говорят ни хорошего, ни плохого". Эта фраза как нельзя лучше подходит к образу жизни афинской матроны. Она не выходила из дома, не появлялась на публичных играх и театральных представлениях, не появлялась на улицах, только завуалированная и прилично одетая, под страхом штрафа в 1000 драхм, налагаемого на нее магистратами, называемыми *гинекомами*, которые вывешивали приговор на платанах Керамика. Кроме того, она не имела ни образования, ни образования, плохо говорила на своем языке и ничего не понимала ни в изысках вежливости, ни в изменениях моды, ни в простейших понятиях философии. Поэтому она не вызывала у мужа никаких чувств, кроме холодного или нежного почтения. Муж, который позволил бы себе любить свою жену легко и сладострастно, подвергся бы всеобщему порицанию, согласно аксиоме, сформулированной Плутархом: "С честной женщиной нельзя жить одновременно и как с женой, и как с женой-хозяйкой". Империя замужней женщины заканчивалась за дверью ее дома, где начиналась империя мужа; поэтому она не имела права следовать за ним или мешать ему в его внешней жизни, и ей полагалось не знать, что происходит за пределами ее дома. Однако при определенных обстоятельствах, в силу древнего закона, вышедшего из употребления, она могла пожаловаться в магистрат и попросить развода, если излишества мужа становились для нее невыносимыми. Так, Гиппарета, целомудренная жена Алкивиада, которого она любила, но страдала от его непостоянства, увидев, что распутный муж бросает ее ради общения с чужестранками дурной репутации, удалилась в дом своего брата и попросила развода. Алкивиад принял дело близко к сердцу и заявил, что его жена должна принести бумаги о разводе архонту: она так и сделала, и Алкивиад тоже; но вместо того, чтобы оправдаться, он взял истицу на руки и вернул ее в супружеский дом. Матроны обычно не жаловались, боясь показаться отрекающимися от своего достоинства. Единственной привилегией, которой они завидовали, была законность детей, рожденных в законном браке. Демосфен призвал Ареопаг осудить куртизанку Нееру, "чтобы честные женщины, - сказал он, - не были поставлены в один ряд с проституткой; чтобы граждане, воспитанные мудрыми родителями и вступившие в брак по законам, не путались с иностранкой, которая за один день несколько раз отдавалась нескольким мужчинам, самыми позорными способами и по прихоти каждого из них".

Правда, на религиозных церемониях они появлялись лишь на расстоянии; они не участвовали в жертвоприношениях, не рожали граждан; но сколько сладостных и гордых компенсаций их женскому тщеславию! Они одни ездили на колесницах, украшенные, как царицы, сверкая шелками и золотом, с обнаженной грудью и непокрытой головой; они составляли элиту публики на судебных заседаниях, ораторских поединках и собраниях Академии; Они рукоплескали Фидию, Апеллесу, Праксителю и Зевксису, предоставив им неповторимые модели; они вдохновляли Еврипида и Софокла, Менандра, Аристофана и Эвполиса, побуждая их бороться за приз театра. В самых сложных случаях люди не боялись брать с них пример; их бонмоты повторяли повсюду, их критики боялись, а похвалы ждали с нетерпением. Несмотря на обычную мораль, несмотря на скандальность своей профессии, они воздавали должное прекрасным поступкам, благородным произведениям, великим характерам и возвышенным талантам. Их критика или одобрение были наградой или наказанием, нелегко было отклониться от истины и справедливости. Их чарующий дух, культивируемый и цветущий, порождал вокруг них подражание красоте и стремление к добру, распространял уроки вкуса, совершенствовал буквы, науки и искусства, освещая их огнем любви. В этом была их сила, в этом был их соблазн. Восхищенные и любимые, они вызывали у своих почитателей желание стать достойными их. Несомненно, они были губительными причинами большого разврата, распутства и глупости; иногда они смягчали нравы, унижали некоторые общественные добродетели, ослабляли характеры и развращали души; но в то же время они давали толчок щедрым мыслям, благородным поступкам патриотизма и мужества, произведениям гения, богатым изобретениям поэзии и искусства.

Прежде всего, их действия были направлены на борьбу с отвратительным и презренным пороком, который, зародившись на Крите, распространился по всей Греции и вплоть до Азии. Автор *"Путешествия Анахарсиса"* справедливо говорит, что законы защищали куртизанок для того, чтобы исправить более скандальные эксцессы. Дружеские связи молодых греков обычно перерастали, за исключением Спарты, в позорный разврат, привычка к которому перешла в нравы, и который недостойные философы имели неосторожность поощрять. Солон уже основал свой знаменитый Дицирион и взимал обол за общественную услугу, которую он оказывал, чтобы легко отвлечь афинян от распутных вкусов и дать моральную конкуренцию позорному беспорядку антифизической любви; но эта конкуренция была гораздо активнее и сильнее, когда гетайры взяли на себя ответственность за ее создание. Они заставляли краснеть тех, кто приближался к ним после того, как осквернял себя безнравственным ремеслом, порицаемым природой; они использовали все приемы кокетства, чтобы получить предпочтение перед молодыми мальчиками, которые служили помощниками в самой отвратительной проституции; но они не всегда имели преимущество перед этими слабоумными мужчинами с их воцеленными подбородками, развевающимися волосами, отполированными ногтями и надушенными ногами. Были и неисправимые извращенцы, и развратники, отдававшие им самое восторженное почтение, приберегали некоторые из своих чувственных appetitов для иного культа, чем их собственный. К сожалению, общественное мнение не поддержало наставления и добрый пример куртизанок, которые тщетно осуждали пороки, допускаемые потаканием людям. Каждый день в Афинах и Коринфе работоторговцы привозили красивых юношей, у которых не было никаких достоинств, кроме внешности и физической красоты: цена этих рабов, однако, не снижала цену гетаты, но их часто покупали по высокой цене, чтобы дать им работу наложниц в доме. Общественная честность и супружеская скромность не были возмущены этой мерзостью. Что касается молодых граждан, которые, подобно Алкивиаду, своими телесными достоинствами и соблазнительной физиономией возбуждали многие из этих благородных страстей, то их почитали, а не порицали; они занимали первые места на играх; они носили одежду из драгоценной ткани, которая делала их узнаваемыми; они собирали на

своем пути ослепительные свидетельства общественной безнравственности. Это были соперники, которых гетеры постоянно пытались свергнуть или стереть с лица земли; это был триумф коррупции, против которого гетеры постоянно протестовали. Когда Алкивиад был изображен, так сказать, в обоих своих обликах - обнаженным и получающим корону на Олимпийских играх, обнаженным и все еще победоносным на коленях флейтистки Неми, - афинские женщины создали лигу, чтобы изгнать этого Адониса, причинявшего им такой серьезный вред. Иногда они ограничивались тем, что с презрением и насмешками сражались со своими противниками. В диалоге Лукиана женщина из племени аулетридов, Дроза, лишается своего возлюбленного, молодого Клиния; по ее словам, его отнял у нее Аристенет, "самый позорный из философов": "Что! - кричит Челидоний, - это хмурое, щетинистое лицо, эта козлиная борода, которую ты видишь гуляющей среди молодых людей в Пицилии!" Тогда Дрозе рассказывает ей, что Аристенет, схвативший этого невинного человека, уже три дня обещает возвести его в ранг богов и заставляет читать непристойные коллоквиумы древних философов: "Одним словом, - говорит она, - он осаждает бедного юношу! - Мужайся! Мы победим, - отвечает Челидоний; я хочу написать на стенах Керамика: "Аристенет - развратитель Клиниаса".

Поэтому гетеры сторонились философов, развращавших молодежь подобным образом, но искали тех, чья философия была менее враждебна женщинам. Еще больше они любили поэтов и авторов комиксов, потому что почти разделяли их успех: "Кем был бы Менандр без Глицеры? писала эта остроумная женщина великому греческому комику. Кто бы еще служил тебе так, как я, кто готовит твои маски, кто дает тебе твою одежду, кто знает, как вовремя выйти на авансцену, поймать аплодисменты с той стороны, откуда они начинаются, и в нужный момент определить их хлопаньем в ладоши? Поэты и авторы комедий были небогаты и вряд ли могли отплатить за оказанные им милости иначе, как стихами; но эти стихи, по крайней мере, прибавляли славы женщине, вдохновившей их, и к тому же она была уверена, что избежит сарказма поэта: "Я прошу тебя, мой дорогой Менандр, - писала та же Гликера, - включить в число твоих любимых пьес комедию, в которой ты заставишь меня играть главную роль, так что если я не буду сопровождать тебя в Египет, это сделает меня известной при дворе Птолемея и научит этого царя империи, которую я имею над моим любовником." Эта комедия носила имя Гликера. Другие куртизанки также хотели, чтобы их имя использовалось в качестве названия их комедии, и Анаксилас, Эвбул и другие были замечены в том, что они подчинялись прихотям своих любовниц. Что касается философов, у которых не было подобных средств, чтобы проиллюстрировать этих капризных красавиц и сделать их модными, то к ним относились с меньшим вниманием, и если над ними не смеялись и не дергали за бороды, то часто поворачивались спиной, особенно если они говорили слишком много: "Неужели из-за того, что мы не знаем причин образования облаков и свойств атомов, - писала Таис Эвтидему, - мы кажемся тебе ниже софистов? Но ты должен знать, что я потратил свое время на изучение этих секретов твоей философии и, возможно, рассуждал о них с не меньшим знанием дела, чем твой учитель". Однако именно Аристотелю Таис осмелилась сделать такое лицо, обвинив его в притворном отвращении к женщинам: "Неужели ты думаешь, - сказала она, - что между софистом и куртизанкой такая большая разница? Если и есть, то только в средствах убеждения; цель у обоих одна - получить". Она хотела поспорить с Эвтидемом, что за одну ночь преодолет этот ложный аскетизм и заставит Аристотеля довольствоваться *обычными* удовольствиями. Куртизанки постоянно спорили с философами, с которыми они латали отношения, чтобы потом снова рассориться. Их главной претензией к философии, по-видимому, была ее снисходительность или склонность к *необычным* любовным связям.

Если философам не хватало стойкости, чтобы устоять перед соблазнами куртизанки, то не стоит удивляться, что величайшие люди Греции тоже поддавались их соблазнам. Очень немногие остались хозяевами самих себя перед лицом всех чар красоты, грации, образованности и остроумия. Цари тоже клали свои диадемы к ногам этих очаровательных доминатрикс, следуя примеру Гигеса, царя Лидии, который, оплакивая лидийскую куртизанку, которую считал несравненной, построил для нее пирамидальную гробницу так высоко, что ее можно было видеть со всех концов его государства. Мы уже упоминали о Птолемеях Египетских как об одном из царей, наиболее искусно покоренных греческими куртизанками. Александр Македонский, который брал с собой в походы афинянку Таис, похоже, вместе с огромной империей завещал своим преемникам вкус к греческим куртизанкам и ионийским флейтистам. Некоторые из этих фавориток, более искусные или более успешные, чем их соперницы, сумели выйти замуж. Так, после смерти Александра Таис, которую он почти обожествил, любя ее, вышла замуж за одного из его генералов, Птолемея, который стал царем Египта и имел от нее троих детей. Однако гетеры не были способны к многочисленному потомству, большинство из них оставались бесплодными. Тем не менее, история упоминает несколько выдающихся людей, чьи матери были куртизанками: Филетий, царь Пергама, был сыном Боа, пафлагонской флейтистки; афинский полководец Тимофей был сыном фракийской куртизанки; философ Бион - сыном лакедемонской куртизанки, а великий Фемистокл - сыном Абротона, диктериона, облагавшегося налогом в один обол.

ГЛАВА XI.

Философские системы проституции - Лесбийская проституция - Проституция Сократа - Киническая проституция - Эпикурейская проституция. - Философия любви Мегалостраты, любовницы поэта Алкмана. - Сафо. - Клеис, ее дочь. - Сафо *mascula*. - Ода *saphique* в переводе Буало-Депрео. - Ученики Сафо. - Беспредельная любовь Сафо к Фаону. - Сингулярный источник этой любви. - Самоубийство Сафо - Прыжок из Леукада - Философ Лина, любовница Гармония и Аристокитона - Ее мужество в муках - Ее героическая смерть - Афиняне воздвигают памятник в ее память. Философ-эссарий Клеоника - Невольное убийство Павсания - Философ-эссарий Фаргелия - Трудная и деликатная миссия, возложенная на нее персидским царем Ксерксом - Ее брак с фессалийским царем Аспасией - Ее свита эссариев. - Она открывает в Афинах школу, где преподает риторику. Перикл влюбляется в эту философскую куртизанку Хрисиллу. Перикл женится на Аспазии. Сократ и Алкивиад, любовники Аспазии. Диалог между Аспазией и Сократом. - Власть Аспазии над разумом Перикла. - Войны в Самосе и Мегаре. - Аспазия и жена Ксенофонта. - Аспазия обвиняется Гермиппом в атеизме. - Перикл перед Ареопагом. - Обвинение Аспазии. - Изгнание философа Анаксагора и скульптора Фидия, друзей Аспазии. - Смерть Перикла. - Аспазия снова выходит замуж за торговца зерном. - Пифагорейская вера в душу Аспазии. - Вторая Аспазия, известная как Аспазия *Мильто*. - Киник Кратес. - Непреодолимая страсть Гиппархии к этому философу. - Их брак. - Кинизм Гиппархия. - *Гипотезы* этого философа. - Портрет учеников Диогена, выполненный Аристиппом. - *Пифагорейские* гетеры. - Математик Никарет, любовница Стилпона. - Филенис и Леонтия, любовницы Эпикура. Страстная любовь Эпикура к Леонтии - Письмо этой куртизанки к ее подруге Ламии - Его любовь к Тимарху, ученику Эпикура - Его портрет, выполненный художником Теодором - Его сочинения. - Ее дочь Даная, наложница Софрона, правителя Эфеса. - Смерть Данаи. - Археанасса из Колофона, любовница Платона. - Вакхида из Самоса, любовница Менеклида, и т.д. - Признание куртизанок философами и поэтами.

Зарождение и развитие греческого гетаризма следует приписать прежде всего куртизанкам, которые называли себя философами, потому что они следовали урокам *философов* и служили в их любовных делах. Таким образом, эти гетеры-философы поставили проституцию под эгиду философии, и все женщины, которые по темпераменту, жадности или лени предавались непристойностям нескромной жизни, могли брать пример с Сафо, Аспазии и Леонтия. Несомненно, существовало большое количество гетаристов, отличившихся в различных философских школах, но история зафиксировала лишь десять или двенадцать имен, которые в одиночку более трех веков представляли догму и культ гетаризма, если это слово можно применить к философской системе Проституции. Эта система, как нам кажется, имела четыре формы и четыре различные фазы, которые мы назовем *лесбийской*, *сократической*, *цинической* и, наконец, *эпикурейской*. Из этих произвольных названий видно, что Сафо, Сократ, Диоген и Эпикур являются покровителями, если не авторами, доктрин, которые философы-гомеопаты взяли на себя труд распространять в области своих эротических пристрастий. Сафо проповедовал любовь к женщине, Сократ - духовную любовь, Диоген - грубо-физическую, Эпикур - сладострастную. Это были четыре любви, в распространении которых участвовали куртизанки философии, и которые затем нашли более или менее прозелитов среди знакомых женщин, контролировавших общественные удовольствия.

Самый ранний философ, о котором вспоминают в легендах о греческих куртизанках, - Мегалострат из Спарты, влюбленный в поэта Алкмена, который философствовал, поэтизировал и занимался любовью за 674 года до нашей эры. Ее философия была чисто амурной и может рассматриваться как прелюдия к эпикуреизму. Алкман, по словам Афиней, был принцем эротических поэтов, а поскольку он был еще и самым ярким охотником за женщинами (*erga mulieres petulantissimum*, гласит латинская версия, которая не говорит всей истории), то вполне понятно, что он был самым большим едоком, которым гордится античность. Дни и ночи он проводил за столом, рядом с ним лежал Мегалострат, и он постоянно пел гимн любви, который Мегалострат повторял в унисон. В эпиграмме этого поэта, которую цитирует Плутарх, веселый Алкман между двумя возлияниями замечает, что если бы он воспитывался в Сардинии, на родине своих предков, то стал бы бедным жрецом Кибелы, лишенным мужественных частей, тогда как он превосходит лидийских царей, как гражданин Лакедемонии и как любовник Мегалострата. После этой прекрасной философии, которая не помешала своему возлюбленному Алкмену умереть от вшей, в эротической философии наступает своеобразный пробел. Сафо из Митилены придумала лесбийскую любовь и провозгласила ее выше той, которой до сих пор довольствовались женщины. Сафо не всегда так считала и не всегда так думала. Сначала она была замужем за богатым жителем острова Андрос по имени Серкала и родила дочь, которую назвала Клис, в честь своей матери; но когда она стала вдовой, то из-за расстройства воображения и чувств убедила себя, что каждый пол должен сосредоточиться на себе и вымереть в бесплодных объятиях. Она была поэтом и философом: ее речи и стихи снискали ей множество сторонников, особенно среди женщин, которые слишком хорошо прислушивались к ее плохим советам. Хотя Платон называл ее *прекрасной*, а Афиней опирался на авторитет Платона, более вероятно, что Максим Тирский, изобразивший ее черной и маленькой, следовал наиболее достоверной традиции. Овидий изображает ее не иначе, а ученая мадам Дарсье добавляет к портрету этой прославленной лесбиянки, что у нее были чрезвычайно яркие и блестящие глаза. Более того, Гораций, приписывая ей квалификацию *mascula*, повторенную Авзонием с тем же значением, соответствовал общепринятому мнению, согласно которому Сафо была гермафродитом, что, казалось бы, доказывали факты.

Несомненно, поэтесса Сафо, родившаяся в знатной семье на Лесбосе и имевшая почетное состояние, не занималась проституцией за деньги, но она содержала школу проституции, где юных девушек в ее гинекее с раннего возраста учили, как использовать свои зарождающиеся прелести вне природы. Тщетны попытки реабилитировать мораль и учение Сафо: знаменитой оды, сохранившейся среди фрагментов ее поэзии, достаточно, чтобы доказать самым недоверчивым, что если Сафо и не была гермафродитом, то, по крайней мере, была трибадом (*Diversis amoribus est diffamata*, говорит Лилио Грегорио Джиральди в одном из своих "Диалогов", *adeo ut vulgo tribas vocaretur*). Эта ода, этот шедевр истерической страсти, повествует о жгучем жаре, экстазе, суматохе, томлении, расстройстве и даже о финальном кризисе этой страсти, более безумной и необузданной, чем все другие виды любви. Мы не знаем имени Лесбиянки, которой адресована эта прочувствованная ода, движения и цвет которой холодный Буало Депрео передал с большей теплотой и искусством, чем его многочисленные конкуренты:

Heureux qui près de toi pour toi seule soupire,
Которому доставляет удовольствие слышать вашу речь,
Кто иногда видит, как вы нежно улыбаетесь ему!
Могут ли боги сравниться с ним в счастье?

От вены к вене я чувствую тонкое пламя.
пробегают по моему телу, как только я вижу вас;
И в сладостной истоме, в которой блуждает моя душа,
Я не могу найти ни языка, ни голоса.

Над моим взором расстилается смутное облако,
Я больше не слышу, я падаю в мягкие языки;
И бледный, бездыханный, запретный, смятенный,
Меня охватывает дрожь, я падаю, я умираю!

Была предпринята неудачная попытка приписать Фаону чувства и ощущения, которые Сафо выражает в этом восхитительном произведении, заставляющем нас сожалеть о потере ее работ; но от конца до конца ода обращена к женщине. Поэтому мы вынуждены оставить ее безымянной в школе Сафо, ученицами или возлюбленными которой были Амиктена, Атис, Анактори, Телесиль, Сидно, Эвника, Гонгила, Анагор, Мнаис, Фирин, Сирна, Андромеда, Мегара и так далее. Кто бы ни был вдохновителем возвышенной оды, сохранением которой мы обязаны ритору Лонгину, эта ода, дающая столь верное и правдивое описание сапфической лихорадки, была зафиксирована античной медициной как диагностический памятник этого заболевания. Аббат Бартеlemi в своем "*Путешествии Анахарсиса*" ограничивается тем, что говорит, что Сафо "чрезмерно любила своих учеников, потому что не могла любить ничего другого". Природа, по сути, заложила в нее мужской орган, развив орган ее пола. Говорят, что именно кровосмесительная любовь ее брата Харакса, соперничество с египетской куртизанкой по имени Родопис и, прежде всего, триумф ее соперницы заставили Сафо искать новый способ любви. Она жила в обществе своих лесбиянок и забыла, что мужчины протестуют против ее путей, когда Венера послала ей Фаона, чтобы наказать ее. Она сразу же полюбила его, но не смогла преодолеть презрение к этому красивому, равнодушному мужчине. Плиний рассказывает, что эта законная любовь пришла из необычного источника: Фаон, как говорят, нашел на своем пути белый корень эрингиума, когда Сафо проходила мимо. Старый переводчик Плиния так объясняет этот любопытный отрывок из "*Естественной истории*": "Есть люди, которые говорят, что корень белого эрингиума (который очень редок) повторяет природу мужчины или женщины; и считается, что если мужчина встретит такой корень, который повторяет мужскую конечность,

он будет хорошо любим женщинами, и считается, что только это побудило молодого Сафо подружиться с Фаоном, Лесбией". Дружба эта была такова, что Сафо, отчаявшись от холодности Фаона, бросилась в море с вершины скалы Леукад, чтобы своей жизнью задушить его пламя. К сожалению, она слишком многому научила своих учениц, чтобы они отказались от своих первых любовей, и ее философия, которая была квинтэссенцией лесбийской любви, никогда не переставала иметь посвященных, особенно среди куртизанок. Некоторые из них, чтобы спастись от преследований привлекательных для них мужчин, бросались в Лефкадский прыжок, чтобы излечиться от страсти, которую Сафо считала позором и рабством.

Школа Сафо, к счастью для человечества, была лишь исключением, которое не смогло одержать верх над истинной любовью. Философ Лина, не путать с фавориткой Деметрия Полиоркета, не была извращена духом противоречия лесбиянок; она честно и благородно занималась своей профессией куртизанки в Афинах; она была подругой и любовницей Гармодия и Аристоклитона; вместе с ними она составила заговор против тирана Писистрата и его сына Гиппия, за 514 лет до нашей эры. Ее схватили, пытали, требовали, чтобы она назвала своих сообщников и раскрыла тайну заговора; но чтобы быть уверенной в сохранении тайны, она зубами вырезала себе язык и выплюнула его в лицо своим палачам. Считается, что она умерла в мучениях. Чтобы почтить ее память, афиняне воздвигли ей памятник, изображающий львицу без языка, из бронзы, который был установлен у входа в храм в афинской цитадели. Это не единственный акт мужества и гордости, который можно найти в летописи греческих куртизанок. Другая философка, Клеоника, жительница Византии, прославилась благодаря своей красоте и различным нравоучительным сочинениям. Именно благодаря своей репутации она завоевала расположение Павсания, сына спартанского царя Клеомброта. Этот полководец попросил прислать к нему прекрасного философа, чтобы отвлечь его от усталости войны. Клеоника прибыла в лагерь ночью, когда Павсаний спал: не желая, чтобы ее будили, она просто приказала погасить лампы, сторожившие спящего генерала, и в темноте подошла к постели принца, который, разбуженный звуком опрокинутой лампы, решил, что перед ним убийца, схватил свой кинжал и вонзил его себе в грудь. Каждую ночь после этой роковой ошибки он снова видел призрак Клеоники, упрекавшей его за это непреднамеренное убийство; он тщетно умолял ее смириться и простить его; она сказала ему, что он избавится от этого кровавого наваждения, только если вернется в Спарту. Он вернулся, но только для того, чтобы умереть от голода в храме Минервы, где он укрылся, чтобы спастись от мести своих сограждан, обвинивших его в измене (471 г. до н. э.).

Эпоха куртизанок началась в Греции, когда Клеоника соединила любовные соблазны с философскими учениями. Другой философ того же рода, Таргелия из Милета, получила от персидского царя Ксеркса, замышлявшего завоевание Греции, миссию столь же трудную, сколь и деликатную: Она должна была покорить главные греческие города, внушив любовь защищавшим их вождям. Ей удалось выполнить эту первую часть своей галантной миссии: она последовательно пленила четырнадцать вождей, которые стали ее любовниками, не желая быть слугами персидского царя. Когда последний вошел в Грецию через Фермопильский проход, он был вынужден штурмовать города, которые, как считала Таргелия, она ему обеспечила. Таргелия поселилась в Ларисе, и фессалийский царь женился на ней: она перестала быть философом, но осталась философом. Высокая судьба этой куртизанки пробудила честолюбие другого мимесийца, который вскоре затмил ее в карьере письма и состояния. Аспазия, уроженка Милета, как и Фаргелия, побывав диктатором в Мегаре, вышла замуж за Перикла, прославленного лидера Афинской республики.

Она приехала в Афины примерно в середине V века до н. э., привезя с собой блестящую свиту "гетер", которых она обучила и чьими действиями умело руководила. Эти хозяйки не были иностранными рабынями, искусными лишь в искусстве сладострастия; это были молодые гречанки свободного статуса, вскормленные уроками философии, которые преподавал их красноречивый учитель, и посвященные во все тайны самой изысканной галантности. У Аспазии также были средства обольщения, готовые к любым обстоятельствам, и через своих учениц она оказывала влияние, которое не решалась черпать из собственных ресурсов. Она открыла собственную школу и преподавала риторику: ее слушателями и поклонниками стали самые знатные горожане. Перикл, влюбившийся в этого философа, привлек к себе не только полководцев, ораторов, поэтов и всех выдающихся людей республики, но и жен и дочерей этих граждан, чья любовь к риторике делала их снисходительными ко всему остальному. Они приходили туда, "чтобы послушать, как она говорит, - говорит Плутарх в наивном переводе Жака Амио, капеллана Карла IX и епископа Осерра, - хотя она вела жизнь, которую едва ли можно было назвать почетной, потому что она держала в своем доме молодых сук, которые зарабатывали на своем теле. Так ей удалось пленить Перикла, который страстно любил ее, но не был равнодушен к тушеному мясу распутства, которое она для него готовила. Аспазия появлялась на публике повсюду: в театре, в суде, в школе, на набережной, как королева, окруженная своим двором; более того, она сделала себя более редкой и менее обременительной королевской особой, чем все остальные: Она одна задавала тон моде; она одна диктовала афинянам и даже афинским женщинам законы, касающиеся одежды, языка, мнений и даже морали, ибо она дала гордость гетайризму и, так сказать, сняла с него первородное пятно. Молодые гречанки, несмотря на свое рождение, спустились из разряда граждан в разряд куртизанок и провозгласили себя философами, следуя примеру Аспазии.

Перикл, прежде чем полюбить Аспазию, любил Хрисиллу, дочь Телеса из Коринфа; но эта первая любовь прошла мимо его брачного союза, не расторгнув и не нарушив его. Как только он познакомился с Аспасией, он только и думал о том, чтобы расторгнуть свой брак и заключить с ней новый. Так он добился от жены согласия на развод, а затем, женившись снова, смог привести в свой дом прекрасного философа, которого в тавернах называли *Дикериадой из Мегары*. Перикл был очень влюблен, но не ревнив; он позволил Аспазии общаться с Сократом и Алкивиадом, которые обладали ею до него: "Он никогда не ходил в сенат, - сообщает Плутарх, - и никогда не возвращался, не поцеловав свою Аспазию". Комментаторы не преминули обратить внимание на этот ежедневный поцелуй при отъезде и возвращении: они посчитали его настолько нежным, насколько Перикл был на это способен. Затем Аспазию оставляли наедине с Сократом или Алкивиадом, и она не посвящала себя исключительно философии в ожидании Перикла. Наши философы обсуждали эротические темы, и прискорбно узнать, что эта очаровательная женщина терпела и даже поощряла самые отвратительные расстройства в двух своих друзьях. Платон сохранил для нас фрагмент диалога между Сократом и Аспазией: "Сократ, я прочла твоё сердце, - сказала она ему, - оно горит по сыну Диномаху и Клинии. Послушай, если ты хочешь, чтобы красавец Алкивиад отплатил тебе, будь послушен советам моей нежности". Холодный пот струится по моему телу, глаза полны слез... - Перестань вздыхать, - прерывает она, - проникнись священным энтузиазмом, вознеси свой разум к божественным высотам поэзии: это чарующее искусство откроет перед тобой двери её души. Сладкая поэзия - это очарование ума; слух - путь к сердцу, а сердце - путь к остальному". Сократ, все более и более растроганный, умеет только плакать и прячет свою лысую голову в руках: "Почему ты плачешь, мой дорогой Сократ? Неужели твоё сердце всегда будет тревожить любовь, вспыхнувшая, как молния, в глазах этого бесчувственного юноши? Я обещал согнуть его для тебя..." Покладистая Аспазия, похоже, не слишком расстроена тем, что Сократ хочет дать ей

преемника, в котором были зачатки этой строгой мудрости. Венера отомстила ему, - говорит элегический поэт Гермесианакс, - воспламенив его к Аспазии; его глубокий ум уже не занимало ничего, кроме легкомысленных забот любви. Он постоянно придумывал новые предлоги для возвращения к Аспазии, и он, разгадавший истину в самых извилистых софизмах, не мог найти выхода из крутых поворотов собственного сердца".

Аспазия никогда не показывала свою власть над разумом Перикла лучше, чем когда заставила его объявить войну саамийцам, а затем мегарянам. В обеих этих войнах она сопровождала мужа и не отделяла себя от дома Гетайров. Война на Самосе была не более чем напоминанием о ее интересе к родному городу: Аспазия не хотела, чтобы саамитяне, которые в то время сражались с мимесийцами, взяли Милет; она обещала помощь своим соотечественникам и сдержала свое слово. Что касается войны в Мегаре, то ее причина была менее почетной. Алкивиад, прослышав о прелестях куртизанки Симотеи из Мегары, отправился в этот город с молодыми распутниками, и они похитили Симотею, сказав, что действуют по поручению Перикла. В ответ мегарцы похитили двух членов семьи Аспазии. Аспазия горько пожаловалась, и была объявлена война. Эта война в Мегаре стала началом Пелопоннесской войны. Аспазия своим присутствием и любезной помощью своих дочерей поддерживала мужество капитанов армии; в частности, во время осады Самоса женщины не сидели без дела и получали такие огромные прибыли, что отблагодарили Венеру, воздвигнув ей храм у ворот этого города, который недолго сопротивлялся армии Перикла. Эта двойная война, стоившая много крови и денег, какой бы славной она ни была, увеличила число врагов Аспазии и сделала их более решительными. Честные женщины, раздраженные тем, что их предпочитают куртизанкам, которые лучше знают, как доставить удовольствие, резко осуждали Аспазию и ее спутниц за разврат мужчин и вред законным любовным отношениям. Аспазия встретила жену Ксенофонта, которая кричала громче других; она остановила ее за руку и сказала ей, улыбаясь: "Если бы золото твоей соседки было лучше твоего, что бы ты предпочла, свое или ее?" - "Ее, - ответила эта гордая добродетель, краснея. - Если бы ее одежда и драгоценности были богаче твоих, - продолжала Аспазия, - ты бы любила ее больше, чем свою?" - Да, - ответила она без колебаний, - но если бы ее муж был лучше твоего, разве он не нравился бы тебе тоже больше? Жена Ксенофонта ничего не ответила и укуталась в складки своего покрывала.

Однако враги Аспазии удвоили свою злобу и коварство. Комические поэты, заплатив или соблазнив, оскорбляли ее в театре: они называли ее новой Омфалой, новой Деянирой, чтобы выразить вред, который она причиняла Периклу. Кратин дошел до того, что назвал ее нескромной, разнузданной наложницей. Именно тогда Гермипп, один из этих создателей комедий, обвинил ее в атеизме перед Ареопагом, добавив, как говорит Плутарх Амиот, "что она служила госпожой Перикла, принимая в своем доме мещанских женщин из города, которыми Перикл наслаждался". Аспазия предстала перед Ареопагом и неизбежно была бы приговорена к смерти, если бы Перикл лично не пришел ее защищать: он взял ее на руки, покрыв поцелуями и смог найти только слезы; но эти слезы обладали красноречием, которое спасло обвиняемую. То же обвинение было выдвинуто против ее друзей, философа Анаксагора и скульптора Фидия; но Перикл не смог спасти их от постигшего их изгнания, несмотря на слезы Аспазии. Потеряв великого человека, который реабилитировал ее, Аспазия не осталась верна его памяти; она дала ему в преемники грубого торговца зерном по имени Лисикл, которого она взяла на себя труд отполировать и надушить. Она не переставала исповедовать риторику, философию и гетайризм. Она умерла в конце пятого века до нашей эры. Пифагорейцы считали, что ее душа принадлежала Пифагору, а из его прекрасного тела она перешла в тело отвратительного киника Кратеса. Ее имя прогремело на всю Азию, и любовница Кира Младшего, правителя Малой Азии, тоже захотела носить имя

Аспазия, в память о знаменитом философе, которому она пыталась подражать. Эта вторая Аспазия, не менее замечательная по красоте и остроумию, унаследовала славу своей тезки и легла в постель поочередно двух персидских царей, Артаксеркса и Дария. Она была фокейкой и до того, как получить прозвище Аспазия, носила имя *Мильто*, что означает "киноварь", из-за яркости цвета лица.

Поскольку Аспазия по милости метемпсихоза согласилась стать киником Кратесом, не так уж удивительно, что философ Гиппархий отдал предпочтение этому кинику, жившему в Догесе, за 350 лет до Рождества Христова. Она принадлежала к хорошей афинской семье, была некрасива, очень умна и образованна, но стоило ей услышать, как Кратес рассуждает о тайнах кинической философии, как она влюбилась в него и не побоялась заявить родителям, что отдастся Кратесу. Ее заперли: она только и делала, что тосковала по Кратесу. Ее родные пошли умолять философа сделать что-нибудь, чтобы вылечить эту упрямцу, и он поступил очень добросовестно. Когда он увидел, что его доводы и советы не вызывают у Гиппархии ни малейшего доверия, он распростерся перед ней в нищете, обнажил свой горб и положил на землю свой посох, мешок и плащ: "Вот мужчина, который будет у тебя, - сказал он ей, - и мебель, которую ты найдешь в его доме. Подумай хорошенько, ты не можешь стать моей женой, не ведя жизнь, предписанную нашей сектой". Гиппархия ответила, что готова ко всему и что она уже все обдумала. Кратес тоже немедленно призадумался и в присутствии собравшихся людей отпраздновал свой брак в Соборе. С этого дня Гиппархия пошла по стопам Кратеса, повсюду сопровождая его на пирах, вопреки обычаю замужних женщин, и не стесняясь, по словам Бейля, "исполнять свой супружеский долг посреди улиц". Таково было предписание кинической философии. Святой Августин в своем *"Городе Божьем"* ставит под сомнение это бесчестное обстоятельство, говоря (а мы используем перевод почтенного Ламота Левайера, воспитателя месье, брата Людовика XIII), "что он не может поверить, что Диоген или те из его семьи, которые имели репутацию людей, делающих все на публике, тем не менее, принимали там истинное и основательное сладострастие, воображая, что они лишь подражают под циничным плащом движениям тех, кто спаривается, чтобы таким образом навязать их глазам зрителей." Как бы то ни было, свадьба Кратеса и Гиппархии была увековечена цинизмом, который афинские киники точно так же праздновали в портике Пицилии. Гиппархия была еще более циничной, чем ее Кратес, и ничто не могло заставить ее покраснеть. Однажды за трапезой она задала софизм, который атеист Феодор разрешил, приподняв ей юбку, согласно несколько бессистемному выражению, использованному Менажем для перевода Диогена-Лаэрта (ἀνέσχευε δ' αὐτῆς θοιμάτιον). Гиппархия не двинулась с места и позволила ему. "Что это доказывает?" - спросила она его, видя, что он остановился. Философия Диогена, похоже, не пользовалась большим авторитетом у куртизанок, ведь, по энергичному выражению одного греческого поэта, "она не снижала цены на духи". Тем не менее у Гиппархии были ученики, которые следовали ее гнусному примеру и заставляли краснеть даже Дикеридов. Она написала множество философских и поэтических произведений, включая письма, трагедии и трактат о гипотезах, который заставил одну женщину сказать: "Все в ней - гипотеза, даже любовь". В греческом языке очень свободная игра слов, что можно понять из этимологии слова *hypothesis* (ὑπό, под, и θέσις, положение). Гиппархия, как куртизанка, могла иметь моду только в киническом мире, поскольку портрет, который оставил нам философ Аристипп о последователях Диогена, дает весьма нелицеприятное представление о женщинах этой секты: Разве вы не будете правы, - говорит он, - высмеивая этих мужчин, которые гордятся толщиной своей бороды, шишковатым посохом и потрепанным плащом, под которым они прячут самую отвратительную грязь и всех паразитов, которые могут там поселиться? А что вы скажете об их ногтях, которые похожи на когти дикого зверя?"

По крайней мере, пифагорейцы, несмотря на наставления Сократа, были лучше одеты и лучше вымыты; гетеры, посвятившие себя этим философам и оказывавшие им преданную помощь, не имели ничего отталкивающего в своей ухоженности и, помимо забот о философии, уделяли время заботе о материальных вещах. Эти женщины, особенно из секты Эпикура, не чурались роскоши. До него Стильпон, философ из Мегары в середине IV века до н. э., также ввел гетеры в секту стоиков, хотя эта секта считала добродетель первым из благ. Стильпон начинал как развратник и всегда сохранял что-то от этого, хотя и советовал своим последователям держать страсти в узде: основой его учения были апатия и неподвижность. Его любовница Никарета, которую следует отличать от куртизанки того же имени, матери знаменитой Нееры, протестовала против этой доктрины и делила свое время между математикой и любовью. Рожденная от благородных родителей, давших ей хорошее образование, она была очарована геометрическими задачами и не отказывала в своей благосклонности тому, кто предлагал алгебраическое решение. Стильпон учил ее только диалектике; другие учили ее свойствам величин, которые являются предметом математики; Стильпон напивался и часто спал; другие тем более бодрствовали. Философская секта, у которой было несколько мастеров, чтобы завоевать своих последователей, никогда не преуспевала. Если математик Никарет оказал много услуг стоикам, то Филенис и Леонтий были не менее полезны эпикурейцам. Филенис, ученица и учительница Эпикура, написала трактат по физике и о крючковатых атомах. Она была родом из Лефкады, но не совершила прыжок, так как у нее не было причин жаловаться на холодность своих любовников. В ее распоряжении была молодость Эпикура; Леонтий не знал этого философа до старости: он любил ее еще больше, и она была совершенно смущена, отвечая ему любовью на любовь. Я торжествую, моя дорогая царица, - писал он ей в ответ на одно из ее писем, - и какое удовольствие я испытываю, читая твое послание! К сожалению, Диоген-Лаэртс процитировал только начало эпистолы. Что касается писем из Леонтия, то у нас есть только одно, адресованное его другу Ламию, и по нему можно судить, что у старого Эпикура был не один любимый соперник. Поэтому его подозрения и ревность были вполне оправданы. Леонтий восхищался философом и ненавидел старика.

"Да, если бы Адонис мог вернуться в этот мир и быть восьмидесятилетним, страдающим от недугов этого возраста, изъеденным паразитами, покрытым вонючими, грязными рунами, как мой Эпикур, то сам Адонис показался бы мне невыносимым". Эпикур не без оснований ревнует одного из своих учеников, молодого и красивого цефисианца Тимарха, которого Леонтия справедливо предпочитает. Именно Тимарх, - говорит она, - впервые посвятил меня в тайны любви: он жил по соседству со мной и, как мне кажется, получил первые плоды моих благосклонностей. С тех пор он не перестает осыпать меня благами: платья, деньги, слуги, рабы, драгоценности из чужих стран - он щедро одаривал меня всем". Эпикур не менее щедр, но не более любвеобилен и во сто крат более ревнив; ведь если Тимарх безропотно терпит соперничество своего господина, то его хозяин не может простить ему, что он молод, красив и любим. Поэтому Эпикур поручает своим любимым ученикам Гермаху, Метродору и Полиену следить за двумя влюбленными и не дать им объединить усилия. Что ты делаешь, Эпикур?" - сказал Леонтий, пытаясь успокоить его. Ты выставляешь себя на посмешище; твоя ревность станет предметом всеобщих разговоров и театральных шуток, софисты будут лирически воспевать тебя". Но барон не желает ничего подобного: он требует, чтобы любили только его: "Весь город Афины, если бы он был населен эпикурейцами или им подобными, - кричит Леонтий, доведенный до крайности, - клянусь Дианой, я бы не ценил их всех вместе взятых так же, как самую маленькую часть тела Тимарха или даже кончик его пальца!" Леонтий попросил у Ламии убежища, чтобы укрыться от ярости и нежности Эпикура.

В это же время у нее появился другой любовник, поэт Гермесианакс из Колофона, который написал в ее честь историю влюбленных поэтов и отвел ей в книге видное место. Но она была больше увлечена философией, чем поэзией, и ей никогда не было лучше, чем в восхитительных садах Эпикура, где она публично распутничала со всеми учениками мастера, которым она также оказывала свои услуги на глазах у всех. Афиней сообщает нам эти философские подробности. После этого мы не можем догадаться, как художник Феодор изобразил Леонтия в медитации: *Leontium Epicuri cogitantem*, говорит Плиний, восхваляя этот знаменитый портрет. Она не ограничивалась высказываниями об учении Эпикура: ею были написаны произведения, отличающиеся изяществом стиля. Ее сочинение против ученого Теофраста вызвало восхищение Цицерона, который с сожалением отметил, что из такого нечистого источника исходит так много аттицизма. Говорят, что эпикурейская доктрина сделала ее матерью, и что ее дочь Даная, которую она приписывала Эпикуру, родилась под платанами в садах философа. Более того, несмотря на почтенный возраст, под седыми волосами Эпикура тлея вся пылкость молодого сердца. Диоген-Лаэртс цитирует это его письмо, сравнимое с пламенной одой Сафо: "Я поглощен собой; я едва могу сопротивляться огню, который меня пожирает; я жду того момента, когда ты придешь, чтобы воссоединиться со мной, как блаженства, достойного богов!" К сожалению, это страстное послание адресовано не Леонтию, а Питоклу, одному из учеников отца эпикурейства. Несмотря на Питокла и Леонтия, были предприняты попытки представить Эпикура самым целомудренным и добродетельным из философов. Леонтий, несомненно, пережил его и все еще процветал в середине третьего века до нашей эры.

Его дочь Даная не умерла куртизанкой: она стала наложницей Софрона, правителя Эфеса, не отказавшись от философии матери и отца. Софрон безумно любил ее, а Лаодикея, жена Софрона, не ревновала ее, напротив, сделала своей подругой и наперсницей: однажды она призналась ей, что поручила убийцам избавить их обоих от мужа и любовника. Даная пошла и рассказала об этом Софрону, который только и успел, что бежать в Коринф. Лаодикия, разъяренная тем, что ее жертве удалось спастись, отомстила Данае и приказала сбросить ее со скалы. Даная, оценив глубину пропасти, в которую ее собирались сбросить, воскликнула: "О боги! Ваше существование справедливо отрицается. Я умираю несчастной за то, что хотела спасти жизнь любимого человека, а Лаодикея, которая хотела убить своего мужа, будет жить среди славы и почестей".

Это были главные философы, принадлежавшие к греческим гетерам и придававшие престиж науки, притягательность духа, смысл существования занятиям проституцией; они возвысились до мастеров философии, словом и стилем: их слава отразилась на бесчисленном семействе куртизанок, которые, вступая в связь с поэтами и философами, не все становились философами и поэтами сами. У Платона была Археанасса из Колофона, у Менеклида - Вакхида Самосская, у Софокла - Архипп, у Антагора - Бедион и т. д.; но эти женщины довольствовались тем, что блистали в делах своей профессии, и не стремились присвоить гений своих любовников, подобно Прометею священный огонь. Поэты и философы одинаково пели куртизанкам дифирамбы.

ГЛАВА XII.

Краткое содержание.- Знакомые женщины прославленных мужчин Греции.- Любовь Платона к старой Археанассе.- Эпиграмма, которую он написал о морщинах этой куртизанки.- Интерпретация этой эпigramмы Фонтенелем.- Гиппик Плангон.-Памфила.-Сингулярное подношение, сделанное этой куртизанкой Венере.-Ее академия верховой езды.-Венера

Ипполития. -Ривальность Плангона и Вакхиса.-Провозглашение колофона.-Щедрость Вакхиса.-Ожерелье двух друзей.-Архипп и Теорис, любовницы Софокла.-Гимн Софокла Венере.-Теорис, осужденная на смерть по обвинению Демосфена.-*Архипп-сова*.-Аристофан, соперник Сократа.-Феодот, *Дар Божий*.-Сократ, *мудрый советчик любви* -Презрение Аркиппа к Аристофану -Месть Аристофана -*Облака* -Смерть Сократа -Ламия и Гликера, любовницы Менандра -Письмо Гликера к Вакхиду -Искренняя любовь Менандра к Гликере.- Комедии в честь куртизанок -Поэт Антагор и жадный Бедион -Лагид или *Черный* и ритор Кефал -Хорид и Аристофон -Фила наложница Гиперида -Любовницы Гиерида.-Эвтиас, обвинитель Фрины.- Исократ и Лагиск.- Герпилис и Аристотель.- Рабыня Никерата и ритор Стефан.- Дерзкая Нера.- Хозяин, потворщик, врач и друг Наис или Ойи.- Хозяйка Вакхиды.- Усилия этой куртизанки, направленные на спасение Фрины от обвинения, выдвинутого против нее Эвтиасом.-Сожаления, вызванные ее смертью.-Отчаяние Гиперида, ее любовника.-*Добрый* Вакхид.-Честный нрав куртизанки Питиас.-Пример нежности, поданный Феодотом на смерть его любовника Алкивиада.-Хозяин Медонтис Абидосский.-*Квадрига* Фемистокла.-Старая куртизанка Фемистоноя.-Шутки Нико, известные под названием "*Коза*".- Эпиграммы Мания, известные под названием "*Пчела и Маний*".

Почти все великие люди Греции, как и Перикл, ездили на колеснице куртизанок; у каждого оратора и каждого поэта была спутница; но хотя мотивы женщин, посвящавших себя письму и красноречию таким образом, были не более чем любовь к славе, они часто обманывались в своих ожиданиях, а их любовники прославляли их только в произведениях, которые едва ли сохранились после этого случая, или, по крайней мере, не дошли до нас. Поэтому осталось очень мало подробностей об этих литераторах, чьи прославленные имена достаточно известны нам, но, возможно, они слишком много пренебрегали своими достоинствами и духом. Похоже, что выдающиеся мужчины, которые не стыдились любить их и прилюдно падать к их ногам, боялись скомпрометировать себя в глазах потомков, сделавшись глашатаями проституции и пороков, вытекающих из нее. Возможно также, что любовницы, выбранные мастерами греческой литературы, не обладали никакими другими достоинствами, кроме чести выбора и материальной красоты; не так уж давно люди ума отдавали предпочтение красивым статуям и меньше заботились о чувствах, чем об ощущениях; Как мы уже говорили, у греков женщина прежде всего отличалась совершенством форм, и одно только ее гармоничное тело обладало большей безмолвной соблазнительностью, чем ум и сердце могли вложить в ее голос и разговор. Из этого можно сделать вывод, что возлюбленные поэтов, ораторов и ученых были не иначе как красивы и сладострастны.

Платон, однако, отошел от философии настолько, что стал слагать стихи о морщинах своей Археанассы, которую он любил не меньше, какой бы морщинистой она ни была. Эта эпиграмма, непереводаемая на французский язык, основана на созвучной аналогии между греческим словом "*морщина*" и словом "*кол*" (по-латыни *rogum* и *ruga*): "Археанасса, член семьи Колофона, теперь моя, скрывая под морщинами победоносную Любовь. Ах, несчастные, кого она коснулась своим пламенем в ранней юности, вы давно уже стали жертвами костра!" Эти стихи, носящие имя Платона, приписываются поэту Асклепиаду, и Фонтенель замаскировал их таким образом в галантном подражании, которое он старался не сравнивать с греческим оригиналом:

Милая Археанасса заслужила мое доверие;
У нее морщины, но я вижу
Труппа влюбленных играет в ее морщинах.

Вы, кто мог видеть ее до того, как ее внешность
Получил с годами эти маленькие пустоты,
Ах! Что вы не страдали?

Кроме того, эпиграмму Платона или Асклепиада можно понять десятью способами и перевести сотней. Мы лучше понимаем другую эпиграмму, автор которой не назван, и которая была написана для другой куртизанки из Милета, называемой в Греции Плангоной, а в Ионии - Памфилой. Эта Плангона, чья красота была вне конкуренции, похитила любовников двух своих подруг Филенис и Вакхиды; затем, довольная своей двойной победой, преподнесла Венере кнут и уздечку с такой аллегорической надписью: "Эту плоть и эти блестящие поводья посвятил Плангон и повесил их на двери своей академии, где люди так хорошо учатся ездить верхом, после того как победил воительницу Филенис с одним конем, хотя она уже начала возвращаться. Добрая Венера, даруй ему благосклонность увидеть, как его победа перейдет в бессмертие". В этих стихах поэт сравнивает любовную карьеру со стадионом, на котором проводятся гонки на колесницах; Плангона так умело использовала кнут и уздечку, что достигла цели раньше Филениса, который все же прошел роковую отметку и считал, что уверен в сохранении преимущества; что же касается коня, на котором ехала Плангона в этой памятной борьбе, то это, возможно, был сам поэт. Если в тот раз Плангоне выиграла гонку, то позже ей повезло меньше; Люсьен рассказывает, что в одно прекрасное утро она оказалась раздета своим любовником, который превратился из коня в оруженосца и обрушил кнут и уздечку на своего всадника: "Один всадник стоил ему жизни", - говорит Люсьен, ссылаясь на надпись на подношении Венере. Мы охотно предположим, что это подношение сопровождалось статуэткой, изображавшей куртизанку в облике богини, к которой она обращалась в своей академии верховой езды, поскольку ее имя (πλανῶν) с тех пор сохранилось на куклах или восковых изображениях, которые продавались у ворот храмов Венеры, главным образом в Трезене, где Венере поклонялись под именем *Ипполитии*.

Плангона была менее известна своими привычками к верховой езде, чем соперничеством с Вакхидой. Эта прекрасная женщина с острова Самос, самая милая и честная из куртизанок, имела в любовниках Прокла из Колофона. Этот юноша встретил Плангона и забыл о Вакхиде; но Плангон, зная, кто ее соперник, сначала не хотел слушать нежных уговоров Прокла, который предлагал пожертвовать ради нее всем, даже Вакхидой: "Попроси у меня доказательство любви? сказал он, - я дам его тебе, даже если это будет стоить мне жизни... Ну, я прошу у тебя ожерелье Вакхиды", - ответил Плангон, смеясь. Этому жемчужному ожерелью не было равных в мире: царицы Азии завидовали куртизанкам, которые носили его день и ночь. В отчаянии Прокл отправился к Вакхиде и, плача, признался, что умирает от любви и что Плангон, несомненно в насмешку, не даст ему никакой надежды, если у него не будет ожерелья Вакхиды в обмен на то, что он просит. Вакхида молча сняла ожерелье и отдала его в руки Прокла; тот, растерянный и нерешительный, собирался вернуть его, бросившись на колени своей благородной госпоже; но страсть взяла верх; он поднялся, дрожа, и скрылся с ожерельем, как вор: "Я возвращаю тебе твоё ожерелье, - написал Плангон Вакхиде, щедростью которой она восхищалась, - завтра я верну тебе твоего любовника". Две куртизанки высоко ценили друг друга и настолько сдружились, что разделили даже любовника и ожерелье. Когда Прокла видели между двумя его любовницами, говорили: "Это ожерелье двух друзей!

Вернемся к любовницам великих людей. У Софокла, старого Софокла, их было две - Архиппа и Теорис. Последняя была жрицей мистерий Венеры и Нептуна; ее называли также

волшебницей, потому что она готовила зелья. Она отвергла любовь знаменитого Демосфена, чтобы польстить гордыне Софокла, который обратился к Венере с таким гимном: "О богиня, услышь мою молитву! Сделай Теориса нечувствительным к ласкам этого юноши, к которому ты благоволишь; раскинь свои чары над моими белыми волосами; сделай так, чтобы Теорис предпочел старика. Силы старика иссякли, но его разум все еще вынашивает желания". Демосфен в отместку за пренебрежительное отношение к этой прекрасной жрице обвинил ее в том, что она советовала рабам обманывать своих хозяев, и приговорил ее к смерти. Софокл, похоже, не стал защищать несчастную Теорис. Возможно, он уже любил Архиппа, который принес ему в жертву юную Смикринессу: "Она сова, - сказал Архипп, - она любит гробницы". В этой гробнице было спрятано сокровище: Софокл, умерший в возрасте ста лет, оставил все свое имущество в завещании любящей сове. Куртизанки оказали на комедию не меньшее влияние, чем на трагедию. Аристофан был соперником Сократа и питал несчастную страсть к любовнице философа, которую прозвали *Теодот*, то есть *Божий дар*. Эта божественная представительница семейства получала уроки от Сократа, называвшего себя *мудрым советником в любви*; она влюбилась в этот упрямый нос и лысый лоб; она умоляла Сократа дать ей самое скромное место среди его любовников и учеников: "Одолжи мне зелье, которым я могу воспользоваться, - говорила она ему, вздыхая, - чтобы приблизить тебя к себе? - Но я не хочу, чтобы ты меня притягивала, - ответил Сократ, - я хочу, чтобы ты сама пришла за мной - я пойду охотно, если ты меня примешь - я приму тебя, если нет никого, кого бы я любил больше, чем тебя". Она удачно выбрала время: Сократ был один. Сократ продолжал давать ей прекрасные советы, как вести себя в роли куртизанки и как надолго удерживать своих любовников, вызывая в них все большую и большую страсть. В это время она нажила себе врага в лице Аристофана, когда отказалась сделать его своим любовником. Грозный поэт заподозрил Сократа в том, что тот наговорил на него наивному Феодоту, и вместо того, чтобы отомстить ей, сочинил комедию "*Облака*", в которой жестоко расправился с философом. Комедия закончилась тем, что Сократ был приговорен выпить болиголов. Феодот оплакивал славную жертву Аристофана: "Твои друзья - твоё богатство, - сказал ему Сократ во время первого визита к нему, - самое драгоценное и редкое из всех богатств! Феодот никогда не хотел включать врага, обвинителя и палача Сократа в число своих друзей.

Поэт Менандр, чьи комедии не были сатирой, как у Аристофана, был лучше принят куртизанками. Ламия и Гликерия последовательно соперничали за славу обладать им и закрепить его за собой: одна - любовница Деметрия Полиоркета, другая - Гарпала Пергамского. Было много споров о том, опередил ли он этих двух принцев в благосклонности их фавориток. "Менандр обладает самым пылким темпераментом, - писала Гликерия Вакхиде, которую боялась иметь в качестве соперницы, - и самый строгий человек лишь с трудом защитился бы от чар Вакхиды. Поэтому не обременяй меня несправедливыми подозрениями и прости меня, дорогая, за любовные тревоги. Для моего счастья важнее всего, чтобы Менандр оставался моим любовником, ведь если бы я с ним рассорилась, если бы его нежность хоть немного ослабла, разве я не находилась бы в постоянном страхе, что меня выведут на сцену и подвергнут оскорбительным замечаниям Кремеца и Дифила?" Гликерия искренне любила Менандра, а он был настолько очарован ею, что, чтобы не расставаться с ней, отказывался от блестящих предложений египетского царя Птолемея, который тщетно пытался привязать ее к своей особе. Вдали от тебя, - писал Менандр Глицере, - какую сладость я могу найти в жизни? Есть ли на свете что-нибудь, что могло бы польстить мне больше и сделать меня счастливее, чем твоя дружба? Твой очаровательный характер, веселье твоего духа перенесут удовольствия юности в нашу глубокую старость. Поэтому давайте проведем вместе те прекрасные дни, которые нам остались; давайте состаримся вместе, давайте умрем вместе; давайте не будем с сожалением думать, что последний оставшийся в живых еще может наслаждаться каким-то счастьем. Да сохраняют

меня боги от надежды на подобное счастье!" Менандр предпочел любовь Глицеры всем радостям честолубия и блеску фортуны: вместо нее он послал к Птолемею поэта Филемона: "У Филемона нет Глицеры!" - нежно воскликнул он. Гликера, тронутая этим доказательством твердой привязанности, все же попыталась убедить Менандра принять предложения египетского царя: она не хотела уступать ему в щедрости, она повсюду следовала за ним, она хотела поехать и поселиться с ним в Александрии; но в душе она торжествовала, она была в восторге от того, что покорила Птолемея: "Я больше не боюсь, - говорила она, - недолговечности любви, основанной только на страсти: если привязанность такого рода сильна, ее легко разрушить; но когда ее поддерживает доверие, кажется, что она может считаться нерасторжимой". Не подумаете ли, что куртизанка умеет находить такие тонкие чувства, и напрашивается вывод, что любовь длится у старой куртизанки не менее долго, чем у юной весталки-девственницы. До того как влюбиться в Менандра, Гликера находилась на царском содержании у Гарпала, одного из самых богатых офицеров Александра Македонского; Ламия же, напротив, покинула Менандра и попала в царское ложе Деметрия Полиоркета.

Менандр поставил комедию в честь своей Глицеры; поэт Эвник прославил свою Антею в пьесе, названной в ее честь. Перекрат подарил Корианну одноименную комедию. Талатта также имела славу быть поставленной в комедии, но имя ее поэта было забыто быстрее, чем ее пьеса. Поэт Антагор, любимец Антигона, не пожалел, что посвятил свою музу его любовнице, жадной Бедион, которая, по словам Симонида, начала русалкой, а закончила пиратом. Ораторы были еще более пылкими поклонниками этих муз, чем поэты, которые обычно не извлекали из них никакой пользы, кроме удовлетворения тщеславия. Лагид или *Черный*, чей панегирик был написан в галантном стиле ритором Цефалом, отдался Лисию для проповеди; Хорид сделал своим отцом Аристофона, который сам был сыном куртизанки Хлорис. Фила была наложницей Гиперида, который выкупил ее и поручил ей заботу о доме, принадлежавшем ему в Элевсисе, не прекращая отношений с Мирриной, Аристагором, Вакхидой и даже Фриной: Фила была, однако, всего лишь рабыней, рожденной в Фивах. Миррина оказала благосклонность Эвтиасу, чтобы убедить его стать обвинителем Фрины, которую она ненавидела: "Клянусь Венерой! - писала Вакхида, возмущенная этой одиозной сделкой, - пусть ты никогда не найдешь другого любовника! Пусть возвышенный предмет твоей любви, этот позорный Эвтиас, свяжет твою жизнь со своей!" Риторы и моралисты были не менее склонны к гетайризму. Исократ ослабил свою строгость в пользу Лагиска; Герпилида, показавшая себя достойной включения в завещание Аристотеля, подарила ему сына Никомаха; Никерата, рабыня Кассия Элейского, была обязана своей свободой ритору Стефану. Когда у хозяйки дома входило в привычку иметь среди своих друзей ратора или поэта, это была должность, которую она никогда не оставляла вакантной в своем доме, и, по словам одного из любителей остроумных людей, если должность была плохо занята или плохо защищена, гарнизон удваивался или утраивался. У знаменитой Нееры, которую Демосфен обвинил в нечестии и прелюбодеянии перед трибуналом Фесмотета, были любовники Ксенеклид, актер Гиппарх и молодой Фринион, племянник поэта Демохареса, пользовавшийся теми же привилегиями, что и дядя. Этого было еще недостаточно; у Фриниона был друг по имени Стефан: вместе они договорились делить ночи Нееры, которая не боялась делиться, которая, ужиная со своими любовниками-близнецами у Хабрия, покидала их объятия, чтобы проституировать себя со всеми рабами в доме. В оправдание ей следует сказать, что в тот вечер она была пьяна. Наис или Ойя, прозванная *Антикирой*, потому что ее обвиняли в том, что она заставляла своих любовников пить чемерицу, имела одновременно нескольких любовников, которых она скрывала под разными именами: Архиас был ее хозяином, Гименей - ее потворщиком, Никострат - ее врачом, Филонид - ее другом.

Вакхида, любовница оратора Гиперида, была, безусловно, одной из самых известных любовниц поэтов и ораторов. Она любила его так сильно, что отказывалась знать других мужчин, как только встречала его. Она была нежной, меланхоличной душой, довольной тем, что любила и была любима одним мужчиной. Она не завидовала своим спутникам и не испытывала к ним недоверия; не способная на зло или даже на мысль о нем, она не подозревала зла в других. Когда Эвтиас обвинил Фрину в нечестии, она умоляла Гиперида защитить ее и сделала все возможное для ее спасения. Единственная критика в ее адрес со стороны гетойцев заключалась в том, что она испортила профессию куртизанки и была слишком добродетельна.

Когда она умерла в расцвете сил, ее, как правило, не хватало. Ее оплакивали как образец доброты, мягкости и нежности. Я никогда не забуду Вакхиду, - писал Гиперид, потеряв ее, - никогда! Как благородна и великодушна была ее преданность! Она облагородила имя куртизанки. Пусть все соберутся, чтобы воздвигнуть ей статую в храме Венеры или Граций! Их слава советует это сделать, ибо со всех сторон твердят, что они вероломные, пожирающие сирены, очарованные страстью к золоту, соизмеряющие свою любовь с судьбой и в конце концов бросающие своих поклонников в пучину бедствий". Вакхида отвергла самые роскошные дары, чтобы сохранить верность Гипериду; она умерла бедной, имея лишь плащ своего возлюбленного, чтобы укрыться им на жалком ложе, где она все еще искала следы его поцелуев.

"Я больше не поймаю сладость ее взгляда, - стонал опустошенный любовник, - я больше не увижу сладострастной улыбки этих очаровательных уст; они исчезли, наслаждения тех ночей, когда она давала жизнь вечно обновляющемуся сладострастию! Ее характер, непередаваемая мягкость, все еще были заметны среди самой полной отрешенности. Какие взгляды! Какие разговоры! Какие беседы с сиренами! Какой чистый, пьянящий нектар был в ее поцелуях! Соблазн покоился на ее губах. Она объединяла в себе трех граций и Венеру; казалось, она была закутана в пояс самой богини! И все же Гиперид дал Вакхиде не одну соперницу; он даже бросил ее на мгновение, чтобы привязаться к Фрине, чью жизнь он только что спас; но Вакхида не выказала ни злобы, ни раздражения; она осталась не менее верной ему, и если кто-нибудь спрашивал ее, что она делает одна, в то время как Гиперид забывал ее в объятиях целого ряда любовниц, которые не шли ей ни в какое сравнение, она отвечала просто: "Я жду его". Приключение с ожерельем сделало ее модной во всей Греции, и ее знали только как добрую Вакхиду. Что касается Плангона, который не сыграл одиозной роли в этом деле, то ему не простили, что он нарушил любовные похождения Вакхиды, и прозвали *Пасифилой* или *Павлиной*. Язвительный Архиолох в своих стихах сравнивает ее со смоковницами, которые растут на скалах и в неположенных местах и чьи горькие плоды служат лишь кормом для ворон и перелетных птиц: "Таким образом, - говорит он, - благосклонность Пасифилы предназначена лишь для чужеземцев, которые проходят мимо и никогда не возвращаются". Таким образом, между куртизанками, страдавшими от осуждения мнений, существовала моральная справедливость.

Не только Вакхида пользовалась уважением в своей профессии; Аристенет и Люсьен до сих пор цитируют Питиаса, который, хотя и принадлежал к той же семье, придерживался честной морали и, по их словам, "никогда не отступал от прекрасной и простой природы". Другая Феодета, которая, несомненно, не заслужила бы такой похвалы, подала пример самой преданной нежности: она любила Алкивиада, но когда ее возлюбленный погиб в засаде Фарнабаза, она благочестиво собрала его останки, завернула их в богатые ткани и отдала им погребальные почести. Так куртизанка оплакивала смерть ученика Сократа. Алкивиад, однако, не был верным любовником, и справедливости ради стоит сказать, что он

был знаком со всеми куртизанками своего времени. Однажды при нем и его возлюбленном Аксиохе кто-то упомянул Медонтис из Абидоса, которую он не знал; ее расхвалили в выражениях, возбудивших его любопытство: в тот же вечер он отправился с Аксиохом, пересек Геллеспонт и провел с ней ночь. Было много знаменитых куртизанок, которые оставили нам лишь имена. Это четыре куртизанки - Скиона, Ламия, Сатира и Наниона, которые появились в колеснице рядом с Фемистоклом или, согласно другой традиции, ехали в колеснице, в которой этот прославленный сын дикерида лежал в костюме Геракла. С тех пор их называют *квадригами* Фемистокла. Лукиан, Афиней и Плутарх называют только Аэрис, Агаллис, Тимандру, Таумариона, Декситею, Малтацею и еще несколько знаменитостей того же рода. Что касается Фемистонэ, которая занималась своей профессией более двенадцати эонов, то она покинула любовную арену только тогда, когда потеряла последний зуб и последний волос. Это бесстрашное упорство было вознаграждено эпиграммой из "Антологии": "Несчастливая женщина, ты можешь стереть цвет своих белых волос, но ты не сотрешь неразлучные раны старости; напрасно ты щедро расходуешь духи, напрасно истощаешь воск и грим, маска не скрывает тебя". Есть одно чудо, недоступное вашему искусству, - это превратить Гекубу в Елену".

За неимением остроумия и образования, большинство гетеров обладали живой речью, в которой часто звучали веселые, а чаще колкие слова. Нико, известная как *Шевр* из-за своего вспыльчивого нрава, была известна своими шутками, которые она называла "coups de cornes". Однажды Демофон, красавец Софокла, попросил у нее разрешения сделать ее похожей на Венеру Каллипигу: "Что ты хочешь с ней сделать?" - презрительно сказала она ему: "Неужели отдать ее Софоклу? Но самой знаменитой из ее эпиграмм была Мания, которая бросала такие язвительные и острые эпиграммы, что ее прозвали *Пчелой*. Греки говорили, ссылаясь на ее имя Мания: "Она милая Мания!". Махон составила целую книгу своих острот; кроме того, она была очень красива и сравнивала себя с одной из трех граций, добавляя, что дома у нее достаточно, чтобы сделать четыре. Она ответила рассеянному человеку, который торговался за ее благосклонность: "Я только раскрою вам свои объятия, иначе, я вас знаю, вы поглотите все до дна". За столом с ней сидел трус, который в драке бежал, бросив свой щит: "Какое животное бежит быстрее всех?" - спросил он ее, когда она разделяла зайца, - "Это беглец", - ответила она. Затем она рассказала ему, не называя его имени, что один из гостей на пиру однажды потерял свой щит на войне; тот, почувствовав, что его дразнят, покраснел, встал и хотел уйти: "Я говорю это, не причиняя тебе вреда, - добавила она, останавливая его за руку. Клянусь Венерой! Если кто и потерял щит, то это, конечно, тот дурак, который одолжил его тебе". Однажды Дементрий Полиоркет попросил у нее разрешения воочию оценить тайные красоты, которые она унаследовала от Венеры Каллипиги и которые она могла бы показать пастуху Парису, если бы ей позволили вступить в схватку с тремя богинями; она сразу же обернулась, с чарующей грацией пародируя эти две строки из Софокла: "Созерцай, превосходный сын Агамемнона, эти предметы, которыми ты всегда так восхищался!" У нее было сразу два любовника, Леонтий и Антенор, которых она выбрала из числа победителей Олимпийских игр и которых удовлетворила в одну ночь, без ведома одного из них. Узнав об этом, Леонтий с досадой упрекнул ее: "Мне было любопытно, - сказала она ему, - узнать, какой вред могут нанести мне два атлета, оба победители Олимпийских игр, за одну ночь!"

ГЛАВА XIII.

Краткое содержание.- Биография знаменитых куртизанок Греции.- Гнафина.- Ее бранные слова, переложенные в стихи Машоном.- Ее трапезы.- Ее племянница Гнатиона или

маленькая Гнафина.- *Апофтегмы* Линкея.- Любовники Гнафины.- Ваза со снегом и сардина.- Как Гнатиону удалось съесть обед, данный Дифилом с сирийцем.- Общение в доме Гнатиона.- Его остроумные реплики.- Его ссоры с хозяином Манием.- Хороший ответ куртизанки Гнатиону.- Любовники Гнатиона - Гнатион и атлет - Гнатион *Гиппопорнос* - Диоген и торговец лошадьми - Лаис - Ее детство - Ее искупление Апеллесом.- Лаис в Коринфе. Известная куртизанка. Непомерные суммы, которые она требовала от тех, кто желал ее благосклонности.- Стыд и смятение Лаиса.- Скульптор Мирон.- Лаис и Евбат.- Ришесс Лаиса.- Ее несчастная старость.- *Анти-Лаис*.- Ее смерть.- Памятники, воздвигнутые в ее память.- Другой Лаис.- Фринэ.- *Остатки вина* Фринэ.- *Почему* эта куртизанка получила прозвище *Фрина* - Ее участие в Элевсинских мистериях и праздниках Нептуна и Венеры - Фрина обвиняется Эвтиасом в нечестивости - Ее оправдывают - *Паразит куртизанки*.- Большое богатство Фрины - Предложение этой куртизанки беотийцам отстроить за свой счет город Фивы, разрушенный Александром Македонским - Амур Праксителя - Золотая статуя, воздвигнутая Фрине после ее смерти.- Фрина, известная как *Симо*.- Пифионика и Гликера.- Гарпалус.- Два любовника Пифионики.- Смерть этой куртизанки.- *Пшеница Глицеры*.- Убийство Гарпалуса.- Слова Глицеры.- *Памятник проститутке*.- Смерть Глицеры.

Из всех греческих женщин, имевших своих историков и панегиристов, наиболее известными в разных отношениях были Гнафина, Лаис, Фрина, Пифионика и Гликера.

Биография Гнафины состоит из одних только бондарных слов, остроумных реплик и пикантных эпиграмм, которые поэт Махон переложил в стихи и которые Афиней собрал с самодовольством, которому мы, к сожалению, не можем подражать; греческий язык отличается разнузданностью, которая придает языку куртизанок всю заносчивость, а французский совершенно не способен воспроизвести их в приличном и понятном виде. Гнафина, которая, судя по ее аттичности и живости ума, была, должно быть, афинянкой, жила во времена Софокла, в конце пятого века до нашей эры. Она, безусловно, была необыкновенной красавицей, но больше всего в ней ценилось неистощимое веселье, приправленное солеными замечаниями, которые, хотя порой и были горькими и грубыми, не менее очаровательными для распутников. Люди платили за то, чтобы послушать ее, а также за то, чтобы увидеть ее, а на обедах, которые она устраивала у себя дома, присутствовали самые знатные граждане Афин. За ней ухаживали и добивались мужчины со вкусом еще долго после того, как цена ее любви упала с возрастом. Более того, она предвидела это расставание с любовниками, воспитав на своих глазах очаровательную девочку, которую выдавала за свою племянницу и называла Гнатион, или маленькая Гнафина. Эта племянница оказалась достойной своей тетки и хорошо использовала полученные от нее уроки. Обе эти женщины стали настолько популярны благодаря своим бесчисленным перепалкам, что саамиец Линкей в своих *"Апофтегмах"* любопытно записал все черты озорства и хорошего настроения, приписываемые тетке или племяннице. Гнафина, опасавшаяся быть выставленной на сцену на посмеище афинянам, привязалась к комическому поэту Дифилу; но она не жалела для него горьких шуток и, казалось, хотела доказать ему, что она достаточно сильна, чтобы померяться с ним силами, если понадобится, на арене комедии. Дифил, раздутый от тщеславия, не хотел соперников, и Гнафина, чтобы удовлетворить его в этом вопросе, со смехом повторяла фиванскую пословицу: "На дороге к Гераклу никогда не растут грабы". Тем не менее у нее было столько любовников, сколько она могла принять, и каждый из них принимался по разным расценкам. Среди завсегдатаев дома был некий сириец, который, не будучи самым щедрым, тем не менее находил изобретения галантности недорогими, но достаточно увлекательными, которыми он расплачивался за благосклонность Гнафины к нему. Однажды, в праздник Венеры, этот сириец прислал ему вазу, наполненную снегом, и сардину в блюде: "Этот снег менее белый, чем ты", - написал он

ему; "эта сардина менее соленая, чем твой язык". Гнатена уже собиралась ответить, когда прибыл гонец от Дифила, привезший для вечернего пира две амфоры вина из Фрасоса, две из Хиоса, кося, рыбу, благовония, короны, ленты, варенья, все в сопровождении повара и флейтиста: "Я хочу, - сказала она, - чтобы подарок моего сирийца был включен в число вин и блюд для ужина". Поэтому она приказала растопить снег в хиосском вине, а сардины смешать с другой рыбой. Когда ужин был подан, прибыл Дифил, и двери были закрыты; когда сириец подошел к ним, ему велели подождать, пока стол будет готов. Гнатена, зная, что сириец находится снаружи, пыталась придумать, как провести его внутрь, прогнав Дифила. Тот начал возлияния и, налив себе, сказал: "Боже мой! - воскликнул он, - ты охладила мое вино в своем фонтане: нет в Афинах ни одного, в котором вода была бы такой ледяной". Дифил, обиженный эпиграммой, ничего не ответил, покраснел и молча удалился. Гнафина тут же велела привести сирийца и продолжила с ним трапезу. Она с большим аппетитом съела сардину, которую предложил ей любимый хозяин: "Это очень маленькая рыбка, - сказала она, - но она доставляет мне большое удовольствие".

Дифиле был мальчиком для битья; чтобы избавиться от него до следующего утра, Гнатене достаточно было уколоть его в поэтическую гордыню. Однажды на представлении одной из его комедий его освистали зрители, и он покинул театр под издевательский смех. Он был так обескуражен и опечален, что решил пойти утешиться к своей любовнице. Она все еще смеялась над неудачей, постигшей Дифила, когда он вошел в ее дом; он позвал раба и грубо сказал ему: "Вымой мне ноги, что толку?" Гнафина ответила с презрением: "Твои ноги не должны были собирать пыль, ведь тебя только что несли на плечах". Дифил не стал больше ни о чем спрашивать и ушел, краснолицый и растерянный. Обычно она держала стол открытым, и каждый, кто хотел сесть, должен был лишь заранее оплатить счет и соблюдать законы общения, которые куртизанка напела Дифиле и которые были выгравированы на мраморной панели у входа в пиршественный зал. Эти законы, написанные в подражание тем, что действовали в философских школах, начинались так, по словам Каллимаха, который цитировал их в своем сборнике юриспруденции: "Этот закон, равный и одинаковый для всех, был написан в 323 стихах". По этому началу можно судить, что Гнафина не имела никаких предпочтений в отношении своих любовников и предъявляла к ним одинаковые условия. "Она всегда была элегантна", - говорит Афинея, рисуя ее портрет; "она говорила с большим изяществом". Для того чтобы передать некоторые из ее колкостей, не хватало только ее улыбки, блеска зубов и огня в глазах.

После оргии в ее доме гости устроили кулачный бой за ее милости, которые она сама выставила на аукцион; одного из участников боя повалили на пол и заставили признать поражение: "Утешьтесь, - сказала она ему, - вы не получите корону после боя, но, по крайней мере, ваши деньги останутся с вами". Ее ужины часто заканчивались битвой, и она принадлежала победителю. Однажды, однако, юноши, которых она приютила, хотели разгромить дом, потому что Гнатена отказалась дать им кредит; у них не было денег, но они кричали, что у них есть пики и топоры: "Oui-da!" - сказала она им, пожимая плечами, - "если бы у вас они были, вы бы заложили их, чтобы заплатить мне?" Она не придавала этому значения, пока они хорошо платили ей. Однажды она оказалась в постели с негодяем-рабом, на спине которого виднелись шрамы от ударов плетью, нанесенных ему хозяином: "У тебя ужасные раны!" - сказала она ему: "Да, - продолжал он, - это ожог, который мне нанес бульон, упавший на плечи". Бульон был горячий, - сказал он, заикаясь, - а я был совсем ребенком... - Это было хорошо, - ответила она, - что мы отхлестали тебя, чтобы исправить положение". Ее товарищи были правы, опасаясь резких ударов, которые она наносила без разбора, но иногда ей приходилось сталкиваться с языком, столь же язвительным, как и ее собственный. Она часто ссорилась с Манией, которая не уступала ей в злобе; они были

достаточно близки, чтобы знать недостатки и недуги друг друга; теперь, когда Мания была склонна к гравии, Гнафина страдала недержанием мочи и хроническим расшатыванием фундамента: "Это из-за меня у тебя камни?" - сердито говорила она. Хозяйка дома Дексития пригласила ее на ужин, но не успели блюда появиться на столе, как она приказала убрать их, велев отнести к своей матери: "Если бы я планировала это, - сказала ей Гнафина, - я бы пошла ужинать к твоей матери, а не к тебе". На том же ужине в очень острый кубок налили вино шестнадцатилетней выдержки: "Как тебе нравится?" - спросила Дексития: "По-моему, очень мало для своего возраста", - ответила Гнафина. Там был невыносимый болтун, который все время рассказывал о своем последнем путешествии на Геллеспонт. "Eh quoi!" - перебила Гнатена, - "разве ты не посетил первый город в той стране?" - "Какой?" - спросил путешественник. Сигэ, - ответила она, - "город Тишины (от σιγαῖν - молчать)". В то же время у нее было два жильца, которые платили ей, армянский солдат и сицилийский вольноотпущенник; один из них сказал ей, обращаясь к другому: "Ты похожа на море! - Откуда ты это слышишь?" - продолжала она; "Может быть, потому, что я принимаю две мерзкие реки, Ликос из Армении и Элевтерос из Сицилии?"

Легко заметить, что Гнатэнион без труда училась в школе своей тетки, которая внимательно следила за ней и часто давала ей добрые советы. Во время праздников Венеры они вместе отправлялись искать удачу в храм богини. Они выходили из храма, когда им навстречу попался старый сатрап, такой морщинистый и разбитый, что выглядел на девяносто лет. Старик заметил красоту Гнатэнион и, подойдя к Гнатэне, спросил ее, сколько стоит провести ночь с этим прекрасным ребенком. Гнатион, увидев пурпурное одеяние незнакомца и оценив его богатство по количеству сопровождавших его рабов, ответил: "Тысячу драхм (1000 франков). Что!" - воскликнул сатрап, притворно удивляясь, - "поскольку ты видишь меня в сопровождении большого отряда людей, ты думаешь, что я у тебя в плену, и так высоко поднимаешь мой выкуп? Я дам вам пять мин (500 франков); дело сделано, и я вернусь. - В вашем возрасте, - ответил Гнатеньон, - это уже много, чтобы отправиться туда один раз..... - Моя тетя, - прервал Гнатеньон, - давайте не будем назначать цену. Ты можешь дать мне все, что захочешь, папа, но держу пари, что я тебе так понравлюсь, что ты заплатишь вдвое больше, и эта ночь может считаться за две". Любовником Гнатионы был актер Андроник, который часто платил ей только изящной словесностью; но этот актер заручился поддержкой тетки, напомнив ей о ее любовной связи с комическим поэтом Дифилом. Поэтому Гнатион предпочла Андронику богатого иностранного купца, который осыпал ее подарками. Актер прибыл с пустыми руками, и Гнатион отвернулась от него: "Видишь, как твоя дочь обращается со мной? сказал он, вздыхая, старой Гнатион. - Маленькая дурочка, сказала она племяннице, поцелуй его, приласкай, если он попросит, и оставь свой нрав. - Моя мать, ответила Гнатион, должна ли я целовать человека, который так мало делает для нашей республики и при этом считает все, что у нас есть, своей собственностью?" Андроник только что с успехом сыграл главную роль в "*Эпигонах*" Софокла, но от этого он не стал богаче. Уходя со сцены, весь потный и обвешанный коронами, он позвал раба и приказал ему сообщить о своем драматическом триумфе госпоже, попросив ее заплатить за ужин, который он разделит с ней в тот же вечер. Гнатион приветствует раба и его сообщение строкой, заимствованной из трагедии "*Эпигоны*": "Несчастный раб, что ты пришел сказать?". И она закрывает перед его носом дверь и отправляется к своему купцу в Пирее, который ждал ее. Она не была пышно одета; верхом на маленьком муле, ее свита состояла из трех

служанок, сидящих на ослах, и камердинера, управляющего животными. Тут на узкой дорожке появился в великолепном одеянии один из тех борцов, которые никогда не упускали случая появиться на публичных играх и всегда терпели поражение: "Ах ты, негодяй конюх!" - победно кричал издали гордый атлет, - "убирайся с дороги, а не то я опрокину мула, ослов и девушек". Когда старой Гнатион рассказали об этом приключении, она сделала разумное замечание: "Почему он не заплатил, чтобы сбросить тебя вниз? Эта добрая тетушка не упускала из виду интересы племянницы; так, один галант, после того как сделка была заключена и добросовестно исполнена обеими сторонами, полагая, что может получить от Гнатионы бесплатно то, за что накануне заплатил одну мину: "Молодой человек, - сурово сказала ему Гнатиона, - неужели ты думаешь, что у нас достаточно заплатить один раз, как в школе верховой езды Гиппомах?" Мы видим, что в старости бедная Гнатиона была вынуждена заниматься ремеслом, за которое женщины или мужчины, которых оно позорило, получали прозвище *гиппопорносов*. Диоген, увидев проезжавшего мимо такого торговца лошадьми, великолепно одетого и обвешанного драгоценностями, воскликнул: "Я долго искал настоящего *гиппопорноса*; наконец-то я его встретил". Слово *hipporornos* буквально означало: проституция верхом на лошади. Гнатион с возрастом вела более упорядоченную жизнь и не слишком бесчестно воспитывала дочь, которую родила от Андроника или которую этот актер приписал себе.

Лаис прославилась не своими остротами, хотя те, что ей приписывают, не уступают остротам Гнафины и Гнатиона; именно ее красота, ее несравненная красота поставила ее выше всех других женщин и сделала почти коринфским божеством. Она родилась в Гиккаре на Сицилии; когда Никий, полководец афинян, захватил этот город и разграбил его, маленького ребенка увезли в Пелопоннес и продали в рабство. Однажды художник Апеллес встретил ее, когда она возвращалась от фонтана с вазой, наполненной водой, на голове; он полюбовался ею, догадался, что она будет красивой, и выкупил ее. В тот же день он взял ее с собой на пир, где его друзья были удивлены, увидев, что вместо куртизанки его сопровождает маленькая девочка: "Не беспокойтесь об этом, - сказал он им, - не удивляйтесь; я так хорошо обучу ее, что не пройдет и трех лет, как она будет в совершенстве знать свое дело". Апеллес сдержал свое слово, и, несомненно, ему было не чуждо развитие милостей и талантов Лаис. Она переехала в Коринф, город куртизанок, и сон, посланный ей Венерой Меланис, возвестил о том, что вскоре она обретет свое состояние. Сон сбылся, слава о Лаис распространилась по самым дальним уголкам Азии, и в Коринф съехалось множество богатых иностранцев, искавших лишь благосклонности Лаис, но не все они дошли до конца своего пути. Лаис не только требовала непомерных сумм, но и оставляла за собой право выбирать руку, которая их подаст; иногда, по своей прихоти, она не принимала ничего. Знаменитый оратор Демосфен тоже захотел узнать, чего стоит Лоида; он взял с собой все деньги, которые мог выделить, и отправился в Коринф. Он пришел к куртизанке и спросил, сколько стоит одна из ее ночей: "Десять тысяч драхм", - ответила Лаис. "Десять тысяч драхм!" - ответил Демосфен, который не рассчитывал потратить больше десятой части этой суммы; "Я не так дорого покупаю стыд и горе, чтобы раскаиваться! Именно для того, чтобы мне тоже не пришлось раскаиваться, - ответила Лаис, - я и прошу у тебя десять тысяч драхм". Демосфен вернулся, как и пришел. Однако Лаис любила знаменитостей, поэтому в качестве любовников у нее были и элегантный и приятный философ Аристипп, который хорошо ей платил, и грубый и грязный циник Диоген, которому было бы трудно заплатить. Она предпочитала последнего первому и, казалось, не замечала, что от Диогена дурно пахнет. Что касается соперника последнего, то он не притворялся ревнивцем и часто, чтобы увидеть Лаис, ждал у дверей, пока она

надушится, покинув объятия циника. "Я владею Лаис, - говорил он тем, кто удивлялся такому раскладу, - но Лаис не владеет мной". Как ему представляли, что Лаис отдалась ему без любви и вкуса: "Я не думаю, - говорил он с той же мокротой, - что вино и рыба любят меня, но я питаюсь ими с большим удовольствием". Его упрекали в том, что он терпит ежедневную проституцию Лаис, и советовали ограничить ее: "Я не настолько богат, - говорил он, - чтобы самому покупать столь драгоценные вещи". Но, - возразил кто-то, - ты губишь себя ради нее? - Я действительно много отдаю, - ответил он, - чтобы иметь счастье обладать ею, но я не претендую на то, чтобы за это другие были лишены ее". С другой стороны, Диоген, при всем своем цинизме, ревниво относился к соперничеству блестящего философа Аристиппа с Лаис: "Раз ты разделяешь со мной благосклонность моей госпожи, - сказал он ей однажды, - ты должна разделять и мою философию, взять сумку и плащ киников? - Не кажется ли тебе странным, - ответил Аристипп, - жить в доме, в котором уже жили другие, или взойти на корабль, на котором побывало много пассажиров? - Нет, правда! - ответил циник, стыдясь своей зависти, - ну, а ты удивляешься, что я вижу женщину, которая видела других мужчин до меня и еще увидит других после? Аристипп каждый год ездил с ней на праздники Нептуна в Эгину, и в это время, по его словам, в доме куртизанки царило такое же целомудрие, как у матроны.

Эта куртизанка так властвовала над двумя философами, Аристиппом и Диогеном, что, по ее мнению, в мире не было ни одного философа, который мог бы ей противостоять. Ей бросили вызов - одолеть добродетель Ксенократа: она приняла вызов, решив, что ученика Платона победить не труднее, чем ученика Сократа. Однажды ночью она завернулась в покрывало, полуобнаженная, и пошла стучать в дверь Ксенократа: он открыл и был поражен, увидев, что в его дом вошла женщина. Она сказала, что ее преследуют воры; на руках, шее и ушах у нее полно драгоценностей, которые сверкают в тени; тогда он согласился дать ей приют до рассвета и вернулся в постель, посоветовав ей тоже спать на скамье. Но не успел он лечь в постель, как Лаис появилась во всем блеске своей красоты и расположилась рядом с философом; она подошла к нему, прикоснулась к нему, сжала его между своими руками, пыталась пробудить его ласками, которые оставили его холодным и безучастным; она плакала от ярости, удваивала свои объятия, не уступая ни в чем. Ксенократ не двигался. Наконец она сползает с оскорбительного ложа и прячет свой стыд под вуаль. Она проиграла пари, и они требуют от нее проигранные деньги: "Я поставила, - говорит она, - чтобы сделать человека чувствительным, но не статую". Она была дивной красоты, но ее горло в совершенстве преобладало над лицом, и художники, как и статуи, желавшие изобразить Венеру в достойном ее виде, умоляли Лаис позировать для богини. Скульптору Мирону позволили увидеть эту прекрасную куртизанку без вуали; он был стар, с седыми волосами и седой бородой, но при виде Лаис почувствовал себя помолодевшим; он бросился к ее ногам; он предложил ей все, что у него было, чтобы обладать ею одну ночь; она улыбнулась, пожала плечами и ушла. На следующий день Мирон покрасил волосы и бороду, нарядился и надушился, надел яркий халат и золотой пояс, на шею - золотую цепь, на все пальцы - кольца. Его ввели в дом Лаис, и он с гордо поднятой головой заявил, что влюблен в нее: "Мой бедный друг, - ответила Лаис, узнавшая его и позабавленная метаморфозой, - ты спрашиваешь меня о том, в чем я вчера отказала твоему отцу".

Ей тоже было отказано, когда она влюбилась в Эвбата, которого встретила на Олимпийских играх, куда он приехал побороться за приз. Это был красивый и благородный юноша, оставивший в Кирене любимую жену. Не успела Лаис увидеть его, как призналась ему в любви в таких ясных и настоятельных выражениях, что Эвбатес был очень смущен ответом. Она умоляла его стать ее гостем и поселиться у нее; он отнекивался, говоря, что все его силы нужны для победы в играх. С каждым мгновением она все больше и больше волновалась и

боялась, что предмет ее страсти может ускользнуть от нее: "Поклянись мне, - сказала она ему, - что ты возьмешь меня с собой в Киринею, если победишь!" Чтобы избежать этого преследования, он дал клятву и таким образом сохранил верность своей возлюбленной; в противном случае он бы в конце концов пал под властным взглядом Лаис. Евбатес одержал победу, Лаис послала ему золотой венец, но вскоре узнала, что Евбатес вернулся в Киринею: "Он предал свою клятву", - сказала она другу Евбатеса. "Он сдержал ее, - ответил друг, - ведь он взял с собой твой портрет". Любовница Эвбата, узнав о случившемся, была настолько поражена такой верностью и непостоянством, что воздвигла в честь своего возлюбленного статую Минервы. Лаис в отместку воздвигла другую, изображающую Евбата в облике Нарцисса. Эта гордая представительница семейства была постоянно окружена нетерпеливым двором льстецов и восторженных поклонников; несколько греческих городов соперничали друг с другом за славу ее рождения; самые важные фигуры удостаивались чести иметь с ней дело, и все же некоторые яростные моралисты иногда напоминали ей, что ее профессия постыдна. Так поступил один трагический поэт, который намекнул на ее проституцию, сказав в пьесе: "Уйди отсюда, позорница!". Лаис заметила его, выходящего из театра, и подошла к нему, чтобы самым ласковым голосом спросить, что он имел в виду под этим жестоким апострофом: "Вы сами одна из тех, к кому я обращаюсь!" - жестоко сказал он ей. "По правде говоря!" - весело ответила она, - "вы ведь знаете эту строчку из трагедии: "Одно то позорно, что человек делает, оценивая это как таковое". Эта строка была взята именно из пьесы этого поэта, который не знал, что сказать. Афиней сообщает, согласно Махону, что поэтом, чье презрение Лаис подвергла такому наказанию, был сам Еврипид, но этот анекдот следует отнести к ранней юности Лаис, когда она была на службе у Апеллеса, умершего в 407 году до н. э. Еврипида. Как бы то ни было, ответ Лаис стал пословицей, и, поскольку им пользовались для оправдания самых разных мерзостей, старый философ Антистен переформулировал аксиому куртизанки в таких выражениях: "Что грязно, то грязно, независимо от того, кажется ли это таковым или не кажется тем, кто это делает". Лаис, вместо того чтобы бороться с новой апофтегмой, приняла ее в том виде, в каком ее сформулировал Антистен: "Этот старик прав, - сказала она Диогену, который был учеником Антистена, - он настолько нечист, насколько кажется. А я?" - продолжал Диоген, уязвленный в своем циничном состоянии, - "О тебе, - сказала она, - я ничего не знаю, поскольку люблю тебя".

Лаис скопила огромное состояние, но она строила храмы и общественные здания; она платила статуям, художникам, поварам: она разоряла себя. К счастью, ей настолько нравилась ее профессия, что она не жаловалась на то, что вынуждена продолжать ее в том возрасте, когда куртизанки отдыхают. К тому же она все еще была очень красива, хотя ценность ее любовных связей значительно снизилась: она утешала себя преждевременной деградацией, напиваясь. Эпикрат, которого цитирует Афиней, рисует печальную картину старости Лаис, от которой не осталось ничего, кроме имени: "Лаис бездельничает и пьет. Она бродит вокруг столов. Мне кажется, она похожа на тех хищных птиц, которые в расцвете сил взмывают с горных вершин и срывают маленьких детей, а в старости вяло сидят на вершинах храмов, где и остаются, снедаемые голодом: это зловещее предзнаменование". В весеннюю пору Лаис была богата и великолепна. До сатрапа Фарнабаза было легче добраться. Но теперь она приближается к зиме: храм пришел в упадок, открывается легко; она останавливает первого пришедшего и пьет с ним. Статер, монета в три оболы, для нее - целое состояние. Молодые и старые, она приветствует всех; возраст настолько смягчил ее свирепый нрав, что она протягивает руку за несколькими монетами". Этот отрывок из комедии под названием *"Анти-Лаис"*, возможно, не более чем гипербола, вырвавшаяся из гнева поэта, которого куртизанка плохо приняла. Илиен также рассказывает, что с ней было нелегко ужиться, пока возраст не охладил ее увлечения; ее даже прозвали *Аксиной* из-за ее

неуемной скупости. Однако Афиней, основываясь на устоявшейся традиции, утверждает, что она не делала различий между предложениями богатых и бедных. Эта особенность, вероятно, относится только к тому периоду ее жизни, когда разврат утешал ее страдания.

О забвении, в которое она впала по окончании своей любовной карьеры, свидетельствует та неизвестность, которая окружает время и обстоятельства ее смерти. По мнению одних, ей было 70 лет, по мнению других - 55; последние утверждают, что она оставалась красивой, третьи, напротив, говорят, что она приближалась к дряхлости. Независимо от ее возраста и лица, в *"Антологии"* она посвятила свое зеркало Венере с надписью, которую Вольтер имитировал в этих очаровательных стихах:

Я дарю его Венере, ибо она всегда прекрасна:
Оно слишком увеличивает мои беды!
Я не могу видеть себя в этом верном зеркале
Ни такой, какой я была, ни такой, какая я есть".

Что касается способа ее смерти, то мы не знаем, верить ли Плутарху, Афиней или Птолемею. Последний утверждает, что она задушила себя, когда ела оливки; Афиней опирается на авторитет Филометрия, чтобы показать, что она умерла при исполнении своих обязанностей куртизанки (οὐχὶ Λαῖς μὲν τελευτᾷ ἀπέθανε βίουμένη); и Плутарх рассказывает, что, влюбившись в молодого фессалийца по имени Ипполох, она последовала за ним в Фессалию и вошла в храм Венеры, где он укрылся, чтобы избежать объятий этой вакханки, но женщины страны, Но местные женщины, возмущенные его дерзостью и все еще ревнуя к его красоте, которая была уже не более чем воспоминанием, с громкими криками окружили храм и забили его камнями перед алтарем Венеры, который был запятнан кровью куртизанки. Со времени этого убийства храм был посвящен Венере-убийце и Венере-проказнице. На берегу Пеней для Лаис была воздвигнута гробница с эпитафией: "Греция, некогда непобедимая и богатая героями, была побеждена и обращена в рабство божественной красотой этой Лаис, дочери Любви, воспитанной в школе Коринфа, которая покоится на благородных полях Фессалии". Коринф также посвятил памятник памяти своей прославленной ученицы: на монументе была изображена львица, укрощающая барана. Возможно, что все факты из жизни Лаис не относятся к одной и той же женщине, а две или три женщины с одинаковым именем, жившие примерно в одно и то же время, были перепутаны как историками, так и народной традицией. У любовницы Алкивиада, Дамасандры, была дочь по имени Лаис, которая прославилась скорее своей красотой, чем галантностью. Плиний также упоминает другую Лаис, которая была повитухой и изобретала секретные средства и своеобразные фильтры, чтобы сделать женщин более или менее тучными. Эта же Лаис работала куртизанкой вместе со своими подругами Сальпе и Элефантис, которые, как и она, тоже были куртизанками и очень искусны в искусстве косметики, абортов и напитков-афродизиаков. Они также лечили бешенство и квартовую лихорадку, а во всех своих снадобях использовали менструальную кровь, смешанную с более или менее невинными веществами в различных вариантах. Город Коринф мог похвастаться тем, что был местом роскошных проституций Лаис, но ни один город Греции не мог похвастаться тем, что видел эту королеву куртизанок, постаревшую, упавшую и забытую, изготавливающую порошки, приправы и эликсиры и продающую любовь в бутылках.

Другая куртизанка, Фрина, современница Лаис и не менее известная, чем она, не пережила столь печального упадка и не пришла к столь трагическому концу. Несмотря на огромное

богатство, она не переставала приумножать его теми же средствами, а поскольку с возрастом почти не утратила пышности форм, у нее были любовники, которые платили ей большие деньги вплоть до самой смерти. Это было то, что она весело называла: "Продавать задорого остатки своего вина". Она была родом из Феспии, но постоянно жила в Афинах, где вела очень уединенный образ жизни, не появляясь ни в Керамике, ни в театре, ни на стадионах, ни на религиозных или гражданских праздниках. Она выходила на улицу только завуалированной и одетой в струящуюся тунику, как самая строгая матрона. Она не ходила в общественные бани и посещала только мастерские живописцев и скульпторов, ибо любила искусство и посвящала себя ему, так сказать, обнаженной позируя перед кистью Апеллеса и резцом Праксителя. Ее красота напоминала мраморную статую с Пароса; черты и линии ее лица отличались чистотой, гармонией и благородством, которые воображение поэта и художника придает божественному образу; но тусклая бледность, даже желтизна дали ей прозвище *Фрина*, по аналогии с цветом кустарниковой лягушки - *phrya*; ведь ее фамилия была Мнесарета, и она не была известна под этим именем. Картины и статуи, созданные ее любимым художником и скульптором, вызвали энтузиазм всей Греции, которая поклонялась телесной красоте, культ которой зависел от культа Венеры. В Фрине не было ничего более выдающегося, чем то, что она скромно скрывала от всех глаз, даже от своих любовников, которые обладали ею лишь в темноте; но на Элевсинских мистериях она появлялась, как богиня, под портиком храма и, сбросив одежды перед изумленной толпой, задыхаясь от восторга, исчезала за пурпурной вуалью. На праздниках Нептуна и Венеры она также оставляла свои одежды на ступенях храма и, прикрыв наготу своего прекрасного тела, сияющего на солнце, длинными волосами цвета черного дерева, шла к морю среди людей, которые почтительно расступались, чтобы освободить ей дорогу, и приветствовали ее единодушными восторженными криками: Фриния вошла в волны, чтобы отдать дань уважения Нептуну, и вышла из них, как Венера после своего рождения; на мгновение вы увидели ее на песке, стряхивающую горькие волны, стекающие по ее мясистым бокам и закручивающие ее мокрые волосы: как будто Венера родилась во второй раз. Окрыленная этим мгновенным триумфом, Фрина скрылась от всеобщего ликования и спряталась в своей обычной безвестности. Но эффект от этого появления был еще более впечатляющим, и слава о куртизанке заполнила уста и уши. С каждым годом число любопытных зрителей, которые приходили на Элевсинские мистерии и праздники Нептуна и Венеры только для того, чтобы увидеть Фрину, увеличивалось.

Такая слава куртизанки вызывала зависть и ненависть добродетельных женщин; чтобы отомстить, они прибегали к посредничеству Эвтиаса, который бесполезно одергивал Фрину, не получая от нее того, что она давала только деньгами или гением. Этот Эвтиас был доносчиком самого гнусного толка; он обвинил Фрину перед трибуналом гелиастов в том, что она осквернила величие Элевсинских мистерий, пародируя их, и что она постоянно занимается развращением самых выдающихся граждан Республики, отвлекая их от служения своей стране. Такое обвинение не только привело бы к смерти обвиняемого, но и навлекло бы позор на всех куртизанок, вместе и по отдельности, выговор, штраф, а для некоторых даже изгнание. Фриния была влюблена в оратора Гиперида, который в то время был разделен между Мирриной и Вакхидой. Фрина попросила этих двух женщин работать на Гиперида, чтобы он пришел и защитил ее от Эвтиаса. Это было щекотливое положение для Гиперида, который, как известно, был особенно заинтересован в том, чтобы прийти на помощь Фрине, которую он любил, и выступить против Эвтиаса, которого он ненавидел как самого трусливого из мужчин. Фрина плакала, кутаясь в покрывало и закрывая лицо двумя руками из слоновой кости; Гиперид, тронутый и встревоженный, протянул к ней руку, чтобы объявить, что он защищает ее; и когда Эвтиас сформулировал свои обвинения через Аристогитона, Гиперид заговорил, признался, что он не чужой в этом деле, поскольку Фрина

была его любовницей, и умолял судей сжалиться над его бедой. Голос его дрогнул, горло переполнилось рыданиями, на веках выступили слезы, но суд, холодный и молчаливый, казалось, не собирался вмешиваться. Гиперид понял, какая опасность грозит обвиняемому: он разразился проклятиями в адрес Эвтиаса, он решительно заявил о невинности своей жертвы, он благодушно поведал о той почти религиозной роли, которую одна только Фрина смогла принять на Элевсинских мистериях... Гелиасты прерывают его; они уже готовы вынести роковой приговор. Гиперид подозвал Фрину ближе: он сорвал с нее покрывало, разорвал тунику и с сочувственным красноречием призвал к священным правам красоты, чтобы спасти эту достойную жрицу Венеры. Судьи были тронуты и восхищены видом стольких прелестей; им казалось, что они видят саму богиню: Фрина была спасена, и Гиперид заключил ее в свои объятия. Он влюбился как никогда, увидев эту восхитительную красавицу, которая имела на судей большее влияние, чем его красноречие; Фрина же, в свою очередь, из благодарности стала любовницей своего адвоката, который был неверен Миррине. Она думала, что мстит, встав на сторону Эвтиаса и предоставив этому подхалиму все то, в чем отказала ему Фрина. Куртизанки были возмущены тем, что одна из них осмелилась таким образом протестовать против решения, освободившего Фрину, и Вакхис выступил в роли их переводчика, написав неосмотрительной Миррине: "Ты сделала себя объектом отвращения всех нас, посвятивших себя служению Венере Благодетельной!"

ФРИНА ПЕРЕД АРЕОПАГОМ

Вскоре она раскаялась в том, что поддалась порыву ревности и тщеславия. Покинувший ее Гиперид не вернулся к ней; он долгое время оставался влюбленным в Фрину: "У него есть друг, достойный его и его прекрасной души, - писала Вакхида Миррине, - а у тебя - такой любовник, какой тебе был нужен!" Объявив себя защитником куртизанки, Гиперид сделал себе больше чести и больше пользы, чем защищая первых граждан республики: вся Греция говорила о его ораторском таланте; люди не уставали аплодировать прекрасному движению красноречия, которым заканчивалась его речь; похвалы, благодарности и подарки сыпались к нему со всех сторон, и, в довершение всего, Фрина принадлежала ему. Хотя греческие куртизанки не воздвигли ей золотую статую, как предлагала Вакхида, они не пожалели сил, чтобы выразить ей свою признательность: "Все афинские куртизанки в целом, - писала Вакхида, державшая перо за своих спутниц, - и каждая из них в частности, должны отблагодарить тебя так же, как Фрина". Мы можем предположить, что ее обращение было опубликовано, поскольку обращение Аристогитона, который выступал от имени Эвтиаса, было известно во времена Афиней. Мы также знаем, что Эвтиасу, которого только любовь сделала клеветником, не давало покоя то, что Фрина не простила его, и он подписался на самые губительные условия, чтобы получить это прощение. Вакхида предвидела этот печальный исход, когда писала Фрине: "Эвтиас влюблен в тебя гораздо сильнее, чем Гиперид. Последний, благодаря важной услуге, которую он оказал тебе, предоставив защиту и помощь своего красноречия в самых критических обстоятельствах, кажется, требует от тебя наибольшего внимания и одаривает тебя своими ласками, в то время как страсть другого может быть раздражена до последней степени только плохим успехом его одиозного предприятия. Тогда ждите от него дальнейших уговоров, самых горячих просьб: он будет изобильно предлагать вам золото". Золото одержало верх над негодованием. Ареопаг, не имевший в данном случае никакого решения, предвидел возможность того, что на его рассмотрение может быть вынесено аналогичное дело, дающее повод для той же защиты; он не хотел подвергаться соблазнам, покоровшим гелиастов; он издал закон, запрещающий адвокатам использовать какие-либо уловки для возбуждения жалости судей и запрещающий обвиняемым лично являться к судьям до вынесения приговора. Фриния, в свою очередь, опасаясь новых обвинений, не только воздерживалась от участия в праздниках и религиозных церемониях, но и старалась завоевать сторонников и, так сказать, сделать из себя существо даже посреди Ареопага. Она открыла свое ложе и свой стол для гурманов и распутников; сенатор Ареопага по имени Гриллион скомпрометировал себя до такой степени, что стал *паразитом* куртизанки, как описал его Сатир из Олинфа в своем "*Памфиле*".

Богатство, приобретенное Фринон, превосходило богатство царя: комические поэты, Тимокл в "*Нерее*", Амфис в "*Курисе*" и Посидипп в "*Эфесеях*", рассказывали о скандале, вызванном этой нечистой роскошью. Однако Фриния использовала его с пользой: за свой счет она построила различные общественные памятники, особенно в городе Коринфе, который все женщины считали своим домом из-за денег, которые они там зарабатывали. Когда Александр Македонский разрушил Фивы и обрушил их стены, Фрина вспомнила, что родилась в Беотии, и предложила отстроить их город на свои деньги, только при условии, что в ее честь будет выгравирована надпись: *Фивы разрушены Александром, отстроены Фринон*. Фиванцы отказались увековечить позор. Фрине, как и Беотии, не досталось от небес даров разума; но она отличалась от большинства женщин острым чувством искусства; она видела в себе живой образ божественной красоты; она воздала себе должное в работах Апеллеса и Праксителя: первый создал по ее образцу Венеру Книдскую; второй написал ее такой, какой он видел ее на праздниках Нептуна и Венеры, поднимающейся из волн. Оба были ее любовниками, но Пракситель одержал верх над своим соперником. Фриния попросила у него самую прекрасную статую, которую он когда-либо делал в память об их

любви. "Выбирай!" - ответил Пракситель; она попросила несколько дней, чтобы сделать свой выбор. Тем временем, когда Пракситель был дома, в мастерскую скульптора ворвался раб, весь в поту, и закричал, что мастерская горит. "О, я пропал, - сказал Пракситель, - если сгорели мой Сатир и мой Купидон! Я выбираю Купидона, - прервала его Фрина. Это был трюк, который она придумала, чтобы узнать, что художник думает о своих работах. С тех пор Фрина подарила этот шедевр своему родному городу. Калигула приказал убрать его из Феспии и перевезти в Рим, но Клавдий в одном из своих преторских постановлений приказал вернуть Купидона феспийцам, "чтобы успокоить дух Фрины", - гласил приговор. Статуя едва успела вернуться на свой пустой постамент, как Нерон приказал вернуть ее в Рим, где она погибла в пожаре, устроенном самим Нероном. Фриния, хоть и была богата, продолжала заниматься своим обычным делом, пока не достигла возраста морщин и седых волос. Тогда она похвасталась, что обладает мазью, которая полностью скрывает морщины; она намазала себя таким количеством снадобий, что Аристофан в своей комедии "*Харангуры*" смог сказать: "Фрина превратила свои щеки в лавку аптекаря". А у греков эта фраза стала пословицей, описывающей женщин, которые пользовались косметикой.

Время ее смерти и место погребения неизвестны; от Павсания мы узнаем только, что ее друзья, любовники и соотечественники способствовали возведению ее золотой статуи в храме Дианы в Эфесе; на постаменте этой статуи, основанием которой служила пентелийская мраморная колонна, мы читаем: "Эта статуя - работа Праксителя". Она была помещена между статуями двух царей, Архинама, царя Лакедемонии, и Филиппа, царя Македонии, с надписью: "*Фрине, прославленной Феспине*". Именно эту статую подверг резкой критике философ Кратес, воскликнув: "Вот памятник наглости Греции! Поскольку имя Фрина, как и имя Лаис, стало синонимом прекрасной куртизанки, несколько женщин этого сословия называли себя *Фринами*. Чтобы отличить первую Фрину от ее скромных подражательниц, ее называли *Феспией*. Геродик в своей "*Истории тех, кого высмеивали на сцене*" упоминает о Фрине, которую прозвали *Решетом*, потому что она губила своих любовников, подобно тому, как решето используется для извлечения муки, смешанной с отрубями. Согласно Аполлодору в его "*Трактате о куртизанках*", существовали две Фрины, прозванные *Клоксигелаос* (заставляющая плакать, после того как рассмешила) и *Сапердион* (превосходная рыба), но ни одна из них, похоже, не была спутана с прославленным Феспионом.

Если Фринэ и Лаис - два самых известных, если не самых ярких, олицетворения гетеры, то Пифионика и Гликерия представляют ее силу еще лучше: Пифионика и Гликерия были почти царицами Вавилона, после того как в Афинах они были простыми куртизанками. Пифионика отличалась только красотой, но она владела некоторыми из тех секретов распутства, которые оказывают такую власть на порочные натуры и сладострастные нравы. Гликера, не менее красивая, не менее искусная, возможно, была также более умной и остроумной. Гарпалус, друг Александра Македонского, правителя Вавилона, любил их обеих и утешался потерей первой только обретением второй. Гарпалус был великим казначеем Александра, и когда его господин отправился в экспедицию в Индию, он без колебаний погрузился в сокровища, вверенные его заботам. Он превзошел великолепия древних вавилонских царей и хотел насладиться всеми удовольствиями, которые могут создать золото и власть. Его окружали флейтисты из Милета, танцовщицы с Лесбоса, плетельщицы венков с Кипра, рабыни и наложницы со всего мира: он послал за куртизанкой из Афин, которая была самой модной и лучше всех исполняла свои либидинозные обязанности. Пифионика удостоилась чести быть выбранной для мелких утех мелкого тирана Гарпалуса. В то время она была коллективной любовницей двух братьев, сыновей человека по имени Херефил, который торговал соленой рыбой и был обязан своим огромным состоянием этому ремеслу. Два

любовника Пифионики содержали ее за большие деньги, и комический поэт Тимокл в своей комедии *"Икарийцы"* высмеивал богатство этой жены, которую ее спутники обвиняли в том, что она чувствует прилив сил: "Пифионика примет тебя с распростертыми объятиями, чтобы получить от тебя путем ласк все то, что я только что дал тебе, ибо она ненасытна. Однако попроси у нее бочонок соленой рыбы; у нее всегда много, так как она довольствуется двумя несолеными широкомордыми сапердами". Саперда, которую широко употребляли представители низших классов, считалась плохой рыбой, о чем торжественно заявил великий софист кулинарного искусства Архестрат. Пифионесса, которую видел в рабстве флейтист Вакхид, а сама она была порабощена владелицей Синопы, неожиданно стала своего рода царицей в вавилонском дворце, но наслаждаться столь редкой удачей ей пришлось недолго: она умерла, несомненно отравленная, и безутешный Гарпалус устроил ей царские похороны. У него была дочь, которая вышла замуж за скульптора-архитектора Харикла, того самого, которому Гарпал поручил построить в Афинах надгробный памятник в память о Пифионике. У Пифионики была гробница в Вавилоне, где она и умерла. Памятник, воздвигнутый Хариклом на священной дороге, ведущей из Афин в Элевсис, стоил 30 талантов (около 250 000 франков в нашей валюте); внимание путешественников привлекала не столько его архитектура, сколько величественность: "Всякий, кто увидит его, - восклицает Дикеарх в своей книге о спуске в логово Трофония, - вероятно, сначала скажет себе с полным основанием: "Это, несомненно, памятник Мильтиада, или Перикла, или Кимона, или какого-нибудь другого великого человека? Несомненно, он воздвигнут на средства республики или, по крайней мере, на основании указа магистратов? Но когда он узнает, что этот памятник был сделан в память о члене семьи Пифионика, что он должен подумать о городе Афины?" Гарпалус так активно взялся за работу над этими погребальными сооружениями, что они были закончены еще до окончания экспедиции Александра в Индию. Феопомп в письме к царю Македонии сообщает, что правитель Вавилона потратил огромную сумму в 200 талантов на две гробницы своей госпожи: "Что! воскликнул возмущенный Теопомп, - два восхитительных памятника Пифионике уже давно завершены: один - близ Афин, другой - в Вавилоне, а человек, называющий себя твоим другом, безнаказанно посвятил храм и алтарь женщине, которая отказалась от всех, кто участвовал в ее расходах, и он посвятил этот памятник имени храма и алтаря Венеры Пифионики! Разве это не открытое пренебрежение местью богов и не неуважение к тебе?" Александр был слишком занят борьбой с Пором, чтобы вмешиваться в происходящее в Вавилоне и Афинах, где Гарпалус обожествлял куртизанку.

Более того, Гарпал уже заменил Пифионику: простая плетельщица венков из Сикиона, Гликера, дочь Талассиса, так понравилась правителю Вавилона, что едва не стала царицей в Тарсе и превратилась бы в богиню, если бы Гарпал пережил ее. Но Александр вернулся из Индии с победой, и ему пришлось наказать тех своих офицеров, которые во время его отсутствия пренебрегали его приказами. Гарпалус видел себя более скомпрометированным, чем другие, и сам был напуган своей чудовищной расточительностью. Он бежал из Тарса с Гликерией и всем, что осталось в казне; он укрылся в Аттике и обратился к афинянам с просьбой поддержать его против Александра. Он собрал армию из шести тысяч наемников и предложил купить защиту Афин любой ценой; с помощью и по совету Гликерия он развратил ораторов, заплатил за молчание Демосфена и заинтересовал народ в своем деле, раздавая муку, которую называли *пшеницей Гликерия* и которая, согласно пословичному выражению, означает "залог потери, а не наслаждения". Именно так эта пшеница упоминается в сатирической комедии, героем которой был Гарпалус, и которую Александр разыграл по всей Азии, чтобы наказать гордеца Гарпалуса. Утверждают даже, что он был автором этой драмы, в которой говорится, что вавилонские мудрецы, ставшие свидетелями несчастья Гарпала после смерти Пифионики, обещали вернуть ее из тени на свет; но более вероятно,

что эта драма была сочинена по наущению Александра Пифоном из Катании или Византии. Как бы то ни было, Гарпалу не удалось с помощью Глицеры получить убежище в Афинской республике; он был изгнан и удалился на Крит, опасаясь мести Александра, который пощадил его; но один из его военачальников убил его, чтобы завладеть сокровищами, которые Гарпал сам украл у царя Македонии. Гликера сумела бежать и вернулась в Афины, отпав от благодати, где вернулась в прежнее состояние куртизанки. Она уже не была царицей Тарса, удостоенной почти божественных почестей, бронзовую статую которой установили в храмах напротив статуи Гарпала; это была женщина досужая, довольно зрелого возраста, с несколько усталой красотой, но неутомимым духом. Линкей из Самоса считал, что ее шутки достойны коллекционирования, и собрал коллекцию, которой мы больше не обладаем. Афиней приводит некоторые из них, которые утверждали современники Глицеры; мы сообщаем о некоторых из них; следующие два, возможно, все еще принадлежат ей. Ты развращаешь молодость!" - сказал ей философ Стильпон, - "Какая разница, если я ее развлекаю!" - ответила она, - "Ты, софист, тоже развращаешь ее, но ты ее понес". Один человек, пришедший выторговать у нее услугу, заметил в корзине несколько яиц: "Сырые или вареные?" - спросил он рассеянно, - "Серебряные?" - ответила она озорно, чтобы вернуть его к теме их разговора.

Приключения в Вавилоне и Тарсе сделали ее модной: речь шла о том, кто окажется в числе наследников Гарпала. Тем не менее Гликерия отдала предпочтение двум гениальным людям - художнику Паузиасу и поэту Менандру. Первый рисовал цветы, которые она сплетала в венки и гирлянды, и старался подражать и равняться на свои блестящие модели; он написал портрет Гликерии, сидящей и делающей венки; эта восхитительная картина, известная под названием "*Стефанопплокос*" (делатель венков), была увезена в Рим и куплена Лукуллом, который ценил ее так же высоко, как и все остальные картины в своей коллекции. Влюбленность Гликерии в Менандра длилась дольше, чем ее роман с Павсинием. Менандр часто упрекал ее в том, что она не такая, как прежде, и с горечью требовал от нее отчета в ее глупой молодости; он ревновал ее как к прошлому, так и к настоящему: "Любила бы ты меня больше, - говорил он ей, - если бы я украл сокровища Александра? Она улыбалась и отвечала на эти грубые слова лишь большей привязанностью и заботой. Однажды вечером он вернулся из театра, опечаленный, раздраженный и огорченный плохим успехом одной из своих пьес; он был весь в поту, в горле у него пересохло. Глисер подал ему немного молока и ласково предложил освежиться: "Это молоко пахнет старостью, - сказал Менандр, отталкивая вазу и руку, протягивавшую ему вазу, - это молоко мне противно, оно покрыто прогорклыми и отвратительными сливками". Это был жестокий намек на белила и румяна, скрывавшие морщины Гликера: "Хорошо!" - весело сказала она, - "не зацикливайтесь на этих страданиях: оставьте то, что сверху, и возьмите то, что снизу". Она искренне любила его и боялась, что кто-то моложе ее лишит ее нежности, которую она часто сохраняла только благодаря хитрости, ведь Менандр был изменчив и капризен в любви: тем не менее он позволил себе закрепить в страстной преданности Гликерии, которую он увековечил в своих комедиях. "Я предпочла бы быть царицей Менандра, чем царицей Тарса", - говорила она. После смерти Гликера не получила пышной гробницы, подобной *памятнику Блудницы* (так называли гробницу Пифионики), но ее имя осталось в памяти греков тесно связанным с именем Менандра и было не менее знаменито, чем имена Лаиса, Фрине и Аспазии.

ГЛАВА XIV.

Резюме.- Возникновение священной проституции в Этрурии.- Одинаковый внешний вид жителей первобытной Италии.- Рим.- *Волчица* Акка Лаврентия.- Происхождение *лупанара*.-

Строительство города Рима на территории, оставленной Аккой Лаврентией своим приемным сыновьям Рему и Ромулу.-Фестивали, учрежденные Ремом и Ромулом в честь своей кормилицы, под названием *Луперкалы*.-Луперки, жрецы бога Пана.-Сабины и оракул.-Геркулес и Омфала.-Священная проституция в Риме.-Куртизанка Флора.-Ее брак с Тарутием.-Происхождение *Флоралов*.-Фестивали Флоры и Помоны.-Куртизанки на Флоралах.-Катон в цирке.-Венера Клоацина.-Честные Венеры: Венера Плацида, Венера Лысая, Венера Генератрикс и т.д.-Вредные Венеры: Венера Волюпия, Венера *Ласковая*, Венера *Доброй Воли*.-Храм Венеры Эрицины на Сицилии, восстановленный Тиберием.-Храмы Венеры в Риме -Приверженность Юлия Цезаря Венере -Истоки культа Венеры Победоносной -Мистический эпизод праздников Венеры -Венера Миртейская или Мурсийская -Приношения куртизанок Венере -*Бдения Венеры* -Бутафорские жертвы, приносимые римскими дамами Купидону, Приапе, Мутину и т.д, Нечестный культ бога Мутина.- Мутина.- Богиня-гермафродит Пертунда.- Тихон и Ортанс.- Знаменитый культ, введенный в Этрурию греком.- Вожди и верховные жрецы этой новой религии.- Аналогия этого культа с культом Исиды.-Тайны Исиды в Риме.-Исиаки.-Коррупция жрецов Исиды.-Култ Вакха.-*Вакханки* и *вакханки*.-Позорные праздники, позорящие божества Рима.-*Рынок куртизанок*.-Разница между священной римской проституцией и священной греческой проституцией.

Египет, Финикия и Греция колонизировали Сицилию и Италию, установив свои религии, обычаи и нравы. С древнейших времен священная проституция следовала за миграцией богинь и богов, которые меняли климат, не меняя характера. Письменных памятников, которые свидетельствовали бы о зарождении этой проституции на острове циклопов и на полуострове Сатурна, не существует уже много веков, но на этрусских и итало-греческих кладбищах было найдено множество расписных ваз, изображающих различные сцены священной проституции до основания Рима. Это всегда те же самые подношения, которые девственницы приносили в храмы Вавилона и Тира, Бубастиса и Нанкрата, Коринфа и Афин. Посвященная женщина приходит, чтобы сесть в святилище рядом со статуей богини; иностранец торгуется о цене ее скромности, и она кладет ее на алтарь, который обогащается от этой постыдной торговли, в которой заинтересован только жрец. Судя по погребальным вазам, именно такую почти неизменную форму принимала священная проституция в египетских, финикийских и греческих колониях. Культ Венеры, безусловно, был первым, которому отводилось почетное место, потому что там, как и везде, он был самым привлекательным и самым естественным; но мы совершенно ничего не знаем об именах и атрибутах, принятых аллегорической богиней сотворения существ. Эти имена должны были быть настолько несхожи с теми, что давались ей в римской теогонии, что ученый Варрон, опираясь на авторитет Макробия, утверждает, что Венера не была известна в Риме при царях. Но Макробию и Варрону следовало бы сказать только, что у нее еще не было храма в стенах города Ромула, поскольку ей поклонялись в Этрурии еще до того, как Рим покорил эту страну, которая долгое время находилась в состоянии войны с ней. Витрувий в своем *"Трактате об архитектуре"* утверждает, что, согласно принципам этрусских аруспиков, храм Венеры мог располагаться только за стенами и вблизи городских ворот, чтобы расстояние от этого храма лишало юношей как можно больше возможностей для разврата и служило причиной безопасности для матерей.

Сакральная проституция была не единственной формой проституции, царившей в первобытной Италии: можно с уверенностью сказать, что там одновременно царили гостеприимная и легальная проституция, первая - в лесах и горах, вторая - в городах. Рисунки на этрусских вазах не позволяют нам игнорировать уже утонченную развращенность, которая проникла в среду этих аборигенов, слепых и грубых рабов своих чувств и страстей. Моральных выводов, которые можно сделать из богатства и разнообразия украшений,

которые носили женщины, почти достаточно, чтобы судить о развитии проституции, порожденной женским кокетством и потребностями в уходе. Из тысячи доказательств, заимствованных с расписных ваз, мы видим, что похотливость этих коренных или экзотических народов не знала ни социальных, ни религиозных ограничений. Бестия и педерастия были их обычными пороками, и эти мерзости, наивно знакомые всем эпохам и всем слоям общества, не имели другого средства защиты, кроме церемоний искупления и очищения, которые иногда приостанавливали их свободную практику. Как и у всех древних народов, беспорядочные половые связи воздавали должное закону природы, и женщина, подчиненная жестоким устремлениям мужчины, обычно была не более чем терпеливым орудием его наслаждений: она почти никогда не осмеливалась заявить о своем выборе и принадлежала тому, у кого хватало сил. Физическое строение этих диких предков римлян оправдывает, кроме того, все, что можно было ожидать от их нескромной чувственности: их мужественные части были аналогичны бычьим и собачьим, они напоминали козлов и носили внизу поясицы нечто вроде хохолка из рыжеватых волос, который невозможно считать признаком условности на рисунках, изображающих эту заднюю козлиную бородку, этот мясистый и волосатый нарост одновременно, этот рудимент настоящего животного хвоста. Трудно сказать, когда этот странный симптом звериного нрава исчез совсем, но он сохранился в аллегорической иконологии как отличительная черта сатира и фавна. Среди рас, столь естественно склонных к плотской любви, проституция, несомненно, была связана со всеми актами гражданской и религиозной жизни.

Проституцию можно найти в колыбели Рима, где Рема и Ромула сосала волчица. Если верить старому историку Валерию, которого цитируют Аврелий Виктор, Аулу-Гелле и Макробий, этой волчицей была не кто иная, как куртизанка по имени Акка Лаврентия, любовница пастуха Фаустула, который приютил двух близнецов, брошенных на берегу Тибра. Акка Лаврентия получила прозвище *Волчица (Лупа)* от местных пастухов, которые знали ее, потому что часто встречали ее в лесу и обогащали своими подарками. В результате своей проституции она даже стала владелицей полей между семью холмами, которые завещала своим приемным детям, основавшим там вечный город. Макробий без обвиняков утверждает, что Волчица нажила свое состояние, безвольно отдаваясь любому, кто платил ей (*meretricio quæstu locupletatam*). Итак, римский народ имел куртизанку в качестве няньки, а отправной точкой для нее был *бордель*. Хижина Акки Лаврентии была известна под этим именем, и с тех пор это название стало применяться к нечистым убежищам ее сверстниц, которые в память о ней назывались *волками*. Однако мы уже видели, что у греков *были волки* той же расы. Та, что вскормила Рема и Ромула и купила первую территорию Рима на доходы от своего распутства, должно быть, долгое время занималась своим позорным ремеслом: *corpus in vulgus dabat*, говорит Аулу-Гель, *pecuniamque emeruerat ex eo quæstu uberem*. Она умерла с репутацией великой проститутки, и тем не менее в ее честь устраивались праздники под именем *Луперкалий*; если ее не обожествляли в храме, то, несомненно, из опасения запятнать храм именем *Лупанара*, позорившего ее дом; Основание *Луперкалий* было оправдано представлением их как погребальных празднеств, отмечавшихся в декабре в годовщину его смерти, и вскоре, из уважения к общественным приличиям, Луперкалии были приписаны богу Пану. Поэтому кажется, что первый праздник, учрежденный в Риме Ремом и Ромулом или их приемным отцом пастухом Фаустулом, был посвящен памяти волчицы Акки Лаврентии.

Этот праздник, продолжавшийся до пятого века нашей эры, не без многих превратностей, был вполне достоин куртизанки. Луперции, жрецы бога Пана, полностью обнаженные, за исключением пояса из овечьей шкуры, держа в одной руке окровавленный нож, а в другой - плеть, проходили по улицам города, угрожая мужчинам ножами, а женщин били плетью.

Женщины, не уклоняясь от ударов, с любопытством искали их и принимали с покорностью. Таково происхождение этой эмблематической расы, которая, как считалось, могла излечить бесплодие у женщин и сделать их толстыми, если божественная плоть попадала в нужное место. Когда римляне Ромула похитили сабинянок, чтобы завести для себя жен и детей, сабинянки поначалу не захотели выполнять то, что от них требовалось: их принудительный союз не принес никаких плодов, хотя у них не было причин жаловаться на своих похитителей. Они отправились воззвать к Юноне в дерево, освященное Паном, и услышанное там прорицание поначалу заставило их насторожиться: "Коза, - сказал оракул, - должна заставить вас стать матерями". Они без труда нашли этого козла; жрец Пана облегчил им задачу, сожрав козла на месте и разрезав шкуру животного на полосы, которыми он выпорол сабинянок, забеременевших от этой порки, которую Луперкалы имели право продолжать. Латинская мифология дала другое, более поэтичное, но менее национальное происхождение праздника Луперкалий. Геракл путешествовал с Омфалой: фавн заметил их и стал тайно следить за ними, надеясь воспользоваться моментом, когда Геракл покинет свою возлюбленную, чтобы выполнить один из двенадцати своих трудов. Влюбленные остановились в пещере и поужинали: Геракл и Омфала переоделись, чтобы развлечься во время ужина; Омфала оделась в шкуру Немейского льва и повесила на спину колчан с отравленными стрелами; Геракл, обнажив волосатую грудь, взял ожерелье и браслеты своей любовницы. В таком переодевании они пили и пьянели. Они спали, каждый сам по себе, на подстилке из сухих листьев, когда в пещеру вошел фавн и нащупал ложе Омфалы. Он проскальзывает в постель Геракла, тщательно избегая львиной шкуры, которая случайно не говорит ему, что в ней находится. Проснувшись, Геракл наказывает смельчака, который был слишком бесцеремонен в своем недомыслии. С этого приключения Пану стала противна маскировка, обманувшая его фавна, и он приказал, как бы протестуя против ошибок такого рода, чтобы его жрецы бегали нагими на Луперкалии. В этот день в жертву приносили козлов, и луперкианцы сами сдирали с них шкуры, чтобы одеться в эти окровавленные шкуры, которые славилась тем, что возбуждали желание и придавали капризный пыл распутным жертвоприношениям бога Пана. Таким образом, священная проституция была душой Луперкалий.

Это были не единственные праздники и не единственный культ, который проституция установила в Риме до культа Венеры. Во времена правления Анкуса Марция куртизанка по имени Флора взяла себе имя Акка Лаврентия, в память о кормилице Рема и Ромула. Она была необычайно красива, но от этого не стала богаче. Однажды она провела ночь в храме Геракла, ища защиты у этого могущественного бога. Геркулес во сне сказал ей, что первый человек, которого она встретит за пределами храма, принесет ей удачу; она встретила патриция по имени Тарутий, обладавшего большим богатством. Не успел он ее увидеть, как влюбился в нее и захотел жениться. Когда он умер, то сделал ее своей наследницей, а Флора, которую этот брак сделал модной, вернулась к своей прежней профессии куртизанки, приобретя огромное состояние, которое она оставила в наследство римскому народу. Ее завещание было принято, и сенат в знак благодарности постановил, что имя Флоры должно быть вписано в великолепие государства и что торжественные праздники должны увековечить память о щедрости этой куртизанки. Но впоследствии эти торжественные почести, воздаваемые женщине с дурной репутацией, задевали совесть честных людей, и было решено, что куртизанку можно реабилитировать, обожествив ее. С тех пор Флора стала богиней цветов, и Флоралии продолжали с пышностью праздновать в апреле или в начале мая. Доходы от владений Флоры использовались для проведения этих праздников, а когда этих доходов стало недостаточно, около 513 года до н. э., в ход пошли штрафы от осужденных за грехи. Праздники Флоры, известные как праздники Флоры и Помоны, всегда сохраняли клеймо своего основателя; магистраты иногда приостанавливали их, но народ

возобновлял их, когда наступал сезон, предвещавший засуху и неурожай. В течение шести дней статуи и алтари богов и богинь, ворота домов и чаши пиршеств увенчивались цветами, улицы и площади устилались свежей травой, устраивались шуточные охоты на зайцев и кроликов (*cuniculi*), которых разрешалось ловить живыми только куртизанкам, когда они прятались под одеяниями. Городские советники, отвечавшие за "Флоралес", бросали в толпу фасоль, сушеный горох и другие бобовые семена, за которые люди дрались кулаками. И это еще не все: эти праздники, которые куртизанки считали своими, приводили к ужасающим беспорядкам в Цирке. Куртизанки выходили из своих домов процессией, предваряемые трубами и завернутые в очень непрочные одежды, под которыми они были обнажены и украшены всеми драгоценностями; они собирались в цирке, на глазах толпившегося вокруг них народа, и там срывали с себя одежды и показывали себя в самой непристойной наготе, самодовольно демонстрируя все, что зрители хотели увидеть, и сопровождая эту бесстыдную выставку постыдными движениями: Они бегали, танцевали, боролись и прыгали, как атлеты и балалаечники, и каждая их развратная поза вызывала крики и аплодисменты неистовой толпы. Внезапно на арену под звуки труб выбегали такие же обнаженные мужчины, и на публике происходил страшный разврат, сопровождаемый новыми выкриками толпы. Однажды Катон, строгий Катон, появился в цирке как раз в тот момент, когда советники собирались дать сигнал к началу игр; но присутствие этого великого гражданина не позволило разразиться оргии. Куртизанки остались одетыми, трубачи молчали, а народ ждал. Катону сказали, что он один мешает проведению игр; он поднялся, натянул край тоги на лицо и вышел из цирка. Народ захлопал в ладоши, куртизанки разделись, зазвучали трубы, и представление началось.

Это была самая бесстыдная проституция, которая когда-либо происходила под покровительством богини, и было ясно, что эта богиня изначально была бесстыдной куртизанкой. Культ проституции был более завуалирован в храмах Венеры. Самым древним из этих храмов в Риме, по-видимому, был храм Венеры Клоацины. В начале Республики, когда чистили огромную Клоаку, построенную царем Тарквинием для отвода городских нечистот в Тибр, в трясине была найдена статуя Венеры. Никто не стал гадать, кто ее туда положил, но ей был посвящен храм под названием Венера Клоакина. Проститутки приходили по вечерам искать удачу около этого храма и возле канализации, которая находилась неподалеку; они откладывали часть своего заработка, чтобы принести богине, чей алтарь был источником нескончаемого потока клятв и подношений того же рода. У Венеры были более честные алтари и менее посещаемые храмы в двенадцати областях или районах Рима. Венера Плаacidная, Венера Лысая, Венера Генитрикс, или родительница, Венера Вертикордия, или меняющая сердца, Венера Эрицина, Венера Победоносная и другие вполне благопристойные Венеры не поощряли проституцию: они едва терпели ее для жрецов, которые предавались ей тайно. Того же нельзя было сказать о Венерах, вершивших исключительно самые сокровенные тайны любви. Храм Венеры Волупии, расположенный в десятом квартале, привлекал развратников обоих полов, которые приходили туда искать вдохновения у богини. Храм Венеры Салации или Распутной, чье местоположение в стенах Рима неизвестно, с большой преданностью посещали куртизанки, желавшие совершенствоваться в своем ремесле; храм Венеры Лубенции или Либертины (или, скорее, *Доброй воли*) находился за стенами, посреди леса, который давал благоприятную тень для встреч влюбленных. Венера под разными именами всегда взывала к инстинктам удовольствия, если не разврата; но в Риме, как и в Греции и Малой Азии, ее храмы не позорили очевидный рынок проституции. Вряд ли кто-то, кроме куртизанок, доводил благочестивое отношение к богине до того, что продавал себя ради ее блага, и во всех случаях жертвоприношение никогда не совершалось внутри храма, если только жрец не был жертвоприношителем.

Нигде в латинской литературе мы не находим, что в храмах Венеры в Риме были посвящённые женщины, коллегии жриц, которые занимались проституцией на благо своих алтарей, как это было ещё в Коринфе и Эриксе во времена императоров. Страбон сообщает в своей "Географии", что знаменитый храм Венеры Эриксинской на Сицилии все еще был полон женщин, связанных с культом богини и отданных на ее алтари просителями, желавшими сделать ее благосклонной к своим желаниям: эти посвященные рабыни могли выкупить себя за деньги, которые они требовали от Проституции, из которых только часть принадлежала храму, который ее охранял. Этот храм пришел в упадок во время правления Тиберия, который, будучи родственником Венеры, приказал восстановить его и поставить новых жриц. Что касается римских храмов, то все они были очень маленькими, так что в целле помещались только алтарь и статуя богини с жертвенными инструментами: поэтому никто не мог войти внутрь, и в праздники Венеры, как и в праздники других богов, церемонии проводились под открытым небом на портике и на ступенях святилища. Такая архитектурная форма, кажется, исключает любую идею о священной проституции или, по крайней мере, о том, что она зависела от самого храма. Кроме того, римляне, приняв религию греков, приспособили ее к своим обычаям, а скептический дух этого народа плохо подходил для актов веры и самоотречения, которые, чтобы не быть одиозными и смешными, должны были быть окружены завесой искренности и наивности: римляне почти не верили в божественность своих богов. Поэтому можно с уверенностью сказать, что праздники Венеры в Риме были более или менее целомудренными или, скорее, приличными во всем, что касалось поклонения, но служили лишь поводом для оргий и беспорядков разного рода, которые ограничивались домами. Когда Юлий Цезарь, кичившийся тем, что он происходит от Венеры, придал новый импульс культу своей божественной прародительницы, посвятил ей храмы и статуи по всей Римской империи, устраивал в ее честь торжественные игры и лично руководил пышными праздниками, которые он восстановил или учредил в ее честь, он и не подумал ввести в действие священную проституцию под своим покровительством; Как ни развратен он был, но и он избегал иметь дело с бесчестными олицетворениями Венеры, которые, подобно Лубенции, Волупии, Салации и др., была не более чем богиней куртизанок. Следует, однако, отметить, что у Венеры-куртизанки никогда не было часовни в Риме.

Там поклонялись прежде всего Венере Победоносной, которая казалась великой покровительницей народа, происходящего от Энея, но не помнят, по какому случаю Венере впервые стали поклоняться как Венере Армейской. Это было спартанское, а не римское происхождение, потому что Венера, прежде чем стать победительницей, была вооружена. В героические дни Лакедемонии все трудоспособные мужчины покинули город, чтобы осадить Мессену; осажденные мессенцы, в свою очередь, тайно покинули стены и ночью двинулись в поход, чтобы застать врасплох Лакедемонию, оставшуюся беззащитной; но лакедемоняне поспешно вооружились и гордо встретили врага, которого обратили в бегство. Спартанцы, предупрежденные об опасности, грозящей их городу, сняли осаду Мессены и возвращались на защиту своих домов. Издалека они увидели шлемы, доспехи и копья: они подумали, что присоединились к мессенцам; они приготовились к бою; но, когда они приблизились, женщины, чтобы их узнали, подняли туники и обнажили свой пол. Устыдившись своей ошибки, лакедемоняне бросились к этим доблестным женщинам с расprostертыми объятиями и даже не дали им времени разоружиться. Начался праздник любви, породивший культ Венеры Воительницы. Венера, - вызывает поэт из греческой антологии, - Венера, любительница смеха и частая гостья в брачном чертоге, где ты взяла это воинственное оружие? Тебе нравилось петь радостные песни, наслаждаться гармоничными звуками флейты в обществе прекрасного Гименея: что толку от этого оружия? Не хвастайся, что ты победила грозного Марса. О, как могущественна Венера!" Авсоний, подражая этой

эпиграмме, заставил богиню сказать: "Если я могу побеждать обнаженной, зачем мне носить оружие? Римская Венера Виктриса была обнажена, на голове шлем, в руках весло.

Таким образом, публичные праздники Венеры были гораздо менее непристойными, чем праздники Лупы и Флоры; они были сладострастными, но не непристойными, за исключением мистического эпизода, который происходил на глазах небольшого числа привилегированных людей и затем поражал воображение тех, кому его рассказывали в более или менее чудесных подробностях. Поэт Клавдиан не сообщает, в каком храме был исполнен этот гениальный трюк забавного физика. На ложе из роз была поставлена статуя богини из слоновой кости, изображенная обнаженной; на том же ложе, на некотором расстоянии от Венеры, была помещена статуя Марса, покрытая стальным оружием. Через несколько мгновений тайна исполнилась: две статуи одновременно затряслись и с такой силой ударились друг о друга, что столкнулись, словно разлетелись на осколки; но остались крепко обнятыми и трепещущими среди листьев роз. Секрет этой мифологической сцены заключался в том, что в животе статуи из слоновой кости находился магнитный камень, притягательная сила которого действовала на сталь статуи Марса. Но это изобретение отражало очень продвинутую эпоху утонченности. Ранние римляне были менее артистичны со своими первыми Венерами. Одной из них была Венера Миртейская, названная так из-за миртового дерева, окружавшего ее храм, который, вероятно, находился недалеко от Капитолия. Мирт был посвящен Венере и использовался для очищения, которое предшествовало брачной церемонии. По преданию, римляне, похитившие сабинянок, обвили себя миртом в знак победы в любви и супружеской верности. Венера, победив Юнону и Палласа в битве за красоту, также обвила себя миртом. Поэтому миртовые венки подносили всем Венерам, а мудрые матроны, поклонявшиеся только достойным Венерам, ненавидели мирт, как рассказывает Плутарх, потому что мирт был одновременно эмблемой и провокатором чувственных удовольствий. Венера Миртейская получила имя Муртий, когда ее храм был перенесен в цирк на горе Авентин, который также назывался Муртий. Тогда юные девственницы уже не боялись обращаться к Венере Муртии, предлагая ей куклы и статуэтки из терракоты или воска, что, несомненно, напоминало о древнем обычае посвящать себя богине, принося в жертву девственность, о котором не подозревали сами просители. Это жертвоприношение, столь частое и широко распространенное в культе Венеры, по-прежнему сохранялось в виде символики, и повсюду грубый факт заменялся более или менее прозрачными аллюзиями. Так, когда римляне заняли Фригию и поселились в Троаде, которую они считали колыбелью своей расы, они обнаружили там обычай, связанный с культом Венеры, который заменил материальный факт священной проституции: За несколько дней до свадьбы молодые девушки посвящали себя Венере, купаясь в реке Скамандр, где купались три богини, готовясь предстать перед своим судьей, пастухом Парисом: "Скамандр, - взывала троянская девушка, отдаваясь ласковым волнам этой священной реки, - Скамандр, прими мою девственность!"

Культ Венеры в Риме не требовал подобных жертвоприношений, более того, куртизанки были самыми усердными у алтарей богини, которая по этимологии своего имени обращалась ко всем и вся (*quia venit ad omnia*, говорит Цицерон в своем трактате "О природе богов"; *quod ad cunctos veniat*, говорит Арнобий в своей книге "Против язычников"). Куртизанки предпочитали предлагать ему знаки отличия или инструменты своей профессии, белокурые парики, гребни, зеркала, пояса, булавки, туфли, плети, колокольчики и многие другие предметы, характеризующие тайны ремесла. Те, кто лишал себя драгоценностей и украшений, должны были пожертвовать их богине, которая должна была вернуть двойную порцию своим призывателям. Некоторые женщины выражали в своих подношениях более бескорыстную благодарность, а их любовники приносили не менее трогательные

подношения: один приносил лампу, которая была свидетелем его счастья; другой - факел и рычаг, с помощью которого он поджигал и ломал дверь своей любовницы; большинство же приносило итифаллические лампы и вотивные фаллосы. В честь Венеры, матери любви, приносили в жертву козлов и козлиц, голубей и воробьев, которых богиня приняла за их ревностное отношение к ее культу. Но если в храмах церемонии и праздники Венеры не оскорбляли скромности, то в домах они разрешали и подстрекали к разврату, особенно среди молодых развратниц и куртизанок. Самые бурные из этих венерических праздников проходили в апреле, месяце, посвященном богине любви, потому что в этот восстановительный месяц развиваются все семена природы и земля как бы открывает свое лоно для поцелуев весны. Апрельские ночи проводились за ужином, питьем, танцами, пением и восхвалением Венеры под колыбелями из зелени и в укрытиях из ветвей, увитых цветами. Эти ночи назывались *кануном Венеры*, и вся молодежь Рима принимала в них участие с пылом своего возраста, а старики и замужние женщины закрывались в глубине своих домов, под опекой своих ларианских богов, чтобы не слышать этих радостных криков, песен и танцев. По случаю этих апрельских праздников, но только в некоторых развратных обществах, иногда устраивались развратные танцы и пантомимы, в которых разыгрывались главные события истории Венеры: Суд Париса, Сети Вулкана, Любовь Адониса и другие сцены из этой нечистой, но поэтической мифологии исполнялись поочередно; Актеры, выступавшие в этих пантомимах, были полностью обнажены, и они старались передать амурные поступки и жесты богов и богинь в самой выразительной пантомиме, настолько, что Арнобий, говоря об этих пластических развлечениях, говорит, что Венера, мать государей, превращается в пьяную вакханку, предающуюся всем дерзостям и бесчинствам куртизанок (*regnatoris et populi procreatrix amans saltatur Venus, et per affectus omnes meretriciæ vilitatis impudicâ exprimitur imitatione bacchari*). Арнобий также говорит, что богиня должна была покраснеть, увидев ужасные непристойности, приписываемые ее Адонису.

Как ни странно, римские женщины, столь сдержанные в отношении культа Венеры, не стеснялись обнажать свою скромность при отправлении некоторых более бесчестных и постыдных культов, которые, тем не менее, касались только подчиненных богов и богинь: они приносили жертвы Купидону, Приапе, особенно Приапе, Мутину, Тутане, Тихону, Пертунде и другим божествам того же порядка. Жертвоприношения и жертвоприношения совершались не только в домах, но и в общественных часовнях, перед статуями, установленными на углах улиц и городских площадях. Не куртизанки обращались к этому таинственному Олимпу чувственной любви: Этим тайным и дерзким культам предавались матроны, даже девственницы; они предавались им, правда, завуалированно, перед восходом или после заката; но они не трепетали, не краснели, когда их видели поклоняющимися Приапу и его бесстыдной свите. Поэтому мы можем поверить, что они сохраняли чистоту своих сердец в присутствии этих нечистых изображений, которые демонстрировали свою чудовищную непристойность повсюду, на улицах, в садах и полях, под предлогом отпугивания воров и птиц. Трудно сказать, когда бог Лампсаха был представлен и популяризирован в Риме. Его культ, скандально распространенный среди самых уважаемых слоев женщин, похоже, не был регламентирован жесткими законами религиозного церемониала. У бога не было даже храма, в котором служили бы жрецы или жрицы; но его фаллофорные статуи были почти так же многочисленны, как и его поклонницы, которые в своей более или менее изобретательной преданности находили различные формы поклонения этому мерзкому богу. Приапе, олицетворяющий душу вселенной и детородную силу материи в человеческой фигуре, богато наделенной атрибутами порождения, был включен в греческую теогонию лишь очень поздно; еще позже он появился у римлян, которые не воспринимали его всерьез, с его козлиными рогами, козлиными ушами и наглой эмблемой мужественности. Римские женщины, напротив, почитали его, так сказать, своей особой защитой и не относились к

нему как к бессильному, нелепому богу. Этот Приапе, которого мифологи сделали естественным сыном Венеры и Вакха, был скорее вырожденным воплощением египетского Мендеса или Гора, который также олицетворял генеративные принципы мира. Но римские дамы не заглядывали так далеко: их любимый бог руководил любовными утехами, супружескими обязанностями и всей эротической экономикой. Это особенно отличало его от Пана, с которым у него было несколько родственных связей по внешнему виду и атрибутам. Обычно ему придавали форму гермеса, и он использовался так же, как и термины, в садах, огородах и полях, которые ему поручалось охранять с помощью своей дубины или посоха.

Древние памятники рассказывают о различных жертвоприношениях, которые Приапе приносили в Риме и по всей Римской империи. Его увенчивали цветами или листвою, обвивали гирляндами, подносили фрукты: Здесь - грецкие орехи в знак уважения к таинствам брака, там - яблоки в память о суде над Парисом; на переносном алтаре перед ним сжигали цветы пшеницы, колумбина, горох и лопух; люди танцевали вокруг его постамента под звуки лиры или двойной флейты и с разной степенью энтузиазма поддавались внушениям его похотливого образа. Единственное, что отличало честных женщин от развратниц в этих жертвоприношениях, - это вуаль, за которой скромность считалась в безопасности. Часто золотые или цветочные венки, посвященные богу Лампсака, не возлагались на его голову, а свисали с самой бесчестной части статуи. *Cingemus tibi mentulam coronis!* восклицает поэт из Приапеев. Другой поэт из того же сборника восхваляет куртизанку по имени Телетус, которая, осыпанная благами и доходами от проституции, таким образом преподнесла золотую корону Приапу (*cingit inauratâ penem tibi, sancte, coronâ*), которого она назвала *святым*. Кроме того, атрибут Приапа постоянно повторялся, как образная эмблема, в целом ряде обстоятельств частной жизни, и самые скромные глаза, видя, как он размножается, так сказать, тысячей капризных направлений, встречали его лишь с безразличием и рассеянностью. Это был колокольчик, или лампа, или факел, или драгоценность, или какой-нибудь небольшой предмет мебели, сделанный из бронзы, глины, слоновой кости или рога; это был главным образом амулет, который женщины и дети носили на шее, чтобы предохранить себя от болезней и филтров; это был, как в Египте, хранитель любви и помощник поколения. Художники и скульпторы предпочитали придать ему крылья, лапы или когти, чтобы выразить тот факт, что он рвется, ходит и летает во владениях Венеры. Таким образом, этот непристойный предмет утратил свою непристойность, и разум почти привык узнавать в нем то, чего уже не могли видеть глаза. Но культ Приапа был не меньшим поводом и оправданием для многих тайных нечистот.

В этот культ входил и культ бога Мутинуса, Мутунуса или Тутунуса, который отличался от Приапе только положением своих статуй. Он изображался сидящим, а не стоящим; более того, его статуи, которых никогда не было много, были спрятаны в закрытых эдикулах, окруженных чащей, куда не могли проникнуть обычные люди. Этот Мутинус был прямым потомком итифаллического идола первобытных народов Азии; он служил той же цели и увековечивал самую древнюю форму священной проституции в Риме. Молодых невест приводили к этому идолу, прежде чем вести к мужу, и они садились к нему на колени, как бы предлагая ему свою девственность: *in celebratione nuptiarum*, говорит святой Августин, *super Priapi scapum nova nupta sedere jubebatur*. Лактанций, кажется, говорит, что они не ограничивались тем, что занимали это непристойное место: *Et Muturnus*, говорит он, *in cujus sinu pudendo nubentes præsident, ut illarum pudicitiam prior deus delibasse videatur*. Это *возлияние* девственности иногда превращалось в реальный и заверченный акт. Затем, выйдя замуж, женщины, желающие побороть бесплодие, возвращались к богу, который снова принимал их на своих коленях и делал их плодовитыми. Арнобий с содроганием

рассказывает об ужасающих подробностях этого жертвоприношения: *Etiam ne Tutunus, cujus immanibus pudendis, horrentique fascino, vestras inequitate matronas et auspicabile ducitis et optatis?* Мы должны вернуться к отвратительным практикам религий Индии и Ассирии, чтобы найти подобный симулякр священной проституции; Но на Востоке, в первые века существования мира, бог порождения и возрождения имел торжественный культ, которому поклонялись среди бела дня и который символизировал плодородие матери-природы, тогда как в Риме этот уменьшившийся и упавший культ был стыдливо спрятан в тени часовни, куда общественное презрение поместило печально известного бога Мутинуса. Эта часовня была воздвигнута в районе Велия, в конце города; она была разрушена во времена правления Августа, который хотел упразднить этот притон священной проституции; Но культ этого ужасного Мутинуса так глубоко вошел в обычаи народа, что пришлось воздвигнуть его эдикулу в сельской местности Рима и тем самым удовлетворить молодых невест и бесплодных женщин, которые приходили туда под вуалью не только со всех концов города, но и из самых отдаленных точек Италии.

Некоторые ученые, основываясь на свидетельстве Фестуса, предполагают, что в часовне Мутина, помимо статуи этого бога, находилась статуя его жены Тутуны или Мутуны, которая присутствовала там только для того, чтобы наблюдать за таинством девиргинации, и не видела никого, кто бы сидел у нее на коленях. Богиня, чье имя, заимствованное из греческого, выражает женский пол и относится именно к ее природе, находилась в не более честной позе, чем те просители, которые обращались к ее мужу. Однако не следует путать Мутуну с Пертундой, богиней-гермафродитом, у которой не было другого убежища, кроме спальни жениха и невесты в брачную ночь. Эта Пертунда, которую, по мнению Августина, следовало бы называть богом *Претундом* (который наносит первый удар), приносилась на брачное ложе и, согласно Арнобию, иногда брала на себя роль столь же деликатную, как и роль мужа: *Pertunda in cubiculis præsto est virginalē scrobem effodientibus maritis*. Это все еще был необычный пережиток сакральной проституции, хотя богиня не принимала девственность жены в жертву, а помогала мужу замуровать ее. В первую брачную ночь приводили еще одного бога и богиню, также врагов супружеского целомудрия, бога *Субургуса* и богиню *Прему*: бог отвечал за обучение мужа его долгу, богиня - жене: *ut subacta a sponso viro*, с удивлением читаем мы в "*Городе Божьем*" святого Августина, *non se commoveat, quum premitur*. Что касается низших богов Тихона и Ортана, то они были лишь скромными хвостами великого Приапа и появлялись при дворе Венеры только в качестве развратных подстрекателей к священной проституции.

Однако мы не знаем, кто были эти непристойные боги, чьи имена едва упоминаются неясным Ликофроном и Диодором Сицилийским; мы не знаем, какие именно удовольствия они возглавляли, и не можем сделать никаких обоснованных предположений относительно их образа и культа. Не исключено, что эти боги, о которых нет никаких образных памятников, были теми же самыми, которые были введены в Этрурию в 566 году Рима, в 186 году до н. э., жалким греком низкого происхождения, наполовину жрецом, наполовину прорицателем. Эти неизвестные боги, чьи имена даже не сохранились в истории, санкционировали такое чудовищное поклонение и такие отвратительные мистерии, что общественное негодование было вызвано их осуждением. Сначала новым богам посвящали только женщин, совершая позорные обряды, которые, тем не менее, привлекали большое количество из любопытства и распутства. Мужчины, в свою очередь, были допущены к практике этого одиозного культа, который отравил всю Этрурию и проник в Рим. Вскоре в городе насчитывалось более семи тысяч посвященных обоих полов; их главными руководителями и верховными жрецами были М. К. Аттиний из низших слоев населения Рима, Л. Опитерний из Фалисков и Мений Церциний из Кампании. Они смело называли себя основателями новой религии, но сенат,

проинформированный об отвратительной практике этого паразитического культа, законодательно запретил его, приказал уничтожить все освященные инструменты и предметы и назначил смертную казнь для каждого, кто осмелится действовать таким образом, чтобы развратить общественную мораль. Несколько священников, которые проводили инициации, несмотря на защиту сената, были арестованы и приговорены к высшей мере пыток. Ничто иное, как такое жесткое применение закона, не могло остановить развитие культа, который апеллировал к самым грубым аппетитам человеческой природы. Предполагается, что следы этого священного разврата никогда не исчезали из обычаев и верований низших слоев населения Рима.

Возможно, между этим странным культом, который пытался подавить сенат, и культом Исиды, который также, и неоднократно, становился объектом запретов магистратов, существуют близкие аналогии. Мы не знаем, когда культ Исиды впервые появился в Риме; мы знаем только, что он прибыл туда в азиатской форме, совершенно отличной от его египетского происхождения. В Египте мистерии Исиды, генератора всего сущего, не всегда были целомудренными и безупречными, но они представляли в аллегориях сотворение мира и существ, судьбу человека, поиск мудрости и будущую жизнь душ. Среди римлян, как и в Азии, эти мистерии были не более чем предлогом и возможностью для разного рода беспорядков: в частности, проституция занимала в них почетное место. Вот почему храм богини в Риме десять раз разрушался и десять раз перестраивался; вот почему сенат в конце концов стал терпим к исихастам только благодаря корыстной защите, которую им оказывали несколько богатых и влиятельных граждан; вот почему, несмотря на огромное распространение культа Исиды при императорах, честные люди с ужасом сторонились его и ничего так не презирали, как жреца Исиды. Апулей в своем *"Золотом осле"* дает нам очень мягкое описание этих мистерий, в которые он был посвящен и тайные церемонии которых он не позволяет себе раскрывать; Он показывает нам торжественную процессию, в которой жрец несет на руках "почтенное чучело всемогущей богини, чучело, не имеющее ничего общего ни с птицей, ни с домашним или диким четвероногим, ни с человеком, но почтенное самой своей необычностью и гениально характеризующее глубокий мистицизм и неприкосновенную тайну, которыми окружена эта величественная религия". Перед чучелом, которое представляло собой не что иное, как золотой фаллос, сопровождаемый эмблемами любви и плодородия, толпилось множество посвященных, мужчин и женщин всех возрастов и рангов, одетых в ослепительно белые льняные одежды: женщины окутывали прозрачными вуалями свои волосы, которые были залиты эссенцией; мужчины, обритые до корней волос, размахивали металлическими систрами. Но Апулей предусмотрительно умалчивает о том, что происходило в святилище храма, где под звуки систрумов и колоколов проходило посвящение. Все античные писатели умалчивают об этой инициации, которая, должно быть, была синонимом проституции. Сами императоры не стеснялись проходить инициацию и носить маску с собачьей головой в честь Анубиса, сына Исиды.

Именно эта богиня, а не Венера, руководила священной проституцией в Риме и во всей Римской империи. Во времена величайшего разврата нравов ей повсюду принадлежали храмы и часовни. Ее главный храм в Риме находился в Марсовом поле; его хозяйственные постройки, сады и подземные туннели для посвящения должны были быть значительными, поскольку, по оценкам, во время исихастских праздников там проходили инициацию несколько тысяч мужчин и женщин. Кроме того, в священных пределах существовала постоянная торговля развратом, в которой жрецы Исиды, запятнанные всеми пороками и способные на любые преступления, оказывали свое покладистое посредничество. Эти жрецы составляли довольно большую группу, которая жила в нечистом общении; они

предавались всем излишества чувств, всем вспышкам страстей; они всегда были пьяны и сыты; Они ходили по улицам города, одетые в льняные одежды, покрытые пятнами и грязью, с собачьими масками на лицах и систрами в руках; они просили милостыню, звуча своими систрами, и стучали в двери, угрожая гневом Исида тем, кто не давал им. В то же время они занимались постыдным ремеслом *ленонов*: конкурируя со старыми куртизанками, они вели все любовные переговоры, переписку, рандеву, сделки и соблазнения. Их храм и сады были убежищем для любовников, которых они оберегали, и прелюбодеев, которых они маскировали под льняными одеждами и вуалями. Мужья и ревнивцы не могли безнаказанно входить в эти места, посвященные удовольствиям, где можно было увидеть только влюбленные пары, где слышались только вздохи, заглушаемые звуком систрумов. Ювенал в своих "*Сатирах*" часто говорит о привычном пользовании святилищами Изида: "До недавнего времени, - говорит он в сатире IX "К Нёволу", - ты довольно регулярно осквернял своим прелюбодейным присутствием святилище Изида, храм Мира, где стоит статуя Ганимеда, таинственную обитель Доброй Богини, часовню Цереры (ибо какой храм есть, где женщины не занимаются проституцией?), и, что ни говори, даже нападали на мужей". Таким образом, двойная проституция допускалась, если не разрешалась и не поощрялась, во всех храмах Рима, особенно в тех, которые скрывали ее лавровым или миртовым деревом.

Куль Исида был также связан с культом Вакха, которому поклонялись как одному из божественных воплощений Осириса. Мифология этого бога-победителя имела слишком много точек соприкосновения с мифологией Венеры, чтобы бог и богиня не почитались одинаково, то есть через фестивали проституции. Эти праздники под названием мистерий отмечались с ужасающими излишествами. Либертины и куртизанки были ревностными и пылкими актерами: одни играли роль *вакханок*, другие - *вакхантов*; они бегали по ночам, полуголые, растрепанные, опоясанные ветвями винограда и плюща, потрясая факелами и тирсами, с цимбалами, барабанами, трубами и колокольчиками; иногда они были переодеты в фавнов и сидели на ослах. Все в этом культе питья символизировало сам акт проституции: Здесь люди пили из стеклянных или глиняных кубков в форме фаллосов; там огромные фаллосы выставлялись на концах тирсов; жрицы бога несли фаллос, фургон и цистус вокруг его храма, как в процессиях исихастов, где эти три эмблемы представляли мужскую природу, женскую природу и союз двух натур; Ведь в цисте, или мистической корзине, находилась змея, кусающая свой хвост, а также пирожные в форме фаллоса и вана. Легко понять, к какому невероятному беспорядку привел эротический культ, столь дорогой сердцам развратной молодежи. Веселая компания, опьяненная вином, имела право распоряжаться мужчинами и женщинами, которых они случайно встречали во время своих ночных прогулок и которых они преследовали своими неистовыми криками, издевательским смехом, непристойными словами и неприличными жестами. Честные женщины в страхе прятались в своих домах, как только наступал час вакханалии, и, услышав, что мимо их дверей проходят исступленные посвященные, приносили жертву своим ларийским богам, призывая Юнону и Скромность. Кроме того, Вакху поклонялись как богу-гермафродиту, и на позорных соитиях, проходивших в глубине его храмов, мужчины становились женщинами, а женщины - мужчинами, в разгар безымянной оргии, которую оживлял и регулировал священный барабан.

И на всех этих позорных празднествах, бесчестивших божества Рима, куртизанки, верные традиции, происхождение которой они не могли объяснить, наживались на своих *ступорах* (*stupra*) и проституциях (*Prostibula*); они лишь выделяли себе пропорциональную долю от доходов за свою торговлю, а остальное клали на алтарь бога и богини, причем сами жрецы не были соучастниками этих постыдных рынков, которые устраивались в пределах храма:

"Сегодня рынок куртизанок в храме Венеры, - говорит куртизанка в *"Пинуле"* Плавта, - там собираются торговцы любовью, и я хочу показать себя там".

Ad ædem Veneris hodie est mercatus meretricius;
Eo conveniunt mercatores, ibi ego me ostendi volo.

Куртизанок в Риме не держали вдали от алтарей, как это было в Греции; напротив, они часто посещали все храмы, несомненно, чтобы найти счастливую возможность получить прибыль; затем они выражали свою благодарность божеству, которое было благосклонно к ним, и приносили в его святилище часть прибыли, которую, как они считали, они должны были ему. Религия закрывала глаза на этот нечистый источник доходов и подношений; гражданское законодательство не вмешивалось в эти детали бесчестной преданности, которые касались культа, и благодаря этой терпимости или, скорее, систематическому воздержанию от судебного и религиозного контроля, священная проституция в Риме сохранила почти свой первобытный вид и физиономию, с той разницей, однако, что она не принадлежала к классу куртизанок и что она стала аксессуаром, чуждым поклонению, вместо того чтобы составлять неотъемлемую часть самого поклонения.

ГЛАВА XV.

Краткое содержание - Период, когда легальная проституция была установлена в Риме - Кем она была введена - Первые проститутки в Риме - Учреждение брака Ромулом - Четыре закона, принятые им в пользу сабинянок - Создание коллегии весталок Нумой Помпилией - Трагическая смерть Лукреции - Ужас и презрение, внушаемые преступлением прелюбодеяния у первобытных народов Италии - Наказание, которому подвергались прелюбодейки в Курах - Моление ослицы - Прелюбодейки, преданные публичной проституции - Честь Сирелы-Супплицирование взрослых женщин в Курах.-Супплицирование ослицы.-Взрослые женщины, преданные публичной проституции.-Честь Кибелы, спасенная благодаря ослице Силене.-Приап и нимфа Лотис.-Люди, предназначенные для приема взрослых женщин.-Ужасное супплицирование, которому подверглись эти злодеи.-Брак по принуждению.-Мать семьи.-Супруга.-Брак по принуждению.Marriage by usucapion or trial marriage - Celibacy forbidden to patricians - A horse or a woman - Vibius Casca before the censors - The Censorian Tables - The Julia Law - Ulpian's definition of a public woman - The different types and degrees of Roman prostitution - Wandering prostitution - Stationary prostitution - Stuprum and fornicatio - Lenocinium - Lenæ and Lenones - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - Класс Meretricibus - Ingenues - Нота бесчестия - Licentia stupri или патент на разврат - Законы императоров против проституции - Комедианты, Меретрикс и сутенеры - Законы и наказания против прелюбодеяния.-Законное сожительство - Наложницы - Налог на проституцию - Ленон Ветий - Мольба Цицерона в защиту Целия - Равнодушие закона к преступлениям против природы - Закон Скантия.

Легальная проституция появилась в Риме в регулярной форме только после основания этого города, который поначалу не был достаточно населен, чтобы жертвовать наиболее полезной частью своих жителей ради публичного разврата. Римлянам не хватало женщин для создания законных союзов, поэтому им пришлось прибегнуть к похищению сабинянок; еще

долгое время им не хватало женщин для создания проституток. Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что легальная проституция была введена в городе Ромуле иностранками, приехавшими туда в поисках удачи и свободно занимавшимися своим постыдным ремеслом до тех пор, пока городская полиция не сочла нужным организовать ее и разработать для нее законы. Но невозможно отнести к одной эпохе, а не к другой это вторжение куртизанок в римские нравы и их бесстыдный дебют на сцене легальной проституции. Яркие воспоминания, которые оставила в памяти римлян кормилица Ромула, Акка Лаврентия, вскоре были скрыты и потускнели под мантией Луперкалий; а когда прекрасная Флора на некоторое время оживила их, пытаясь вернуть им честь, они снова были поглощены и замаскированы в народном празднике, сами непристойности которого уже не имели никакого аллегорического смысла для народа, который предавался им в исступлении. Более того, магистраты и жрецы договорились приписывать Луперкалии богу Пану, а Флоралии - богине цветов и весны, словно стыдясь происхождения этих торжественных праздников проституции. Таким образом, Акка Лаврентия и Флора были первыми проститутками в Риме, но их присутствие в зарождающемся городе следует рассматривать лишь как исключение, и, возможно, именно этим обстоятельством следует объяснить значительное богатство, которое они обе приобрели в то время, когда за них не было конкуренции. Один ученый юрист XVI века, пораженный этой странной особенностью, хотел видеть в Акке Лаврентии, и прежде всего в Флоре, единственную и официальную проститутку римского народа, подобно королеве пчел, которой одной достаточно для ее роя; из этого он сделал невероятный вывод, что женщина, для того чтобы должным образом и со знанием дела быть признанной публичной проституткой, должна была сначала отдаться 23 000 мужчин.

Начиная с правления Ромула, если мы довольствуемся изучением этого вопроса у Тита Ливия, брак был установлен таким образом, чтобы устранить всякий предлог для развода и прелюбодеяния; ведь брак, рассматриваемый с политической точки зрения в новой колонии, имел своей главной целью привязать граждан к домашнему очагу и создать семью вокруг супругов. Поначалу женщин почти не хватало, так как глава колонии прибегал к хитрости и насилию, чтобы заполучить их. Когда эта уловка удалась и сабинянки волей-неволей покорились мужьям, которых им подарил случай, еще не все трудоспособные мужчины Рима были обеспечены женами, и есть основания полагать, что первые два-три века женский пол был в меньшинстве в этом сборище мужчин, приехавших со всех концов Италии и произвольно разделенных на патрициев и плебеев, которые жили отдельно друг от друга. Поэтому брак был необходим для того, чтобы объединить и держать в общем центре эти по сути разные и разрозненные страсти, обычаи и интересы; брак должен был быть прочным и долговечным, чтобы составить социальную основу государства; брак, наконец, отвергал и осуждал все виды проституции, которые могли возникнуть только во вред ему. Сами факты показывают, что институт брака, предписанный Ромулом своему народу, должен был быть окружен самыми надежными гарантиями. Четыре закона, принятые им в одно и то же время в пользу сабинянок и выгравированные на бронзовой таблице в Капитолии, являются убедительным доказательством того, что бича проституции еще не следовало опасаться. Первый из этих законов провозглашал, что женщины должны быть спутницами своих мужей, разделять их имущество, почести и все их прерогативы; второй закон предписывал мужчинам уступать женщинам место на публике и оказывать им почтение; Третий закон требовал от мужчин соблюдать скромность в речи и действиях в присутствии женщин, вплоть до того, что они обязаны были появляться на улицах города только в длинном одеянии, ниспадающем до пят и закрывающем все тело: Наконец, четвертый закон определял три случая, в которых замужняя женщина могла отречься: прелюбодеяние, отравление детей и кража ключей от дома. Кроме этих трех случаев, муж не мог отречься от

своей законной жены под страхом потери всего ее имущества, половина которого в таком случае принадлежала жене, а половина - храму Цереры. Плутарх также приводит два других закона, которые дополняют эти и свидетельствуют о мерах предосторожности, принятых Ромулом для защиты общественной морали и придания брачным узам большей нерушимости. Один из этих законов отдавал прелюбодейную жену на усмотрение мужа, который имел право наказать ее по своему усмотрению, созвав собрание родственников виновной, которые представляли перед ними; другой закон запрещал женщинам пить вино под страхом быть причисленными к прелюбодейкам. Эти строгости вряд ли сочетались бы с терпимостью к легальной проституции; поэтому мы должны признать, исходя из этого строгого уважения к приличиям, что проституция еще не существовала открыто, если она тайно практиковалась за стенами города, в окрестных лесах. Ромулу не было нужды закрывать ворота своего города для беспорядков, скрывавшихся в тени лесов и глубине сельских пещер. Его преемники, вдохновленные его законодательным духом, также были озабочены очищением нравов и освящением брака. Нума Помпилий учредил коллегию весталок и построил храм Весты, где хранился вечный огонь как эмблема целомудрия. Весталки давали обет хранить девственность в течение тридцати лет, и те, кто позволял себе нарушить этот обет, рисковали быть погребенными заживо; но уличить их в святотатстве было нелегко, если только они не на месте преступления; что же касается их сообщника, то, кем бы он ни был, он погибал под ударами плетей, которые наносили ему другие весталки, чтобы отомстить за честь компании. За тысячу лет девственность весталок потерпела лишь восемнадцать явных поражений, или, скорее, только восемнадцать жертв были похоронены заживо, убежденные в том, что они погасили священный огонь скромности. Нума хотел бы превратить всех римлянок в весталок, потому что законодательно обязал их носить только длинные, скромные одежды, то есть свободные и струящиеся, с вуалью, скрывающей не только грудь и шею, но и лицо. Завуалированная таким образом римлянка, закутанная в льняную тунику и плащ, напоминала статую Весты, спущенную с пьедестала; ее серьезная и внушительная походка внушала только чувство почтения, как будто она была самой богиней; и если мужчины почтительно отходили в сторону, чтобы освободить ей место, они следили за ней глазами только в целомудренном восхищении. Трагическая смерть Лукреции, которая не смогла смириться с тем, что пережила оскорбление, - самое яркое доказательство чистоты нравов того времени: весь народ поднялся против виновника изнасилования, совершенного на супружеском ложе, протестуя во имя общественной морали. Более того, существует множество свидетельств того, какой ужас и презрение вызывало преступление прелюбодеяния у первобытных народов Италии, которые, тем не менее, были затронуты греческим и финикийским развратом. Например, в Кумах в Кампании, когда женщину ловили на прелюбодеянии, с нее снимали одежду, вели на форум и обнаженной выставляли на камень, где в течение нескольких часов толпа поносила ее, насмехалась и оплевывала. Другого наказания ей не назначили, но она осталась обреченной на бесчестье; на нее показывали пальцем, называли ὄνοβᾶτις (ехавшая на осле), и это прозвище преследовало ее до конца ее жалкой и несчастной жизни.

По мнению некоторых комментаторов, наказание за прелюбодеяние в Лациуме и соседних регионах изначально было более позорным и скандальным, чем само прелюбодеяние. Кумский осел также фигурировал в этой странной судебной практике, но его роль не ограничивалась тем, что он служил всадником для пациентки, которая стала публичной жертвой блуда четвероногого.

Можно догадаться, сколько сарказма и насмешек могла вызвать такая чудовищная сцена у грубых зрителей. Это было развлечение, достойное варварства фавнов и аборигенов, которые первыми заселили эти дикие места. Несчастные женщины, которые терпели

приближение осла, в синяках, побоях и жестоком обращении, больше не принадлежали к обществу, разве что были его рабынями и игрушками, так что они принадлежали тому, кто пришел на смену ослу. Вероятно, это были первые проститутки, которых стали нанимать для общего пользования жители страны. Здесь, из соображений приличия, непристойное вмешательство осла было устранено; там, напротив, присутствие этого животного, которое больше не предназначалось для функций палача, было сохранено как эмблема; но езда на осле, которую можно найти в средние века не только в Италии, но и во всех частях Европы, куда проникло римское право, не в меньшей степени может быть прослежена до этого древнего происхождения. Осел, очевидно, олицетворял похоть в самом грубом смысле этого слова, и женщины, потерявшие всякую сдержанность, совершив прелюбодеяние или предавшись публичному разврату, были, так сказать, переданы ему. Невозможно сказать, во всех ли случаях осел проявлял разум в тех пытках, за которые отвечал. Мы только предполагаем, что в таких обстоятельствах, которые были довольно редкими среди предков римлян, он носил большой колокольчик, прикрепленный к его длинным ушам, чтобы каждое его движение оглашало позор осужденной женщины. Этот колокольчик был, кроме того, одним из героических атрибутов осла Силена, который, несмотря на пылкость своих страстей, заслужил благосклонность Кибелы за то, что спас честь этой богини: Она спала в укромной пещере, а неосторожный Зефир развлекался тем, что приподнимал створки ее покрывала; мимо проходил Приапе и, не успев увидеть ее, уже воспользовался случаем; но осел Силена потревожил праздник, начав блеять. Кибела проснулась и еще успела спастись от безрассудной затеи Приапа. В знак благодарности она решила посвятить предупредившего ее осла служению своему храму и повесила ему на уши колокольчик в память об опасности, которой она подверглась: каждый раз, когда она слышала звон колокольчика, она оглядывалась, чтобы убедиться, что Приапе нет рядом. Приапе же был так обижен на осла, что ничто не могло порадовать его больше, чем жертвоприношение этого животного. По словам некоторых поэтов, Приапе даже наказал осла, содрав с него кожу, чтобы научить его молчать. Правда, это озорное животное повторило свой вой в похожей ситуации: Приапе встретил в лесу нимфу Лотис, которая спала, как Кибела, и ничему не подчинялась; он уже собирался схватить эту прекрасную добычу, когда осел начал брыкаться и парализовал его злой умысел. Нимфа обиделась на осла еще больше, чем на Приапа. Римляне, несомненно, поддались влиянию нимфы Лотис, потому что ненавидели и почти ненавидели осла, ведь только встреча с ним казалась им дурным предзнаменованием.

Когда осла последовательно лишали его древних привилегий в наказании за прелюбодеяние, ему просто давали двуногую замену, а иногда и несколько одновременно. Несомненно, именно обычай, а не закон, установил этот необычный способ наказания виновных низкого статуса; трудно предположить, что патриции, даже чтобы отомстить за личное оскорбление, отдали бы себя на милость плебейской наглости. В разных частях Рима, наиболее удаленных от центра города и, вероятно, вблизи эдикулов Приапа, существовали определенные места, предназначенные для приема прелюбодейных женщин и подвергания их возмущению первого встречного. Это была своего рода тюрьма, освещенная узкими окнами и закрытая массивной дверью; под низким сводом каменное ложе, устланное соломой, ожидало жертв, которых вели задом наперед в это позорное место; снаружи головы ослов, изваянные в рельефе на стенах, указывали на то, что осел по-прежнему руководил нечистыми таинствами, свидетелями которых являлись в этом хранилище. На куполе этого здания возвышался колокол, который, возможно, и послужил истоком современного столба. Когда женщину уличали в прелюбодеянии, она принадлежала народу - либо потому, что ее бросил муж, либо потому, что судья приговорил ее к публичной проституции. Ее утаскивали под смех, оскорбления и самые непристойные провокации; никакой выкуп не мог ее выкупить; никакие молитвы, никакие усилия не могли спасти ее от

этого ужасного обращения. Как только она, полураздетая, прибыла на место пыток, за ней закрыли дверь и устроили лотерею с пронумерованными костями или валетами, которые определяли каждому исполнителю закона, какой ранг он будет иметь в этой отвратительной казни. Каждый по очереди входил в камеру, и тут же толпа любопытных зрителей бросалась к решетке окна, чтобы насладиться отвратительным зрелищем, о котором возвещал звук колокола под аплодисменты или освистывание публики. Каждый раз, когда на арене появлялся новый атлет, со всех сторон раздавались смех и крики, а колокол звонил снова. Согласно Сократу Схоластику, эта одиозная форма проституции практиковалась по всей Римской империи вплоть до пятого века христианской эры. Первобытный осел существовал лишь в переносном смысле в расстройстве такого наказания, но люди сохранили память о нем, так как практиковали подобный ему блевание во время этого позорного разврата, который часто заканчивался смертью пациента и жертвоприношением осла на близлежащем алтаре Приапе. Тем не менее, вполне вероятно, что римляне не так сильно презирали это животное, чье имя овоc обозначало худший бросок костей: Часто любовник, молодой муж, вешал ослиную голову и виноградную лозу на столбы своего ложа, чтобы отпраздновать подвиги ночи любви или подготовиться к тем, которые он планировал; осел нес подношения в храм целомудренной Весты; осел гордо шествовал на праздниках Вакха, и, как гласит известная эпиграмма, если Приапе питал отвращение к ослу, то только потому, что он ревновал его.

Если наказание за прелюбодеяние было разным для патрициев и плебеев, то это потому, что брак для них тоже был разным. Ромул, который был столь же мудрым законодателем, сколь и строгим, несмотря на похищение сабинянок, хотел сделать брак, так сказать, патрицианским институтом, поскольку считал его необходимым для сохранения семей наследственной аристократии. Этот брак, единственный, которым поначалу занимался законодатель, назывался *confarreatio*, потому что во время религиозных церемоний супруги делили буханку пшеничного хлеба (*panis farreus*) и ели его одновременно в знак союза. Чтобы получить возможность отпраздновать союз таким образом, что давало право на различные привилегии, оба супруга сначала должны были быть признаны принадлежащими к сословию патрициев, а значит, им разрешалось подвергать сомнению покровительство, которое касалось только знати. Ромул, несомненно, установил этот закон, который три века спустя децемвиры включили в законы Двенадцати таблиц: "Патрициям не разрешается заключать браки с плебеями". Последние, уязвленные этим исключением, долго протестовали, прежде чем оно было исключено из кодекса граждан. Конфракционный брак казался единственно законным или, по крайней мере, единственно респектабельным, поскольку ставил жену в равное положение с мужем, предоставляя ей все гражданские права, которыми он наделял себя, и эта женщина, удостоенная титула *матери семейства* (*mater familias*), могла наследовать от мужа и его детей. Таким образом, статус матери семейства ни в коей мере не был аналогичен тому рабству, которое ожидало плебейскую жену (*uxor*) в состоянии брака по *коэмпции* и *узукапиону*. Это были две разные формы законного брака для плебеев. Название "*coemption*" указывает на то, что речь идет о продаже и покупке. Для заключения такого брака женщина приходила к алтарю с тремя тузами (бронзовая монета, равная копейке в наших деньгах) в руках; один туз она отдавала мужу, которого брала в глазах богов и людей, а два других туза оставляла себе, как бы давая понять, что она выкупает только треть своего рабства и что брак освобождает ее лишь частично. Другие юристы утверждали, что этим символом сделки, заключенной между супругами, жена покупала заботу и защиту своего мужа. Этот брак считался столь же законным для плебеев, как и брак конферансье для патрициев, хотя *уксор* не имел тех же прерогатив и прав, что *mater familias*. Что касается третьей формы брака, называемой *usucapio*, то она была не более чем узаконенным наложничеством; чтобы заключить этот брак, женщина с согласия своих естественных

опекунов должна была целый год находиться в супружеских отношениях, не спав три ночи подряд, с мужчиной, за которого она выходила замуж на испытательном сроке. Конкубинатный брак, который был установлен в Риме только силой обычая, был закреплён в Законе двенадцати таблиц и стал таким же гражданским институтом, как и два других вида брака.

Население Рима, состоящее из жителей столь разного происхождения, стран, языков и обычаев, несомненно, было бы склонно жить без ограничений и закона, в самом постыдном беспорядке, если бы Ромул, Нума и Сервий Туллий не создали законодательство, в котором брак служил узами и основой римского общества. Но поскольку эти цари заботились только о патрициях, плебс восполнил молчание законодателей в их отношении и сформировал обычаи, которые заняли место законов, пока не стали законами, принятыми консулами и сенатом. Поэтому можно предположить, что бракам плебеев предшествовали наложничество и проституция, когда иностранки приезжали искать счастья в город, где мужчины составляли большинство, и когда постоянные войны Рима с соседями приводили в его стены множество пленных женщин, которые оставались рабынями или становились женами. В любом случае закон и обычай давали мужу всевластие над женой: если она заставляла его в разгар прелюбодеяния, то, как говорил Катон, не смела даже пальцем к нему прикоснуться (*illa te, si adulterares, digito non contingere auderet*), а если муж заставлял ее в подобном положении, то мог безнаказанно убить. Но патриции, для которых брак был более серьезным делом, часто брали закон в свои руки: поэтому у них были иные представления о проституции, чем у простого народа, и мы должны заключить, что в первые века существования Рима они жили более целомудренно, более супружески, чем плебеи, которые, возможно, женились только для того, чтобы подражать патрициям и стать равными им. Замужняя женщина, будь то мать или жена, не имела права просить развода, даже на основании прелюбодеяния; но муж, напротив, мог развестись при трех обстоятельствах, которые Ромул тщательно оговорил: прелюбодеяние, отравление детей и изъятие ключей от сейфа в качестве доказательства домашней кражи. Напротив, он имел над ними право жизни и смерти и мог продать их до трех раз. Императив отцовства существовал только в отношении законных детей, что достаточно наглядно показывает, что дети, рожденные от проституции, не имели ни опеки, ни помощи в государстве и были отнесены к мерзкому множеству, наряду с рабами и гистрионами.

Риму нужны были не естественные дети; он ничего не делал с этими несчастными жертвами, которые не могли назвать своего отца и стыдились имени своей матери: ему нужны были граждане, и он просил их через брак, заключенный должным образом. Старый закон, о котором упоминает Цицерон, запрещал римскому гражданину оставаться безбрачным после определенного возраста, который, по всей вероятности, не превышал тридцати лет. Когда патриций предстал перед судом цензоров, ему раньше других задавали такой вопрос: "Насколько тебе известно и известно, есть ли у тебя лошадь, есть ли у тебя жена?" Тех, кто не давал удовлетворительного ответа, штрафовали и отстраняли от дела до тех пор, пока они не приобретут коня и жену. Цензоры, требовавшие от патриция такого двойного гражданского состояния, иногда позволяли ему обходиться одним или другим; ведь лошадь указывала на воинственные привычки, а женщина - на мирные. Я умею управлять лошадью, - сказал Вибий Каска в ответ на вопрос цензора, который часто критиковал его упрямое безбрачие, - но как я могу научиться управлять женщиной? Я признаю, что это более беспокойное животное, - ответил цензор, который, тем не менее, понял шутку. Тогда я женюсь, - продолжал Каска, - когда римский народ предоставит мне уздечку и коня". Этот цензор, которого звали Метелл Нумиадикус, сам не очень-то верил в достоинства брака, который он рекомендовал другим; однажды он обратился с речью к сенату в таких выражениях: "Римские рыцари, если бы нам

было возможно жить без жен, мы все, и очень охотно, избавили бы себя от этого досадного неудобства; но поскольку природа устроила все так, что мы не можем ни прожить без них, ни жить с ними приятно, разум диктует нам предпочесть общественные интересы своему счастью." Цензоры, в чьи полномочия входили обручения и браки, несомненно, отвечали за надзор за публичной проституцией перед городскими советниками.

Сервий Туллий приказал, чтобы каждый житель Рима заносил в цензорские книги свое имя, возраст, состояние отца и матери, имена жены и детей, а также список всего своего имущества; любого, кто осмелится этого не сделать, ждали побои и продажа в рабство. Цензорские таблицы хранились в архивах Республики, рядом с храмом Свободы на горе Авентин. Именно по этим таблицам, обновляемым каждые пять лет, цензоры должны были следить за движением и прогрессом населения; они могли судить о количестве рождений и браков, но у них не было возможности установить элементы проституции, поскольку женщины не являлись к ним, а были представлены только своими отцами, мужьями или детьми. Поэтому есть все основания полагать, что поначалу проститутки занимались проституцией свободно, даже вне пределов действия полицейских законов; ведь они избегали переписи, по крайней мере, большинство из них, и им не требовалось признание в виде свидетельства о статусе. Невозможно сказать, в какое время римское право впервые провело различие между свободными женщинами (*ingenua*) и проститутками, а также закрепило статус куртизанок. Есть основания полагать, что в течение нескольких столетий эти деградировавшие существа находились в некотором роде вне закона, как если бы законодатель не соизволил оказать им честь, назвав их; Ибо, хотя они то и дело появляются в истории республики, в законах они не названы вплоть до правления Августа, когда закон Юлия касается их, чтобы подвергнуть бичеванию, и только спустя более века после этого памятного закона выдающийся юрист Ульпиан дал определение проституции и ее позорных вспомогательных средств. Хотя это определение датируется вторым веком, его можно считать обобщением мнений всех юристов, предшествовавших Ульпиану. Вот как он излагает его под названием *De ritu nuptiarum* в XXIII книге своего сборника: "Женщина занимается публичной торговлей проституцией, когда она не только распутничает в местах разврата, но и посещает кабаре или другие места, где она не щадит своей чести. §1 Под публичным ремеслом подразумевается ремесло тех женщин, которые занимаются проституцией для всех желающих и без выбора (*sine delectu*). Таким образом, этот термин не распространяется ни на замужних женщин, виновных в прелюбодеянии, ни на девушек, позволяющих себя соблазнить: под ним следует понимать женщин, занимающихся проституцией. §2 Женщина, отдавшаяся за деньги одному или двум лицам, не должна заниматься публичным ремеслом проституции. §3 Октавенус справедливо полагает, что женщина, которая публично проститутуирует, даже не беря денег, должна быть причислена к женщинам, которые публично торгуют проституцией".

Это определение, безусловно, с большой ясностью отражает мотивы древнейших римских законов, касающихся проституции; и, хотя мы не обладаем этими законами, легко оценить дух, который их диктовал. Проституция, кроме того, включала в себя различные виды и, так сказать, различные степени, которые, несомненно, были выделены и классифицированы в юриспруденции. Так, *quæstus* представляла собой бродячую и зазывающую проституцию; *scortatio* - стационарную проституцию, которая ожидает своих клиентов и принимает их в определенном месте. Что касается самого акта проституции, то это было прелюбодеяние с замужней женщиной; *stuprum* - с честной женщиной, которая оставалась оскверненной этим актом; *fornicatio* - с безнравственной женщиной, которая не страдала от этого. Кроме того, существовал *lenocinium*, то есть более или менее прямая торговля проституцией, более или менее добровольное посредничество, которое не стыдились оказывать бесстыдные

спекулянты; одним словом, пособничество и подстрекательство ко всякого рода разврату. Это была одна из самых отвратительных форм проституции, и законодатели без колебаний называли *проститутками* тех мерзких и отвратительных существ, которые занимались тем, что подстрекали и толкали к проституции, посредством дурных советов или вероломных соблазнов, неосторожных и слепых жертв, чей позор и стыд они использовали в полной мере. Закон одинаково презирал мужчин и женщин, *lenæ* и *lenones*, которые занимались этими скандальными сделками; но закон не мешал их деятельности, приравнивая их к женщинам и мужчинам, которые торговали своим телом. Таким образом, в класс *meretricibus* входили не только сводники, содержавшие открытый дом разврата и взимавшие пошлину за проституцию, которую они поощряли, отдавая своих рабов или приглашая людей свободного состояния (*ingenuæ*); но и содержатели гостиниц, постоялых дворов и купален, имевшие в своем распоряжении мужскую или женскую прислугу и отдававшие ее на откуп публичному распутству, так что хозяин заведения, где проституция осуществлялась в его интересах, становился соучастником, какой бы ни была его показная профессия, и по праву наказывался позором, как и жалкие объекты его *lenocinium*.

Позорное клеймо, которое было общим для всех агентов и посредников проституции, а также для осужденных, рабов, гладиаторов и гистрионов, поражало гражданской смертью тех, кого оно настигало в силу самого факта их профессии: Они не могли свободно распоряжаться своим имуществом, не могли ни завещать, ни наследовать, были лишены опеки над своими детьми, не могли занимать никаких государственных должностей, не имели права выступать с обвинением в суде, давать показания или приносить присягу перед любым трибуналом; Они подвергались всевозможным оскорблениям и жестокому обращению, не имея возможности защитить себя или даже пожаловаться; наконец, магистраты имели почти право жизни и смерти над этими бедными бесславными людьми. Тот, кто однажды был заклеен позором, никогда не избавлялся от этого несмываемого пятна; "ибо, - гласил закон, - порочность не отменяется перерывом". Закон не принимал никаких оправданий, которые могли бы избавить заслужившего их человека от этой социальной деградации. Подпольная проституция была не более защищена от позора, чем публичная; бедность и нужда даже не служили оправданием в глазах закона, который довольствовался фактом, не оценивая мотивов и обстоятельств. Поскольку факт сам по себе создавал позор, всегда было достаточно оснований для поиска доказательств и установления этого факта, даже в далеком прошлом. Таким образом, не существовало срока давности, на который можно было бы сослаться против факта, подразумевающего позор. Как только позор существовал, в любое время, в любом месте, он все еще существовал, он всегда существовал; ничто не могло стереть его, ничто не смягчало его. Раб, имевший дочерей на свои сбережения и обогатившийся за счет плодов их проституции, даже после освобождения сохранял за собой отпечаток бесчестия. Ульпиан и Помпоний приводят этот замечательный пример неизгладимости позора в римской юриспруденции. С другой стороны, девушки, которые во время своего рабства занимались проституцией с этим рабом и в его интересах, не были отмечены позором, несмотря на торговлю, к которой они были принуждены. Это мнение, как сообщает Ульпиан, сформулировал император Септимий-Север. Однако, особенно при императорах, позорное клеймо не мешало женщинам свободного положения и даже знатного происхождения предаваться проституции с разрешения советников, что называлось *licentia stupri* или патентом на разврат.

Таким образом, целью законов императоров было не допустить распространения проституции в рядах патрицианских семей и укоренения ее там. Август, Тиберий и сам Домициан одинаково ревностно заботились о сохранении чести римской крови, строго охраняя целостность и святость брака, который они считали основным законом республики.

Более того, они не оставляли попыток соблюдать правовые нормы, которые навязывали своим подданным. Во всей этой сложной и скрупулезной юриспруденции, направленной против прелюбодеяния, проституция постоянно ставится под сомнение, причем всегда с особой строгостью, которая доказывает усилия законодателя по ее пресечению, даже если сам император подавал пример всех пороков и бесчестия. Закон Юлия гласит, что сенатор, его сын или внук не могут сознательно или обманным путем обручиться или жениться на женщине, отец или мать которой является или являлась комедиантом, *мерином* или *сутенером*; точно так же человек, отец или мать которого является или являлась комедиантом, *мерином* или *сутенером*, не может обручиться или жениться на дочери, внучке или правнучке сенатора. Однако, поскольку люди, которых закон объявлял позорными, часто могли пожелать реабилитировать себя, ссылаясь на имя и происхождение своих знатных родителей, декрет сената категорически запрещал заниматься проституцией женщинам, чей отец, дед или муж был или был членом ордена римских рыцарей. Тиберий санкционировал этот указ, изгнав ряд римских дам, в том числе Вестилию, дочь сенатора, которые посвятили себя, скорее из-за распутства, чем из-за жадности, служению народной проституции. Многие патрицианки и плебейки, чтобы избежать ужасных последствий закона против прелюбодеяния, искали убежища, которое они считали неприкосновенным, в позоре этой проституции; ведь во времена республики матроне было достаточно объявить себя куртизанкой (*meretrix*) и внести себя в качестве таковой в муниципальные реестры, чтобы оказаться вне закона против прелюбодеёв. Но были приняты новые меры, чтобы остановить этот скандал и свести на нет его пагубные последствия: сенат постановил, что любая матрона, занимающаяся позорным ремеслом, как актриса, куртизанка или сваха, чтобы избежать наказания за прелюбодеяние, может быть, тем не менее, привлечена к ответственности и осуждена сенатом-консультантом. Мужу предлагалось преследовать свою прелюбодейную жену в лоне проституции и бесчестия; все, кто сознательно содействовал этой проституции, владелец дома, где она происходила, *ленон*, который наживался на ней, сам муж, который получал приз за свое бесчестие, должны были быть привлечены к ответственности и наказаны наравне с прелюбодеями. Более того, хозяин или арендатор бани, кабаре или даже поля, где было совершено преступление, обвинялся в соучастии; даже если преступление не было совершено в этих местах, такая же строгость могла быть применена к лицам, которые должны были добровольно подготовить и облегчить прелюбодеяние, предоставив виновным не только место для встреч, но и средства для незаконных свиданий. Магистраты максимально оттягивали применение закона, как бы противопоставляя его переполненности прелюбодеяниями и преступлениями, которые тянули Римскую империю к гибели. Женщины, совершившие прелюбодеяние в первом браке, были замечены в том, что, выходя замуж во второй раз, они неожиданно привлекали обвинителя, который приходил от имени их умершего первого мужа, чтобы обесчестить и наказать их в объятиях нового мужа. Только овдовевшая женщина, даже мать, могла безнаказанно заниматься проституцией, не опасаясь преследований, даже со стороны своих детей.

Юриспруденция, как мы видим, рассматривала проституцию только с точки зрения прелюбодеяния и в интересах брака; кроме того, она оставляла управление куртизанками и развратными существами, жившими за их счет, полицейским законам, выходящим из юрисдикции цензоров и городских советников. Сенат и императоры пытались бороться и подавлять, в частности, проституцию замужних женщин и одиозную *ленность* мужей. Сначала закон налагал равные ограничения на женщин любого положения, если они не были бесславными; но позже он был ограничен матронами и матерями, когда в большинстве патрицианских семей прелюбодеяние мирно уживалось под покровительством мужа, который с негодованием эксплуатировал блуд жены. Институт брака, который

законодательство должно было защищать, был скомпрометирован как никогда ранее в результате того, что порочность становилась известна в судах. Здесь жена делила с мужем цену прелюбодеяния; там мужу платили за то, что он закрывал глаза на измену жены; почти всегда опасность прелюбодеяния добавляла еще одну привлекательность проституции. Но если мужчина, совершивший прелюбодеяние, доказывал, что он не знал заранее, что имеет дело с замужней женщиной, его оправдывали, как если бы он разговаривал с *простолюдинкой*. Обе стороны старались создать "красные пятна" и предостеречь от строгости закона. В результате матроны переодевались в рабынь и даже в проституток, чтобы пуститься в авантюру; таким образом они провоцировали незнакомых им прохожих на улицах, а то и вставляли на пути своих любовников, которых должны были встретить случайно. Благодаря этой маскировке, подвергавшей их свободе слова, дерзким взглядам, а иногда и смелым прикосновениям первого встречного, они могли искать свою судьбу на набережных, в пригородах и вдоль Тибра, не ставя под удар никого, ни своих мужей, ни своих любовников. Но, показываясь в одежде, отличной от одежды матроны, они запрещали себе жаловаться на оскорбления, которые могли быть связаны с их костюмом рабыни или проститутки; ведь существовало очень суровое наказание против тех, кто провоцировал женщину или девушку, одетую по-матросски или девственно, либо неприличными жестами, либо непристойными замечаниями, либо молчаливым преследованием. Закон предоставлял защиту только честным женщинам и не предполагал, что скромность проституток нужно защищать от нападков, которые они обычно провоцировали, а не отражали.

Эта роскошь законов и наказаний, угрожавших прелюбодеянию, не сделала его ни менее частым, ни более тайным; но брак, оцетинившийся опасностями и окруженный подозрениями, казался только более страшным и менее привлекательным. Число законных, одобренных и признанных законом союзов значительно сократилось, тем более что родство, даже отдаленное, создавало препятствия, которые после заключения брака могли стать постоянным основанием для развода. Именно тогда патриции, не желавшие подвергать себя этим бедам и опасностям, применили для своего удобства брак *usucapio*, который до тех пор использовался только простым народом; патриции кое-что изменили в нем, чтобы превратить в *наложничество*, которое закон, столь же неопределенный, как и само наложничество, признавал и признает как институт. Теперь не требовалось, как в случае с *usucapio*, чтобы женщина жила под одной крышей в течение года для того, чтобы был заключен окончательный брак: Более того, он не имел ни определенной формы, ни общего характера, за исключением того, что женщина *ingenua et honesta*, или патрицианской крови, не могла стать наложницей, и что родство было таким же препятствием для наложничества, как и для брака. Законно женатый мужчина, независимо от того, разошелся он со своей женой или нет, уже по этому факту не мог вступать в наложнические отношения, и ни в коем случае неженатому или овдовевшему мужчине не разрешалось брать сразу двух наложниц. Что касается смены наложницы, то он всегда мог это сделать, но должен был сообщить об этом магистрату, перед которым объявлял о своем намерении жить в качестве наложника. Таким образом, это был своего рода полубрак, временный договор, который мог быть расторгнут по прихоти одной из сторон. В ранние времена наложничества наложница пользовалась почти таким же уважением, как и законная жена; ей даже давали титул матроны, по крайней мере при определенных обстоятельствах, а по закону Юлии преступление, совершенное против наложницы, каралось так же сурово, как если бы оно было совершено против *ингенива* или свободной девушки, даже если наложница была рабыней по рождению; Однако в результате разложения нравов наложничество разрослось до угрожающих размеров, и законы были вынуждены ввести правила и ограничения; наложницы были лишены правовой защиты, которой они пользовались изначально, и император Аврелиан приказал брать их только из числа рабов или вольноотпущенниц. С тех

пор наложничество стало не более чем домашней проституцией, зависящей только от прихоти мужчины и не дающей женщине никаких гарантий. Однако дети, рожденные от наложницы, могли быть узаконены не в меньшей степени, в то время как дети, рожденные от собственно проституции или от проходного ремесла, известного как *spurci* или *quæsit*, а также дети, рожденные от запрещенного союза, никогда не могли получить легитимность, чтобы стереть пятно своего происхождения.

Поэтому легальная проституция во всех ее формах и под всеми названиями (существовали даже *наложницы*) была терпима в Риме и Римской империи при условии соблюдения различных городских полицейских правил и, прежде всего, уплаты пропорционального налога (*vectigal*), который она приносила государству. Но вполне вероятно, что, кроме этих правил и этого налога, старое римское законодательство не проявляло интереса к позорному населению, которое жило за счет общественного разврата и удовлетворяло свои постыдные потребности. Любопытный факт доказывает равнодушие и пренебрежение законодателя, магистрата, ко всем жалким агентам проституции. Квинт Цицилий Метелл Целер, который был консулом за шестьдесят лет до Рождества Христова, во время своего преторства отказался признать права на наследство, на которое претендовал человек по имени Ветибий, прославившийся как *ленник*; претор обосновал свой отказ тем, что бордель не имеет ничего общего с гражданским домом и что несчастные, которых заклеил *ленник*, недостойны защиты законов (*legum auxilio indignos*). В этом весьма откровенном отрывке из обращения Цицерона к Келию мы также можем найти подтверждение абсолютной терпимости, которой была окружена практика проституции в Риме: "Запрещать молодым людям любить куртизанок - это принципы суровой добродетели, я не могу этого отрицать; но эти принципы плохо согласуются с распущенностью нынешнего века или даже с терпимыми обычаями наших предков; в конце концов, когда такие страсти не существовали? Когда они были запрещены? Когда они были нетерпимы? Когда случалось, что то, что было разрешено, не было разрешено? Как мы видим, проституция была разрешена; гражданский закон запрещал ее только в некоторых исключительных случаях и ограничивался тем, что умерял злоупотребления; исправление нравов и прекращение разврата зависело исключительно от общественной морали, от философии; но, как говорит нам Цицерон, философия и общественная мораль были одинаково снисходительны к дурным привычкам, которые сама их древность делала почти респектабельными. Римляне всегда слишком ревностно относились к своей свободе, чтобы мириться с препятствиями или противоречиями в индивидуальном использовании этой свободы; Они требовали, чтобы проститутки были только рабынями или вольноотпущенницами, потому что считали проституцию унижительной формой рабства; вот почему мужчины и женщины, будь то бесхитростные или свободные по рождению, теряли свою святость в глазах закона, как только они каким-либо образом ставили себя на службу проституции.

Если римляне так благодушно терпели естественную торговлю между полами, то они не препятствовали и протиестественной торговле, которую изобрели бы фавны Лациума, если бы она с первых веков существования мира не была широко распространена и разрешена во всей вселенной. Этот постыдный разврат, с которым гражданские и религиозные законы древности, за исключением Моисеевых, даже не думали бороться, никогда не был так широко распространен, как в лучшие времена римской цивилизации. В глазах законодателя это была еще терпимая форма проституции или рабства: *бесхитростные* или свободные люди поэтому не должны были подчиняться ей; что касается рабов, вольноотпущенников и иностранцев, то они могли распоряжаться собой, сдавать или продавать себя, без вмешательства закона в условия продажи или аренды; что касается граждан или *бесхитростных* людей, то они могли покупать или арендовать по

своему желанию все, что хотели, без того, чтобы природа договора подлежала юридическому исследованию: Одни действовали как свободные люди, другие - как рабы; одни были подвержены проституции, другие ее навязывали. Но между свободными людьми все было иначе, и закон, стоящий на страже всеобщей свободы, иногда вмешивался, чтобы наказать посягательство на свободу гражданина. По крайней мере, такова была юридическая фикция; только в этом случае гражданин не имел права отчуждать свою свободу до такой степени, чтобы подчиниться действию, которое ее нарушает. Так, в пятом веке от основания Рима Л. Папирий, застигнутый на месте преступления с молодым Публием, был приговорен к тюремному заключению и штрафу за неуважение к характеру и личности *невесты*; вскоре после этого тот же К. Публий был в свою очередь наказан за аналогичный поступок. Народ не хотел терпеть, чтобы граждане вели себя как рабы. Военный трибун Леторий Мергус, представший перед народным собранием за то, что его застали с одним из *корникуляров* или бригадиров его легиона, был единогласно приговорен к тюремному заключению. Изнасилование мужчины считалось еще более преступным, чем изнасилование женщины, поскольку предполагало большее насилие и извращение; однако такое изнасилование приводило к смерти только в том случае, если оно было совершено в отношении свободного мужчины: центурион по имени Корнелий, совершивший подобное изнасилование, был казнен в присутствии армии. Однако это наказание не применялось на основании специального закона вплоть до начала Второй Пунической войны, когда некий Кайус Скантиний был обвинен К. Метеллом в попытке изнасилования сына этого патриция. Сенат издал закон против педерастов, известный как *lex scantinia*; но этот закон касался только нападений на свободных мужчин, и никаких других ограничений на этот вид проституции, которая оставалась прерогативой рабов и вольноотпущенников, наложено не было.

Среди римлян это была единственная форма юриспруденции, к которой привела проституция, пока христианская мораль не внесла новое законодательство в язычество, просветив и очистив его. Под империей языческих идей проституция существовала в состоянии терпимости, и закон даже не соизволил приподнять завесу, закрывавшую ее в глазах общественной совести; но как только Евангелие положило начало реформе нравов, христианский законодатель признал свое право пресекать легальную проституцию.

ГЛАВА XVI.

Краткое содержание - Невероятное количество публичных девушек в Риме - Их классификация по отдельным категориям - *Меркантильные* и *простетутки* - *Аликарии* или пекари - *Блитэ* - *Бустуарии* или кладбищенские девушки - *Казалиды*. - *Хрупкая* Флавия Домитилла, жена императора Веспасиана и мать Тита. - *Джунисы*, или телки; - *Ювенкæ*, или коровы; - *Лупæ*, или волки; - *Ноктилукаæ* и *ноктувигилæ*, или ночные сторожа; - *Нонариæ*; - *Педанеæ*, или гулящие; - *Дорис*, или *дорида*; - Различные названия, безразлично даваемые всем классам проституток. - Этимология слова *putæ* - *Quadrantariæ* - *Quæstuales* - *Quasillariæ* или служанки - *Ambulatrices* или ходячие - *Scorta* или шкуры - *Scorta devia* - *Scrantiæ* или камерные горшки. - *Субурранæ* или дочери предместья Субурре - *Суммæнианæ* или дочери Суммæниума - *Шиникулæ* - *Слизни* - *Циркулятрис* или дочери бродяг - *Чарибды* или бездны - *Претиосæ* - Женский сенат - *Наемные дети*. *Патетики* или больные - *Эфебы* или подростки - *Гемелли* или близнецы - *Катамиты* или чатемиты - *Амасии* или любовники - Евнухи - *Предиконы* - *Синеиды* - Гадитаины - Танцоры, флейтисты, лиристы. *Амбубау* - *Меретрициум* или налог на девушек - Брокеры и поставщики проституции - *Лено* - *Лена* - Владельцы кабаре и купальщики - Пекарни - Парикмахеры и парфюмеры - *Унгентарий* - Адмониторши,

стимуляторы и другие проститутки. -Адмониторы, стимуляторы и примирители -Анциллулы или мелкие слуги -Лостекторы -Аддукторы -Трактаторы -Лупанаиры или хозяева дурных мест -Беллуарии -Капрарии -Анцерарии.

Публичные девушки в Риме, по крайней мере в развращенном Риме, смягченном импортом греческих и азиатских нравов, были многочисленнее, чем когда-либо в Афинах или даже в Коринфе; они также делились на несколько классов, не имевших между собой ничего общего, кроме единственного предмета их постыдного ремесла; Но среди этих различных категорий куртизанок со всего мира было бы бесполезно искать цариц проституции, гетати, которые были столь же примечательны своей ученостью и остроумием, как грацией и красотой, философов, воспитанных в школе Сократа и Эпикура, Аспазий и Леонтиев, которые как бы реабилитировали и иллюстрировали греческий гетатизм. Римляне были более материальны, если не более чувственны, чем греки; они не довольствовались изысками и деликатесами элегантного сладострастия; они не питали свои сердца иллюзиями платоновской любви; они постеснялись бы запрягать себя в литературную колесницу философа или музы; они не решились бы искать целомудренных отвлечений в духовной беседе с женщиной удовольствия. Для них удовольствие заключалось в самых грубых действиях, а поскольку они от природы были пылкими натурами, с похотливым воображением и геркулесовой силой, они требовали только настоящих удовольствий, часто повторяемых, обильных и чудовищно разнообразных. Этот темперамент, о котором возвещали размеры их нервных шей, похожих на бычьи, доводил до совершенства множество наемников обоих полов, чьи привычки, костюмы, убежища и тонкости их профессии получили свои особые названия.

Все женщины, торговавшие своим телом в Риме, делились на две принципиально разные категории: меритрисы (*meretrices*) и проститутки (*prostibulæ*). Меретрицами считались те, кто работал только по ночам, а *простибулами* - те, кто трудился день и ночь на своем позорном поприще. Ноний Марцелл, грамматик III века, в своей книге "*Различия в значении слов*" устанавливает, что это было полностью в пользу мерилок: "Следует заметить, что между метиской и проституткой первая занимается своим ремеслом более пристойным образом, ибо метиски названы так из-за *меренды* (вечерней трапезы), потому что они распоряжаются собой только ночью; *простибула* же получила свое название от того, что она стоит перед своим *stabulum* (логовом), чтобы заниматься там своими делами как ночью, так и днем". Плавт в своей комедии "*Цистеллария*" очень четко проводит это различие: "Я вхожу в хорошую мерину, ибо стоять на улице - это приличное занятие проститутки". Мы думаем, что эти два вида публичных девушек - те, что были меринами только ночью, и те, что были меринами в любое время ночи и дня, - должны были иметь и другие заметные различия в образе жизни, в одежде и даже в социальном статусе; например, латинские авторы, упоминающие о реестрах, в которые городские советники вносили имена куртизанок, говорят только о *меринах* и, похоже, намеренно не упоминают о *prostibulæ*. Последние, по сути, имели постоянное место жительства и не нуждались в смене имени или костюма, поскольку принадлежали к низшему классу плебса. С другой стороны, метрессы занимались своим нечестным ремеслом настолько благородно, насколько это было возможно, и не нарушали полицейских правил; более того, они могли жить как хорошие женщины, *sub sole*, до того часа, когда, укрытые защитной тенью ночи, они отправлялись в бордели, которые не покидали до первых утренних лучей. Вероятно также, что *добрая merétrice*, как называет ее Плавт с наивностью, которую ученый М. Науде старается не переводить, очень аккуратно платила налоги республике и не пыталась, маскируя свою профессию, нанести государству ущерб ни на грош. Но не все проститутки были столь добросовестны, и мы можем смело предположить, что большинство, самые бедные и презренные, без особых проблем избегали

регистрации у мэра и, соответственно, уплаты непристойного вектигалия. Эти несчастные женщины, как и проститутки самого низкого разряда, сами зарабатывали недостаточно, чтобы откладывать хоть малейшую часть своего заработка в общественную казну.

Аликарии, или *пекари*, были девушками с перекрестков, которые ждали своей судьбы у дверей пекарей, особенно тех, кто продавал определенные лепешки из тонкой муки, без соли и закваски, предназначенные для подношений Венере, Изиде, Приапе и другим богам или богиням. Эти пирожные, называемые *колифиями* и *силигонами*, самым капризным образом представляли природу женщин и мужчин. Поскольку потребление этих приапических и почитаемых хлебов было огромным, особенно в некоторые праздники, мастера-пекари разбивали палатки и открывали лавки на площадях и перекрестках; они продавали только жертвенный хлеб, но в то же время у них были рабы или слуги, которые день и ночь занимались проституцией в пекарне. Плавт в своем "Энуле" не забыл об этих добрых друзьях пекарей: *Prosedas, pistorum amicas, reliquas alicarias*. *Блумеи* или *блутиды* были девушками самого низкого сорта, которые настолько одурманились вином и развратом, что уже ничего не стоили за ту работу, которую они все еще выполняли на полях: их название происходит от *blitum*, chard, вида безвкусного, тошнотворного барвинка. Суидас не отступает от этой этимологии, говоря: "Они называли этих мерзких, ничтожных и идиотских женщин *blitidæ*". (*Viles, abjectas, fatuasque mulieres, vocabant blitidas.*) По мнению других филологов, это прозвище относилось к куртизанкам в целом, поскольку они часто носили обувь зеленого или соломенного цвета. Кроме того, было серьезным оскорблением называть честную женщину *blitum*. *Бустуарии* были кладбищенскими девушками; они день и ночь бродили вокруг могил (*busta*) и костров; иногда они выступали в роли скорбящих по умершим, а также использовались специально для отдыха *бустуариев*, которые готовили костры и сжигали тела, могильщиков, которые копали могилы, и *коломбариев*, которые охраняли могилы: У них не было другого ложа, кроме дерна, окружавшего погребальные памятники, другого занавеса, кроме тени этих памятников, другой Венеры, кроме Прозерпины. *Казалиды*, или *касорида*, или *касоритæ*, - проститутки, жившие в маленьких домиках (*casæ*), от которых они и получили свое прозвище; это прозвище означало то же самое по-гречески: *касаура* или *каσωρίς*. *Копæ* или *кабаретками* назывались девушки в тавернах и трактирах: они не всегда сидели у входа в свое обычное заведение; иногда они наливали напитки прохожим, остановившимся освежиться; иногда они показывались у окон, чтобы привлечь клиентов; иногда они зазывали их внутрь; иногда они уединялись в низком, уединенном помещении. *Диоболары* или *диоболы* были жалкими девушками, в большинстве своем старыми, худыми и истощенными, которые никогда не просили больше двух оболов, как и следовало из их названия. Плавт в своем "Пинуле" говорит, что диобольская проституция принадлежала только последним рабам и самым мерзким людям (*servulorum sordidulorum scorta diobolaria*). Пакувий даже облагал эту проституцию налогом, говоря, что диоболарианкам не в чем отказать тому, кто предложит им самую мелкую монету (*nummi caussa parvi*). *Форарии*, или *ярмарки*, были девушками, которые приезжали из деревни, чтобы заниматься проституцией в городе, и с пупырчатыми ногами и в чесучовых туниках бродили по темным, извилистым улицам, чтобы заработать на свою нищенскую жизнь. *Галлицы*, или *пули*, - это те, кто разбредался повсюду, унося с собой все, что попадалось им под руку: простыни, лампы, вазы и даже кающихся богов.

В более знатном ордена куртизанок, *delicatæ* или *sweethearts*, были те, кого часто посещали римские рыцари, надушенные мелкие хозяева и богачи всех слоев общества; более того, они не были склонны к деликатности, когда дело касалось денег, и никогда не находили их пропахшими вольными рабами, прелюбодеями или доносчиками: они были сложны только для тех, кто обращался к ним, не имея хорошо набитого кошелька. Флавия Домицилла, на

которой женился император Веспасиан и которая стала матерью Тита, была *нежной* до того, как стала императрицей. *Знатные женщины (famosæ)* - это куртизанки доброй воли, которые, будучи патрициями, матерями и матронами, не стыдились проституировать в публичных домах: одни - чтобы удовлетворить ужасную страсть к разврату, другие - чтобы сколотить себе непристойное гнездо, которое они тратили на жертвоприношения богам своих привязанностей. *Юнисы*, или *телки*, и *ювенцы*, или *коровы*, были меринами, получившими свое прозвище за тучность, легкость и полноту глотки. *Лупæ*, или *волки*, *лупаны*, или *лесные бегуны*, были названы в память о кормилице Рема и Ромула, Акке Лаврентии; как и эта жена пастуха Фаустула, они бродили ночью по полям и лесам, подражая крику голодного волка, чтобы позвать к себе добычу, которую они поджидали. Это прозвище использовали также Дицерида из афинской керамики. С тех пор оно прижилось в Риме и стало общим обозначением для всех куртизанок. "Я верю", - говорит Авсоний в одной из своих эпиграмм, - "я верю, что ее отец неизвестен, но ее мать - действительно волчица". *Ноктилуки* также были ночными бегуньями: как и *ноктувигилы*, или ночные сторожихи, оба прозвища были даны Венере поэтами, которые думали таким образом почтить богиню. Ночных девушек по-прежнему обычно называли *нопаріæ*, потому что бордели открывались только в девятом часу, а волки начинали свой бег только тогда. Последних называли *pedaneæ*, потому что они не жалели своей обуви, когда она у них была. У *гуляющих женщин* не было тех маленьких ножек, которые так любили римляне и которые Овидий не перестает приписывать богиням в своих мифологических описаниях.

Своим прозвищем *дорицы* были обязаны своему костюму, точнее, своей наготе; ведь они показывали себя абсолютно обнаженными, подобно морским нимфам, среди которых мифология характеризовала Дорис, их мать, придавая ей самые сладострастные и округлые формы. Ювенал критикует этих дорис или дорид, которые, по его словам, подобно тому, как гнусный гистрион изображает мудрую матрону, лишили себя всех одежд, чтобы изобразить богинь. Публичных девушек по-прежнему называли несколькими именами, причем все они были без разбора: *mulieres* или женщины; *pallacæ*, от греческого παλλακή; *pellices*, в память о вакханках, которые носили туники из тигровых шкур; *prosedæ*, потому что они ждали, сидя, момента, когда их кто-нибудь позовет. Их называли *пепегринами* или *иностраницами*, как их неоднократно называют в древнееврейских книгах, потому что большинство из них приезжали со всего мира, чтобы продать себя в Риме; многие были привезены туда как военнопленные после каждого завоевания римскими орлами; многие принадлежали свахам и ленонам, которые покупали их и заставляли работать на себя. Поэтому римляне, до того как они окончательно развратились, гордились тем, что среди печальных жертв их разврата были только иностранцы. Эти существа до сих пор носят название, почти сохранившееся в нашем народном языке: *putæ* или *puti*, или *putilli*, либо потому, что это имя напоминает имя богини Потуа, которая управляла тем, что может быть; либо потому, что оно происходит от *potus*, в связи с любовным зельем, которое пили из их чаш; либо потому, что их называли *чистыми* (*putæ* от *puræ*), по антифразе; либо потому, что, чтобы замаскировать непристойный образ, они сократили *putei* в *puti*, сохранив значение *колодцев* или *цистерн*. Каково бы ни было происхождение слова, сначала любовники использовали его для комплиментов своим любовницам. Плавт в своей "*Асинариум*" изображает любовника, который использует этот эпитет наряду с другими, взятыми из естественной истории: "Скажи мне, моя маленькая утка, мой голубь, моя кошка, моя ласточка, моя ворона, мой воробей, мой колодец любви! Выражение *quadrantariæ* использовалось только как знак презрения к самым низким проституткам; оно должно было обозначать жалкое жалованье, на которое им приходилось существовать; *квадранс* был четвертой частью римского туза, и эта маленькая медная монета, эквивалентная двадцати сантима нашей валюты, обычно служила платой для купальщиков в общественных банях. Цицерон, выступая в защиту Целия, говорил, что

квадрант, если только это не женщина-хозяйка, по праву принадлежит купальщику. Возможно, Цицерон имел в виду сестру Клавдия, своего врага, которую он прозвал *quadrans*, потому что, играя с ней, когда они оба были молоды, он развлекался тем, что бросал в нее *quadrans*, которые она получала в свое платье и которые часто попадали в нее, куда целился Цицерон. Все публичные девушки были *quæstuariæ* и *quæstuosæ*, потому что они торговали своим телом или зарабатывали на нем деньги (*quæstus*). Во время правления Траяна была проведена перепись *квестуариев*, служивших удовольствиям Рима, и их насчитали тридцать две тысячи. Плавт в своих "*Милях*" определяет *квэистуоза* как "женщину, которая кормит своим телом другое тело (*quæ alat corpus corpore*)". *Квазиллари* были бедными слугами, которые на несколько минут отлучались с корзиной, в которой лежала их дневная работа, и отправлялись проституировать за несколько динариев, после чего возвращались домой и снова принимались пряхать шерсть. *Vagæ* - бродячие девушки; *ambulatrices* - гулящие; *scorta* - проститутки самого низкого сорта, *шкур*, как следует переводить это оскорбительное слово; что касается *scorta devia*, то они поджидали любителей дома и стояли у окна только для того, чтобы позвать их. Все они были одинаково оскорблены, когда их называли *scrantiæ*, *scruptæ* или *scratia*, что мы вынуждены переводить как *камерные горшки* или *продырявленные стулья*.

Их также называли *suburrane* или девушками пригорода, потому что в Субурре, пригороде Рима, расположенном недалеко от Виа Сакре, жили только воровки и потерянные женщины. В одной из пьес *Приапеев* в качестве одной из юных субурранок, освободившихся благодаря доходам от своей торговли, упоминается прекрасная Телетуса, которую проституция обогатила, сделав уродливой (*de quæstu libera facta suo est*). *Суммонианками* были также девушки из пригородов, населявшие Суммониум, пустынные улицы вблизи городских стен, где находились публичные дома или подвалы, служившие борделями. "Тот, кто может быть гостем Зоила, - говорится в эпиграмме Марциала, - ест между сумменийскими матронами!" В другой эпиграмме Марциал, тем не менее, кажется, хочет отдать справедливость приличиям этих девушек: "Куртизанка, - говорит он, - отгоняет любопытных, закрывая замок и занавеску; в редких случаях суммениум предлагает открытую дверь". И, наконец, *школяры*, которые обитали в тех же укромных уголках и продавали свои ласки солдатам и рабам, носили камышовые или соломенные пояса *схої वोс*, чтобы объявить, что они всегда на продажу. Один из комментаторов провел научные исследования, которые доказывают, что эти дочери рабов и солдат застегивали свои пояса как можно выше (*alticinctæ*), чтобы меньше мешать им заниматься своим ремеслом. Другой комментатор, ученый гебраист, хочет найти в *schoëniculæ* римлян тех вавилонских проституток, которых мы видим у Варуха и еврейских пророков, подпоясанных веревками и сидящих на обочине дороги, сжигая ягоды ладана. Другой комментатор, опираясь на цитату из Фестуса, утверждает, что эти девушки из низшего класса обязаны своим прозвищем грубым духам, которыми они натирали свои тела, "*schoëno delibutas*", - говорит Плавт. *Наниэ* были карликами или детьми, которых с шести лет обучали их гнусному ремеслу. *Слизни* (это прозвище сохранилось почти во всех языках) имели более чем одну аналогию со склизким, слюнявым моллюском, который ползает по сырым местам, оставляя за собой слизистый след, где бы он ни находился, и грызя фрукты и травы. *К циркуляриям* относились все бродячие девицы. Тех, кто проглатывал здоровье, деньги и честь молодости, естественно, называли *харибдами* или *безднами*. По крайней мере, *претиозы*, дорого продававшие свои услуги, только вредили кошелькам своих последователей. Куртизанки из народа или знати, любовницы или проститутки - все они носили одежду своего государства, то есть тогу или короткую тунику, и все имели право называться *togatæ*, что было для них позорной квалификацией, тогда как римляне чествовали себя именем *togati* (граждане в тогах). Наконец, завершая этот список римской проституции, нельзя не упомянуть, что, поскольку публичные девушки часто собирались в

одних и тех же местах, их собрания назывались *conciones meretricum* и *senacula*, иногда даже *senatus mulierum* или *senate of women*, независимо от того, проходили ли эти собрания на улице, в тавернах или в лавках пекарей. Куртизанки из высшего общества также имели свои убежища в Байе, Клузиуме, Капуе и в других городах, куда они ходили за водами, чтобы восстановить силы; так много их ходило в бани Клузиума, что говорили: "Вот стадо клузиумских животных! (*Clusinum pecus*)", как только их становилось четыре или пять, они смеялись вместе и провоцировали любовников.

Печально сознавать, что большинство этих отличительных названий, применяемых к публичным девушкам, также применялись к мужчинам, рабам и особенно детям, которые оказывали позорные услуги разнузданному разврату римлян. Мужская проституция, конечно, была в Риме более ярой и более распространенной, чем женская; но у нас не хватает смелости погрузиться в эти мерзкие тайны разврата, не хватает сердца, чтобы взяться за тему, которая нагло раскрыта в поэмах Горация, Катулла, Марциала и даже Вергилия; мы вряд ли осмелимся перечислить одиозную когорту агентов и помощников этих отвратительных нравов. Для каждого класса проституток существовал соответствующий класс проституток, между которыми не было никакой разницы, кроме половой. Латинский язык, так сказать, увеличил свое богатство, чтобы охарактеризовать в созданном им названии особенность порока каждого человека. Эти мерзкие люди даже не осуждались законом, поскольку полицейские правила не устанавливали для них никаких особых одежд, поскольку мэр не заносил их в таблицы проституции. Им позволялось предаваться пороку с той степенью свободы, которая свидетельствовала о снисходительности и даже благосклонности, которую оказывал им закон, при условии, что они не были рождены свободными и являлись римскими гражданами. Как правило, это были дети рабов, которых с раннего возраста приучали к оскверняющему непристойному ремеслу. "Те, кто добровольно или по принуждению предавался постыдной страсти своего господина, назывались *детьми по найму* (*pueri meritorii*)". Такое определение дает древний комментатор Ювенала. В своих сатирах этот великий поэт, раскаленным железом клеймивший бесчестье своего времени, на каждой странице возвращается к отвратительной практике, на которую эти несчастные дети были обречены при рождении, - бесчестному игу, которое они приняли безропотно. Их называли *pathici* (больные), *ehebi* (подростки), *gemelli* (близнецы), *catamiti* (чаттемиты), *amasii* (любовники) и так далее. Было бы слишком долго и утомительно перечислять этот уродливый перечень образных или многозначительных названий, которые развращенная римская мораль придумала для изображения невероятных разновидностей этих печальных орудий проституции. Достаточно сказать, что подростки, обучавшиеся этому отвратительному искусству с седьмого года жизни, должны были отвечать определенным требованиям физической красоты, приближавшим их к женскому полу; они были безбородыми и безволосыми, умащенными благовонными маслами, с длинными вьющимися волосами, бесстыдными взглядами, косыми глазами, развратными жестами, бесстрастными походками и непристойными движениями. Все эти мерзкие слуги удовольствий делились на две категории, что, в общем, не ущемляло их особых полномочий: были те, кто никогда не был более чем пассивной и покорной жертвой; были те, кто становился активным в свою очередь и мог, если нужно, отплатить своим развратным покровителям за дерзость. Последние, чьими добрыми услугами римские дамы не пренебрегали, обычно были евнухами (*spadones*), чья кастрация избавила их от признаков мужественности. Остальные тоже иногда подвергались полной кастрации, что превращало их в беспородную расу мужчин и женщин. Это была утонченность, к которой педерасты относились с любовью и ревностью. Более того, чтобы полностью понять невероятную привычку к этим ужасам среди римлян, необходимо помнить, что они требовали от мужского пола всех удовольствий, которые мог дать им женский пол, и некоторых других, еще более

необычных, которые этот пол, предназначенный для любви по закону природы, с трудом мог бы обеспечить. Поэтому каждый гражданин, даже самый достойный по характеру и самый возвышенный по своему социальному положению, имел в своем доме, на глазах у родителей, жены и детей, целый сераль молодых рабов. Кроме того, Рим был полон гитонов, которые сдавали себя в аренду так же, как и публичные девушки; домов, предназначенных для этого вида проституции, и сутенеров, которые занимались только тем, что использовали в своих интересах отвратительные потворства множества рабов и вольноотпущенников.

Если у либертинизма такого рода не было более искусных исполнителей, чем некоторые танцоры и мимы, называемые *синедами* (*cinædi*, от греческого глагола κινεῖν, двигаться), которые почти все были кастрированы, то именно в среде танцоров и балладриц можно было найти лучшие сюжеты для пантомимы любовных игр. Флейтисты и танцовщицы пользовались в Риме таким же спросом, как в Греции и Азии; их привозили из этих стран, где у них была вечная школа, обучавшая их урокам искусства и сладострастия. Их имена не фигурировали в реестрах городских советников или хотя бы в обширном справочнике куртизанок; они лишь рекомендовали ремесло, которое принадлежало им и которое они практиковали с неким подражанием; но они не лишали себя других ресурсов, которые это ремесло позволяло им использовать в то же время. Таким образом, от публичных девушек они отличались, собственно говоря, только той свободой, которая позволяла им не делать проституцию своим основным занятием. Кроме того, им приходилось иметь дело только с богатыми людьми, и они сдавали себя в наем на час или на ночь, чтобы играть на флейте, танцевать или пантомимой на пирах, собраниях и оргиях. Эти веселые женщины отличались друг от друга не только размерами, фигурой, цветом лица и языком, но и тем, какие танцы и музыку они исполняли. Среди них были испанки (*gaditanæ*), которые умели своими песнями и танцами возбуждать похоть и желания самых холодных зрителей: "Молодые и похотливые девушки из Кадиса будут бесконечно трясти своими похотливыми чреслами, искусно вибрируя". Именно Марциал так описал их национальные танцы, а Ювенал добавил еще одну черту, сказав, что эти гадитанки приседают на землю, заставляя свои бедра дергаться (*ad terram tremulo descendant clune puellæ*); по его словам, это мощный афродизиак и пылкий стимулятор самых вялых чувств. Не все танцовщицы были родом из Испании: Иония, остров Лесбос и Сирия не утратили своих древних привилегий на разврат с теми, кто был наиболее опытен в искусстве игры на флейте и танца. *Танцорами, флейтистами и лириками* (*saltatrices, fidicinæ, tibicinæ*) без разбора называли лесбийцев, сирийцев и ионийцев; были также египтяне, индийцы и нубийцы: черная, желтая или бистровая кожа подходила для самых сладострастных представлений ионического или бактрийского танца не хуже самой белой. Один из них назывался *бактриазмом* и отличался спазматическими толчками почек; другой, *ionici motus*, с непристойной правдой имитировал пантомиму и любовные взлеты и падения. Гораций рассказывает, что девственницы его времени, более развитые, чем следовало бы для их возраста и состояния, научились позам и движениям ионика (*motus doceri gaudet ionicos matura virgo*). Латиняне даже говорят, что им это нравилось. Среди всех этих иностранцев наибольшей популярностью пользовались сирийцы (*ambubaiaæ*), о чем, видимо, говорит их название. Без них не обходился ни один хороший обед, но поскольку они не платили *meretricium*, или налог на девушек, эдил не прощал их, когда они попадались на мошенничестве, и приговаривал сначала к штрафу, потом к порке и, наконец, к изгнанию. В таких случаях они покидали Рим через одни ворота, а возвращались через другие. Большинство баладринов работали только для богатых людей и в их домах, но некоторые выступали на площадях и перекрестках, где достаточно было звука флейты или звона колокольчика, чтобы привлечь компактную толпу людей, которые окружали танцоров и

музыкантов. Что касается танцоров и музыкантов, то они выполняли точно такую же роль, как и их спутники.

Эта разнузданная проституция, принимавшая тысячу обликов и проникавшая повсюду под тысячей разных личин, кормила и обогащала огромную семью маклеров и свах обоих полов, которые содержали развратные салоны или занимались своим униженным ремеслом самыми разными способами, не опасаясь ничего со стороны полиции мэра; Ведь закон закрывал глаза на *lenocinium*, если только не римский гражданин или *бесхитростная* римлянка накладывали на себя это позорное клеймо. Но поскольку ремесло было прибыльным, многие римские мужчины и женщины свободного происхождения и состояния тайно посвящали себя искусству сутенерства, ибо это было настоящее искусство, полное интриг, уловок и выдумок. Общее название этих развратных существ, наказываемых лишь общественным презрением, было *leno* для мужчин и *lena* для женщин. Присциан выводит эти слова от глагола *lenire*, потому что, по его словам, этот мерзкий агент проституции соблазняет и развращает души сладкими и ласковыми словами (*deliniendo*). Первоначально слово *leno* применялось безразлично к обоим полам, как будто *lenon* не был ни мужчиной, ни женщиной; но позже был использован женский род *lena*, чтобы сделать более понятным участие женщины в этой омерзительной индустрии. "Я - лено", - говорит персонаж "Адельфы" Теренция, - "я - общий бич подростков". Среди *lénons* и *lènes* было множество разных видов, которые имели деловые и заинтересованные отношения с разными видами публичных девушек. Мы уже говорили, что пекари, владельцы гостиниц, постоялых дворов и купален, а также женщины, управляющие банями, трактирами и пекарнями, в той или иной степени были вовлечены в *леноциниум*. Леноциниум существовал в любых условиях и скрывался под любыми масками, поэтому у него не было определенного костюма или отличительного характера. Однако латинский театр, где он постоянно появлялся на сцене, дал ему красочный костюм и изобразил его без бороды и с бритой головой. Среди профессий, наиболее благоприятных для торговли лено, были цирюльник и парфюмер: в определенных обстоятельствах слова *tonsor* и *unguentarius* являются синонимами *leno*. Один из древних комментаторов Петрония, простой и откровенный голландец по имени Дуза, с необычайной подробностью описывает цирюльни в Риме, в которых хозяин держал отряд красивых юношей, которые не развлекались стрижкой волос, выщипыванием волос и изготовлением бород, а, обученные с раннего возраста всем тайнам самого грязного разврата, сдавали себя за высокую цену на ужины и ночные вечеринки. (*Quorum frequenti opera non in tondenda barba, pilisque vellendis modo, aut barba rasitanda, sed vero et pygiacis sacris cinædice, ne nefarie dicam, de nocte administrandis utebantur*). Что касается парфюмеров, то их ремесло приводило их в прямой контакт с милицией проституции, для использования которой были изобретены и усовершенствованы эссенции, парфюмированные масла, душистые порошки, эротические мази и все самые изысканные притирания; ибо мужчина или женщина, молодой или старый, всегда надушивался перед входом во вши Венеры, настолько, что ганимед обозначался словом *unguentatus*, натертый парфюмированным маслом. Каждый день, - говорит Луций Афраний, - *unguentarius* украшает себя перед зеркалом; тот, кто ходит с выбритыми бровями, выщипанной бородой, ошипанными бедрами; тот, кто на пирах, как юноша в сопровождении своей возлюбленной, ложится, одетый в тунику с длинными рукавами, на самое низкое ложе; Тот, кто ищет не только вина, но и мужских ласк (*qui non modo vinosus, sed virosus quoque sit*), - можно ли сомневаться, что он не делает того, что принято делать у кинематографистов?"

Обычно всех рабов готовили к *леноциниуму*; все, что от них требовалось, - это вспомнить с возрастом опыт своей юности. У пожилых женщин, в частности, не было другого способа посвятить себя проституции. Они разносили письма, договаривались о времени, ночи и

месте встречи, согласовывали условия договора, готовили место и оружие к битве, помогали, возбуждали, подталкивали и вели. Ничто не могло сравниться с их мастерством, если не с их безрассудством. Не было такого понятия, как непобедимая добродетель, когда они были полны решимости победить ее. Но нужно было дать им многое и пообещать еще больше. Были и мелкие слуги, *ancillulæ*, которые не поддавались на уговоры самых коварных и умелых. Тем не менее эти неофициальные слуги были менее порочны и менее презренны, чем развратные маклеры, которыми двигали только деньги и у которых не было хозяина или хозяйки, которым можно было угодить. Именно об этих ленниках Асконий Педиан сказал в своем комментарии к Цицерону: "Эти развратители проституток развращают и людей, которых они невольно склоняют к прелюбодеянию, что карается законами". *Perductores* - те, кто *приводил* своих жертв к пороку и бесчестию; *adductores* - те, кто брал на себя обязанность находить объекты для разврата и как бы ставил себя на довольствие; *tractatores* - те, кто договаривался о сделках такого рода. Трудно представить себе количество и важность подобных сделок, которые ежедневно обсуждались через посредников между заинтересованными сторонами. Как и старые свахи, леноны почти всегда были старыми проститутками, у которых не осталось ничего, кроме желания служить удовольствиям других; некоторые даже совмещали прибыль и тяготы двух профессий, объединяя их.

Наконец, в последнюю группу мужчин и женщин-ленонов входили также хозяева и хозяйки дурных мест, лупанарии, которые занимали в них главенствующее положение. Эти предприниматели проституции держались на самой нижней ступени лестницы позора, хотя юрист Ульпиан признавал, что лупанарии действовали в домах многих честных людей (*Nam et in multorum honestorum virorum prædiis lupanaria exercentur*). Хозяева домов никоим образом не разделяли бесчестье своих жильцов. Но, ниже лупанариев, были еще степени позора и презрения, которые по праву принадлежали *беллуариям*, *капрариям* и *ансерариям*; первые держали животных разных видов, особенно собак и обезьян; вторые - коз, третьи - гусей, "прелести Приапа", как называет их Петроний, и эти нечистые животные, приученные к ремеслу своих опекунов, были послушными соучастниками преступления скотоложства! "Если не хватает мужчин, - говорит Ювенал, описывая тайны доброй богини в сатире "Женщины", - менада Приапа готова подчиниться энергичному ослу".

..... Hic si

Quæritur et desunt homines, mora nulla peripsam

Quominùs imposito clunem submittat asello.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОГО ТОМА.

Введение.

ЧАСТЬ ОДНА.

Древность - Греция - Рим.

ГЛАВА ОДНА.

Краткое содержание - Халдея, колыбель гостеприимной и священной проституции - Вавилон - Венера Милитта - Позорный закон вавилонян - Тайны культа Милитты - Культ Венеры Урании

на острове Кипр - Пророк Варух и Геродот - Священная проституция женщин Вавилона - Пророк Варух и Геродот - Священная проституция женщин Вавилона - Пророк Варух и Геродот-Пророк Варух и Геродот.-Священная проституция вавилонских женщин.- Предложение сделать Венеру благоприятной.-*Священная область* проституции.- Оскорбительная развращенность вавилонян.-Их наука в искусстве наслаждения и сладострастия.-Бесстыдство вавилонских дам и их дочерей на банкетах.-Священная проституция в Армении.-Храм Венеры Анаитис.-Сераи обоих полов.-Хозяйка Венеры.- Священный загон.-Жрицы Анаитис.-Священная проституция в Сирии.-Культы Венеры, Адониса и Приапа.-Астарты финикийцев.-Ночные пиры и позорные распутства, происходившие под покровительством и в честь Астарты.-Богиня сидонцев.-Священная проституция на острове Кипр.-Дочери Амафонта.-Киприда, любовница царя Кинираса, основателя храма в Пафосе.-Фаллосы, принесенные в жертву.-Гермафродитная Венера Амафонта, известная как *двойная богиня*.-Секретные тайны культа Астарты.-*Хохокей*.- Любовные истории магов.-Сакральная проституция в финикийских колониях -*Палатки девушек* в Сикка-Венерии -Основные характеристики культа Венеры, указанные Святым Августином -Культе гермафродитов в Малой Азии -Фестивали в честь Адониса в Библие - Обряды культа Адониса.-Храм Венеры Анаитис в Зеле и Команах, в Сузах и Экбатанах. - Священная проституция у парфян и амазонок. -Лидийское растление. -Бесстыдное распутство лидийских девушек.-Гробница царя Аляттеса, отца Креза, построенная почти полностью на деньги от проституции. -Проститутки-музыканты и танцовщицы, следовавшие за лидийской армией. -Оргии древних персов в присутствии их жен и законных дочерей. - Триста двадцать девять наложниц Дария.

ГЛАВА II.

Проституция в Египте, разрешенная законами.- Глупость египетских женщин.- Их несравненные таланты возбуждать и удовлетворять страсти.- Порицание египетских куртизанок.- Культы Осириса и Исида.-Осирис, эмблема мужской природы - Исида, эмблема женской природы - Мистический Ван, Священный Тау и Глаз без бровей в процессиях Осириса - Кормящая Корова, *Цистофоры* и Фаллос в процессиях Исида.-Священная проституция в Египте - Нечистые инициации неофитов обоих полов, предназначенные для египетских жрецов - Мнение святого Епифания об этих оккультных церемониях - Праздники Изида в Бубастисе - Непристойности женщин, которые туда ходили - Подземелья, где проходили инициации в тайны Изида - Осквернения трупов молодых женщин бальзамировщиками.Рампсинит или Рамзес проституирует свою дочь, чтобы узнать, кто украл его сокровища - Хитрость вора, которому он отдает свою дочь в жены - Дочь Хеопса и великая пирамида.-*Средняя пирамида*.-Пирамида Мицерины и куртизанка Родопис.- История Родопис и ее любовника Харакса, брата Сафо.-Железные броши в храме Аполлона в Дельфах.-Родопис - Дорика.-Царь Амасис, орел и туфелька Родопис - Эпиграмма Павсидиппа - Наукратис, город куртизанок - Проститутка Архидицея.-Птолеми - Птолемей Филадельф и его куртизанки Клейна, Мнесида, Потина и Миртиона - Стратоника - Прекрасная Билистика - Птолемей Филопатор и Ирина - Куртизанка Гиппея или *Кобыла*.

ГЛАВА III.

Краткое содержание.- Гостеприимная проституция у евреев.- Сыновья ангелов.- Потоп.- Содом и Гоморра.- Дочери Лота.- Законная проституция, установленная среди патриархов.- Иосиф и жена евнуха Путифара.- Фамарь проституирует с Иудой, своим тестем.- *Развратный рынок*.- *Иностранные женщины*.-Царь Соломон разрешает куртизанкам селиться в городах.- Апостроф пророка Иезекииля к Иерусалиму, великой проститутке.- Законы Моисея.- Виды проституции, разрешенные Моисеем, и при каких условиях. - Торговля

Евреями своими дочерьми. - Негибкость Моисея по отношению к преступлениям против природы. Причины, по которым Моисей решил исключить еврейских женщин из числа легальных проституток. - Глава XVIII *Левит*. - Тайные недуги еврейских женщин. - Особые меры предосторожности, принятые Моисеем для сохранения здоровья евреев. - Голуби-черепахи, которых приносили в жертву *текущие мужчины*, чтобы добиться их исцеления. - Закон ревности. *Пирог ревности* и *горькие воды* проклятия. Священная проституция среди Евреев. Культы Молоха и Ваал-Фегора. Отвратительные суеверия и нечистые жертвы. *Молохиты*. *Женоподобные* или посвященные. Их позорные мистерии. *Цена собаки*. *Посвященные*. Болезни, порожденные развратом Израильтян. - Замбри и мадиамская блудница. - Эффемины, уничтоженные Моисеем, вновь появляются при царях Иуды. - Аса в свою очередь изгоняет их. - Мааха, мать Асы, первосвященница Приапа. - Эффемины, вновь вернувшиеся, истребляются Иосией. - Разврат израильтян с дочерьми Моава. - Морали моавитских блудниц. - Экспедиция против мадианитян. - Убийство пленных женщин по приказу Моисея. - Законы Моисея о девственности девушек. - Способы иудеев установить девственность. - Наказания за прелюбодеяние и изнасилование. - *Купля девственницы*. - Наложница Моисея. - Наказание, понесенное Господом над Марией, сестрой Моисея. - Рекомендация Моисея Евреям относительно любовных утех. - Дочь Иеффая. - Стражи Иисуса Навина и дочь радости Рахав. - Самсон и распутная женщина из Газы. - Далила. - Левит Ефрема и его наложница. - Позор Вениамитян. - Молодая девственница царя Давида. - Излишества царя Соломона. - Семьсот жен и триста наложниц. - Картина и характер проституции во времена Соломона, взятые из его книги *Притчей*. - Пророки Исаия, Иеремия и Иезекииль. - Храм Божий в Иерусалиме, театр торговли проституток. - Иисус изгоняет их из дома Господня. - Мария Магдалина у фарисея. - Иисус прощает ей грехи за ее покаяние.

ГЛАВА IV.

Резюме - Священная проституция в Греции - Греческие Венеры - Венера-Уrania - Венера-Пандемос - Пифо, богиня убеждения - Солон построил храм для богини проституции на средства, вырученные от основанных им в Афинах *дикерионов*. Храмы Венеры - популярны в Фивах и Мегалополе - Приношение Гармонии, дочери Кадма, Венере-Пандемос - *Венера-куртизанка* или *плод*. - Город Абидос, рожденный куртизанкой - Храм Венеры-Гетарии в Эфесе, построенный на средства куртизанки - *Симфеты* - Храм Венеры-куртизанки на Самосе, построенный на деньги от проституции. - Венера *Перибасия* или *Венера-Ремуресса* - Венера *Салакия* или *Венера-Лубрика* - Ее статуя, сделанная Дедалом из зыбучего серебра - Пожертвования, принесенные Венере-Ремурессе проститутками. - *Венера-Меланис* или *Черная*, богиня амурной ночи - Ее храмы - Венера *Мухея* или богиня норы - Венера *Кастния* или богиня нечистых связей - Венера *Скотия* или *Темная*. - Венера *Дерсето* или *Бегун* - Венера *Механитис* или *Механическая* - Венера *Каллипига* или с красивыми ягодицами - Основа культа Венеры Дерсето - Суд Париса - Основа культа Венеры Каллипиги. - *Афродизеи* и *Алоэнны*. - Тысяча куртизанок в храме Венеры в Коринфе. - Приношение пятидесяти женщин Венере поэтом Ксенофонтом из Коринфа. - Процессия *посвящения* женщин. - Функции куртизанок в храмах Венеры. - *Малые мистерии Цереры*. - Понтифик Архиас. - Коттина, знаменитая куртизанка Спарты. - Празднование праздников Адониса. - Венера *Леэна* и *Венера Ламия*.

ГЛАВА V.

Краткое содержание. - Причины, побудившие Солона основать в Афинах заведение проституции. - Что говорит по этому поводу историк Никандр Колофонский. - За это поэт Филемон назвал Солона благодетелем нации. - Налог на проституцию, установленный Солоном. - *Дикерии* считались *государственными чиновниками*. - Правила Солона для

афинских проституток.-Общественные праздники, учрежденные Гиппием и Гиппархом.-Указ тирана Писистрата о днях, посвященных публичному разврату.-Оскорбительные пороки афинян.-Частные нравы женщин Спарты и Коринфа.-Развратная жизнь спартанских женщин.-Непригодность куртизанок в Спарте.-Безразличие Ликурга к недержанию женщин и девушек.-Частые посещения проституток считались естественным явлением.- Нравственная миссия комических поэтов и философов.-Афинский ареопаг.- Законодательство об афинской проституции.-Трудное положение куртизанок в соответствии с законом.-Вакхиды и Миррины.-Эвтиас обвиняет куртизанку Фрину в нечестии.-Адвокат Гиперид отпускает ее.-Признание проституток по отношению к Гипериду.-Куртизанка Феокрис, жрица Венеры, осужденная на смерть по обвинению Демосфена.-Иссей.-Решения афинского Ареопага о проститутках.-Владычица *Немеи*.-Тристическое состояние детей наложниц и куртизанок.-Геркулес, бог бастардов.-Преступность закона по отношению к бастардам.-*Диалоги* Лукиана о куртизанках.-Оратор Аристофон и комический поэт Каллиад.-*Закон*, известный как *закон о проституции*.-Чудовищные особенности афинских законов.-Подчиненные муниципальные и полицейские суды.-Их функции.

ГЛАВА VI.

Резюме.- Различные категории афинских проституток.- Дикериды, Аулетриды, Гетеры.- Пасифая.- Различные условия жизни женщин с дурной репутацией.- Демосфен против куртизанки Нееры.- Значительный доход от налога на проституцию.- *Порниконтелос*, сдаваемый государством в аренду спекулянтам.- Сборщики порниконтелоса. Часы, когда куртизанкам разрешалось выходить на улицу.-Порт Пирея, назначенный доменом проституции.-Керамик, рынок изящной проституции.-Светское использование.-Фанация гробниц керамиков.-Порт Фалерос и город Сцирон.-Большая площадь Пирея.-Фемистокл, запряженный четверкой лошадей.-Нескромные знаки домов проституции.-Маленькие дома, арендованные ростовщиками.-Письмо Панопы своему мужу Эвтибулу.-Политика нравов относительно одежды проституток.-*Цветочный* костюм афинских куртизанок.-Сумптурные законы.-Костюм проституток Лакедемонии.-Ужасный закон Залевка, ученика Пифагора, против прелюбодеяния.-Суидас и Гермоген.-Сумптурный закон Филиппа Македонского.- Обычный костюм афинских знатных женщин.-Костюм спартанских куртизанок.-Отличие этого костюма от костюма спартанских женщин и девушек.-Характерная мода греческих куртизанок.-Деграция по закону женщин, которые делали себя служанками проституток.- Обычная извращенность этих служанок.

ГЛАВА VII.

Краткие сведения о греческих авторах, написавших *трактаты* о куртизанках - История *знаменитых куртизанок* по Каллистрату - *Деипнософисты* Афиня - Аристофан Византийский, Аполлодор, Аммоний, Антифан, Горгий - *Талатта* Диокла - *Корианна* Геракрата - *Таис* Менандра - *Клепсидра* Эвбула.-Сто тридцать пять известных куртизанок в Афинах.-Классификация куртизанок Афиня.-Бесплатные диктерионы.-*Лувы*.-Описание диктериона, согласно Ксенарху и Эвбулу.-Современные цены на места разврата.-Занятие диктерионов.-*Порнобосцейон* или хозяин диктериона.-Старые куртизанки или *матроны* - их умение развращать молодых девушек.-Элог женщин удовольствия, написанный Атенеом.- Диктерионы, лежащие в асиле.-Салаи диверсантов нижнего этажа и диктерионов свободного доступа.-Фрине де Феспис.-*Ла Шасьез*.-Лаис.-Деревня Аникет и аварец Фебиан.-Рыбак Фалласион.-Происхождение прозвищ некоторых Дикериад.-*Сфинксы*.-*Бездна* и *Курица*.-*Падальщик*, *Рыбачка* и *Курица*.-*Аркадий* и *Садовник*.-*Пьяница*, *Фонарь*, *Ворон*, *Свиноматка*, *Коза*, *Клепсидра* и т. д..., и т.д.

ГЛАВА VIII.

Резюме.- Чем опасно для молодежи посещение подчиненной гетеры.- Что говорит о гетере поэт Анаксилас.- Портрет, который он создает о гетаризме.- Как женщины дурной жизни пользуются косметикой.- *Перотет*.-Дриантис своей жене Хронион.-Как куртизанки раскрашивали свои лица.-Куртизанки-художники Павсаний, Аристид и Ниофан.-Письмо от Таис к Фессалие о Мегаре.-Любовь Хармида к старой Филематии.-Старые гетарии.-Совет Кробила своей дочери Коринне.-Мать Мусария своей дочери.-Рабыня Саламис и ее хозяин Габелл.-Сималион и Петала.-Диалог между хозяйкой Мирталы и Дорионом, ее отвергнутым любовником.-Купцы Вифинии -Жертвоприношение куртизанок богам -Дикериада Лисидиса -Сингулярное подношение, сделанное этой проституткой Венере Популяре -Комментаторы Греческой антологии -Объяснение знаменитой пословицы: "*В Коринф безнаказанно не ходят*".-Слово *Осите*.-Денис Тиран в Коринфе.-Откуда были взяты многочисленные куртизанки Коринфа.-Глагол *λεσβιάζειν*.-Любовь к финикийцу.-Красивые произведения лесбиянок.-Теоретические предписания гетаризма.-Общий кодекс куртизанок.-Письма Аристенета.-Пьесы гетеры, чтобы сделать жертву.-Обшивка стен из керамики.-*Кашин* куртизанок.-Известное ремесло Никареты, освобожденной Харисием.-Ее ученики.-Высокая цена на свободных девушек и замужних женщин.Наказание за прелюбодеяние -Наказание *черной редькой* -Законы Дракона -Филумена -Успокоительные зелья и приворотные зелья -Маги Фессалии и Фригии -Таинственные церемонии, сопровождавшие приготовление зелья -Мелисса.-Различные филтры.-Магические операции.-Сохраняющие филтры.-Ревность и соперничество между куртизанками.-*Лесбийская любовь*.-Сафо, автор скандальных событий, которые эта любовь приняла.-Диалог между Клеонарием и Линой.-Мегилла и Демонасс.

ГЛАВА IX.

Краткое содержание.- Флейтисты.- Бог Пан, царь Мидас и сатир Марсий.- Аулетриды на торжественных праздниках богов.- На вакхических праздниках.- Интермеццо.-Названия различных мелодий, исполняемых аулетридами во время еды -*Гинграс* или триумфальная мелодия -*Каллинийская* песня -Превосходство беотийцев в искусстве игры на флейте -Список, собранный святым Иоанном Златоустом.Превосходство фригийских, ионийских и милезийских флейтистов - Их наем для банкетов - Философ и балладист - Танцовщицы -Отличительный тип разврата флейтистов - Страсть афинян к аулетридам - Восторг, вызванный флейтистами на пирах - Бромиадес, флейтист - Возмущение Полибия по поводу богатства некоторых публичных женщин.-Танцовщицы царя Антигона и аркадских послов - Чем отличались аулетриды от своих соперниц в проституции - Филина и Дифила - Связи между аулетридами.Любовь аулетриды Чармиды к Филематию - Развращенные нравы аулетридов - *Каллипигуанские* пиры - Публичные бои красоты, учрежденные Кипселом - Иродике - Хризофоры или *золотоносцы*.-Письмо от аулетриды Мегары к газтористу Вакхиду -Борьба между Мирриной и Пираллисом -Филумена -Молодые люди допускаются в качестве зрителей на оргии куртизанок.Ужин трибадов.-Письмо от владыки Гликера к владыке Вакхиса.-Влюбленность Иоэссы и Лисия.-Пифия.-Ординарная незаинтересованность Аулетридов.-Тариф за ласки модного флейтиста.Записка Филумены к Критону.- Письмо Петалы к ее любовнику Сималиону.- Веселый характер аулетридов.- Неудачные приключения флейтистки Парфенис.- Фермер Горгус и его любовница Крокаль.- Происхождение прозвищ некоторых знаменитых аулетрид: *Серполет, Птичка, Яркая, Осенняя, Глухая, Цветочная, Белая, Филе, Промонтори*, Синорис, Эвклея, Грамине, Хиероклея и т. д.-Пламенная Формезия.-Немеада.-Филира.-Любовь Алкивиада к Симфете.-Антея.-Нанно.-Судьба трех Каллипигов.-Ламия.-Страстная любовь Деметрия Полиоркета,

царя Македонии, к этой знаменитой Аулитриде. -Как Ламия стала любовницей Деметрия - Письмо этой куртизанки своему царственному любовнику -Ревность к другим любовницам Деметрия: Лине, Хризе, Антипире и Демону. -Амурные тайны Ламии, о которых сообщают Махон и Афиней -Происхождение прозвища Ламия или *Личинка* -Послы Деметрия при дворе Лисимаха, царя Фракии -Эпиграммы Лисимаха на Ламию. -Ответы Деметрия. -Письма Ламии к Деметрию. -Суд Бокхориса, царя Египта, между Тонисом, членом армии, и молодым египтянином. -Шутка Ламии по поводу этого суда. -Действия Деметрия в пользу Ламии. -Доходы афинян на мыло, использованное для ухода за куртизанкой. -Невероятное богатство Ламии. -Здания, построенные ею за свой счет. -Полемон, поэт на жалованье у Ламии. -Великолепие пиров, которые Ламия давала Деметрию, и как она отплатила за них. Смерть Ламии. Безрассудство афинян, которые обожествили ее и построили храм в ее честь. Жестокие слова Демоса, соперника Ламии.

ГЛАВА X.

Краткое содержание. - Афинские наложницы. - Их роль в супружеском доме. - Роль куртизанок в гражданской жизни. - Чем жена отличалась от публичной дочери. - Происхождение слова *жена*. - Жертвы этого слова. - Жены Сафо. - *Хорошие подруги* или великие жены. - Общественное положение. - *Знакомые женщины и философы*. -Преимущества, которые афиняне отдавали куртизанкам перед законными женами. -Портрет хорошей женщины, написанный поэтом Симонидом. -Девять видов женщин Симонида. -Честные женщины. -Аксиома Плутарха. -Закон о разводе. -Алкивиад и его жена Гиппарета перед архонтом. -Преимущества гетары для замужних женщин. -Влияние куртизанок на буквы, науки и искусства. -Здоровое действие проституции в греческой морали. -Молодые юноши. -Два портрета Алкивиада. -Авлетрида Дроза и философ Аристенет. -Философы, развратители молодежи. - Таис и Аристотель. - *Обычные* удовольствия гетеры и *необыкновенная* любовь философии. - Гигес, царь Лидии. - Птолеми. - Александр Великий и афинянка Таис. - Брак с куртизанкой. - Иллюстративные люди, чьи матери были куртизанками.

ГЛАВА XI.

Резюме. - *Философские* гетеры. - Проституция под защитой философии. - Философские системы проституции. - *Лесбийская* проституция. - *Сократическая* проституция. - *Циническая* проституция. - *Эпикурейская* проституция. - Любовь к философии Мегалостраты, любовницы поэта Алкмана. - Сафо. - Клеис, ее дочь. - Сафо *mascula*. Сапфическая ода в переводе Буало-Депрео. -Ученики Сафо. -Беспредельная любовь Сафо к Фаону. -Сингулярный источник этой любви. -Самоубийство Сафо. -Прыжок с Лефкады. -Философ Лина, любовница Гармония и Аристогитона. -Ее мужество в муках. -Ее героическая смерть. -Афиняне воздвигают памятник в ее память. Философ-эссарий Клеоника - невольное убийство Павсания - философ-эссарий Фаргелия - трудная и деликатная миссия, возложенная на нее персидским царем Ксерксом - ее брак с фессалийским царем Аспасией - шествие эссариев - она открывает в Афинах школу и преподает риторику. -Перикл влюбляется в философскую куртизанку Хрисиллу. Перикл женится на Аспазии. Сократ и Алкивиад, любовники Аспазии. Диалог между Аспазией и Сократом. -Власть Аспазии над разумом Перикла. -Войны в Самосе и Мегаре. -Аспазия и жена Ксенофонта. -Аспазия обвиняется Гермиппом в атеизме. -Перикл перед Ареопагом. -Оправдание Аспазии. - Изгнание философа Анаксагора и скульптора Фидия, друзей Аспазии. - Смерть Перикла. - Аспазия снова выходит замуж за торговца зерном. - Пифагорейская вера в душу Аспазии. - Вторая Аспазия, известная как Аспазия *Мильто*. - Киник Кратес. -Непреодолимая страсть Гиппархии к этому философу. - Их брак. - Кинизм Гиппархии. - *Гипотезы* этого философа. - Портрет учеников Диогена работы Аристиппа. - *Пифагорейские* гетеры. - Математик Никарет, любовница Стильпона. - Филенис и Леонтия,

любовницы Эпикура. Страстная любовь Эпикура к Леонтии - Письмо этой куртизанки к ее подруге Ламии - Его любовь к Тимарху, ученику Эпикура - Его портрет, выполненный художником Теодором - Его сочинения.-Ее дочь Даная, наложница Софрона, правителя Эфеса.-Смерть Данаи.-Археанасса из Колофона, любовница Платона.-Вакхида из Самоса, любовница Менеклида, и т.д.-Признание куртизанок философами и поэтами.

ГЛАВА XII.

Краткое содержание.- *Знакомые женщины* знаменитых людей Греции.- Любовь Платона к старой Археанассе.- Эпиграмма, которую он написал по поводу морщин этого члена семьи.- Интерпретация этой эпigramмы Фонтенелем.- Гиппик Плангон.-Памфила.-Сингулярное подношение, сделанное этой куртизанкой Венере.-Ее академия верховой езды.-Венера *Ипполития*.-Ривальность Плангона и Вакхиса.-Провозглашение колофона.-Щедрость Вакхиса.-Ожерелье двух друзей.-Архипп и Теорис, любовницы Софокла.-Гимн Софокла Венере.-Теорис, осужденная на смерть по обвинению Демосфена.-*Архипп-сова*.-Аристофан, соперник Сократа.-Феодот, *дар божий*.-Сократ, *мудрый советчик любви* -Презрение Аркиппа к Аристофану -Мсть Аристофана -*Облака* -Смерть Сократа -Ламия и Гликера, любовницы Менандра -Письмо Гликера к Вакхиду -Искренняя любовь Менандра к Гликере.- Комедии в честь куртизанок -Поэт Антагор и жадный Бедион -Лагид или *Черный* и ритор Кефал -Хорид и Аристофон -Фила наложница Гиперида -Любовницы Гиерида.-Эвтиас, обвинитель Фрины.- Исократ и Лагиск.- Герпилис и Аристотель.- Рабыня Никерата и ритор Стефан.- Дерзкая Нера.- Хозяин, потворщик, врач и друг Наис или Ойи.- Хозяйка Вакхиды.- Усилия этой куртизанки, направленные на спасение Фрины от обвинения, выдвинутого против нее Эвтиасом.-Сожаления, вызванные ее смертью.-Отчаяние Гиперида, ее любовника.-*Добрый* Вакхид.-Честный нрав куртизанки Питиас.-Пример нежности, поданный Феодотом на смерть Алкивиада, своего любовника.-Владелец Медонтис из Абидоса.- *Квадриги* Фемистокла.-Старая куртизанка Фемистоноз.-Шутки Нико по имени *Козел*.- *Эпиграммы* Мания по имени *Пчела* и *Маний*.

ГЛАВА XIII.

Краткое содержание - Биография знаменитых куртизанок Греции.- Гнафина.- Ее бранные слова, переложенные на стихи Махоном.- Ее трапезы.- Ее племянница Гнатиона или маленькая Гнафина.- *Апофтегмы* Линкея.- Любовники Гнафины.- Ваза со снегом и сардина.- Как Гнатиону удалось съесть обед, данный Дифилом с сирийцем.-Общение в доме Гнатиона.- Его остроумные реплики.-Его ссоры с хозяином Манием.-Хороший ответ куртизанки Гнатиону.-Любовники Гнатиона -Гнатион и атлет -Гнатион *Гиппопорнос* -Диоген и торговец лошадьми -Лаис -Ее детство -Ее искупление Апеллесом.-Лаис в Коринфе. Известная куртизанка. Непомерные суммы, которые она требовала от тех, кто желал ее благосклонности.-Стыд и смятение Лаиса.- Скульптор Мирон.- Лаис и Евбат.- Ришесс Лаиса.- Ее несчастная старость.- *Анти-Лаис*.- Ее смерть.- Памятники, воздвигнутые в ее память.- Другой Лаис.- Фринэ.- *Остатки вина* Фринэ.-*Почему* эта куртизанка получила прозвище *Фрина* -Ее участие в Элевсинских мистериях и праздниках Нептуна и Венеры - Фрина обвиняется Эвтиасом в нечестивости -Ее оправдывают -*Паразит куртизанки*.- Большое богатство Фрины -Предложение этой куртизанки беотийцам отстроить за свой счет город Фивы, разрушенный Александром Македонским -Амур Праксителя -Золотая статуя, воздвигнутая Фрине после ее смерти.-Фрина, прозванная *Ситом*.-Пифионика и Гликера.- Гарпал.-Два любовника Пифионики.-Смерть этой куртизанки.-*Пшеница Гликера*.-Убийство Гарпала.-Слова Гликера.-*Памятник проститутке*.-Смерть Гликера.

ГЛАВА XIV.

Краткое содержание -Введение священной проституции в Этрурии -Одинаковый внешний вид жителей первобытной Италии -Рим -*Волчица* Акка Лаврентия -Происхождение *борделя* - Постройка города Рима на территории, оставленной Аккой Лаврентией своим приемным сыновьям Рему и Ромулу.-Фестивали, учрежденные Ремом и Ромулом в честь своей кормилицы, под названием *Луперкалы*.-Луперки, жрецы бога Пана.-Сабины и оракул.-Геркулес и Омфала.-Священная проституция в Риме.-Куртизанка Флора.-Ее брак с Тарутием.-Происхождение *Флоралов*.-Фестивали Флоры и Помоны.-Куртизанки на Флоралах.-Катон в цирке.-Венера Клоацина.-Честные Венеры: Венера Плаcidная, Венера Лысая, Венера Генератрикс и т.д.-Безобидные Венеры: Венера Волюпия, Венера *Ласковая*, Венера *Доброй Воли*.-Храм Венеры Эрицины на Сицилии, восстановленный Тиберием.-Храмы Венеры в Риме -Приверженность Юлия Цезаря Венере -Истоки культа Венеры Победоносной - Мистический эпизод праздников Венеры -Венера Миртейская или Мурсийская -Приношения куртизанок Венере -*Бдения Венеры* -Бутафорские жертвы, приносимые римскими дамами Купидону, Приапе, Мутину и т.д, Нечестный культ бога Мутина. - Мутина.- Богиня-гермафродит Пертунда.- Тихон и Ортанс.- Знаменитый культ, введенный в Этрурию греком.-Вожди и верховные жрецы этой новой религии.- Аналогия этого культа с культом Исиды.- Тайны Исиды в Риме.-Исиаки.-Коррупция жрецов Исиды.-Культ Вакха.-*Вакханки* и *вакханки*.-Бесчестные праздники, позорящие божества Рима.-*Рынок куртизанок*.-Разница между священной римской проституцией и священной греческой проституцией.

Краткое описание периода, когда легальная проституция была установлена в Риме - Кем она была введена - Первые проститутки в Риме - Учреждение брака Ромулом - Четыре закона, принятые им в пользу сабинянок - Учреждение коллегии весталок Нумой Помпилией - Трагическая смерть Лукреции - Ужас и презрение, которые вызывало преступление прелюбодеяния у первобытных народов Италии.-Ужасные наказания, которым подвергались взрослые женщины в Кумах - Брак по *принуждению* - Взрослые женщины, отданные в руки государственной проституции - Честь Кибелы, спасенная Силеной - Приап и нимфа Лотис - Лица, предназначенные для приема взрослых женщин - Ужасные наказания, которым подвергались эти злодеи - Брак по *принуждению* - *Мать семьи* - *Супруга* - Брак по *принуждению*. Marriage by *usucapion* or trial marriage - Celibacy forbidden to patricians - A horse or a woman - Vibius Casca before the censors - The Censorian Tables - The *Julia Law* - Ulpian's definition of a public woman - The different types and degrees of Roman prostitution - Wandering prostitution - Stationary prostitution - *Stuprum* and *fornicatio* - *Lenocinium* - *Lenæ* and *Lenones* - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus - The class of Meretricibus.-Класс *Meretricibus* - *Ingenues* - Нота бесчестия - Licentia *stupri* или патент на разврат - Законы императоров против проституции - Комедианты, *Меретрикс* и *сутенеры* - Законы и наказания против прелюбодеяния.-Законный наложник - *Конкубины* - Налог на проституцию - *Ленон* Ветий - Мольба Цицерона в защиту Кёлия - Безразличие закона к преступлениям против природы - Закон *Скантиния*.

Резюме - Невероятное количество публичных девушек в Риме - Их классификация по отдельным категориям - *Меретрики* и *простибулы* - *Аликарии* или пекари - *Блитэ* - *Бустуарии* или кладбищенские девушки - *Казалиды*. - *Хрупкая* Флавия Домитилла, жена императора Веспасиана и мать Тита. - *Джунисы*, или телки; - *Ювенкæ*, или коровы; - *Лупæ*, или

волки; -*Ноктилукаэ* и *ноктувигилэ*, или ночные сторожа; -*Нонариаэ*; -*Педанеэ*, или гулящие; -*Дорис*, или *дорида*; -Различные названия, безразлично даваемые всем классам проституток.-Этимология слова *putæ* - *Quadrantariæ* - *Quæstuales* - *Quasillariæ* или служанки - *Ambulatrices* или ходячие - *Scorta* или шкуры - *Scorta devia* - *Scrantiæ* или камерные горшки.- *Субурпанэ* или дочери предместья Субурре -*Суммæнианэ* или дочери Суммæниума - *Шиникулэ* -*Слизни* -*Циркулятрис* или дочери бродяг -*Чарибды* или бездны -*Претиосæ* - Женский сенат -*Наемные дети*.*Патики* или больные - *Эфебы* или подростки - *Гемелли* или близнецы - *Катамиты* или чатемиты - *Амасии* или любовники - Евнухи - *Предиконы* - *Синеиды* - Гадитайны - Танцоры, флейтисты, лиристы.*Амбубаи* - *Меретрициум* или налог на девушек - Брокеры и поставщики проституции - *Лено* - *Лена* - Владельцы кабаре и купальщички - Пекарни - Парикмахеры и парфюмеры - *Унгентарий* - Адмонитрисы, стимуляторы и другие проститутки.-*Администраторы*, *стимуляторы*, *примирители* - *Анциллулы* или маленькие служанки -*Лостеры* -*Аддукторы* -*Трактаторы* -*Лупанаиры* или хозяева дурных мест -*Беллуарии* -*Капрарии* -*Анцерарии*.

КОНЕЦ [ОГЛАВЛЕНИЯ](#).